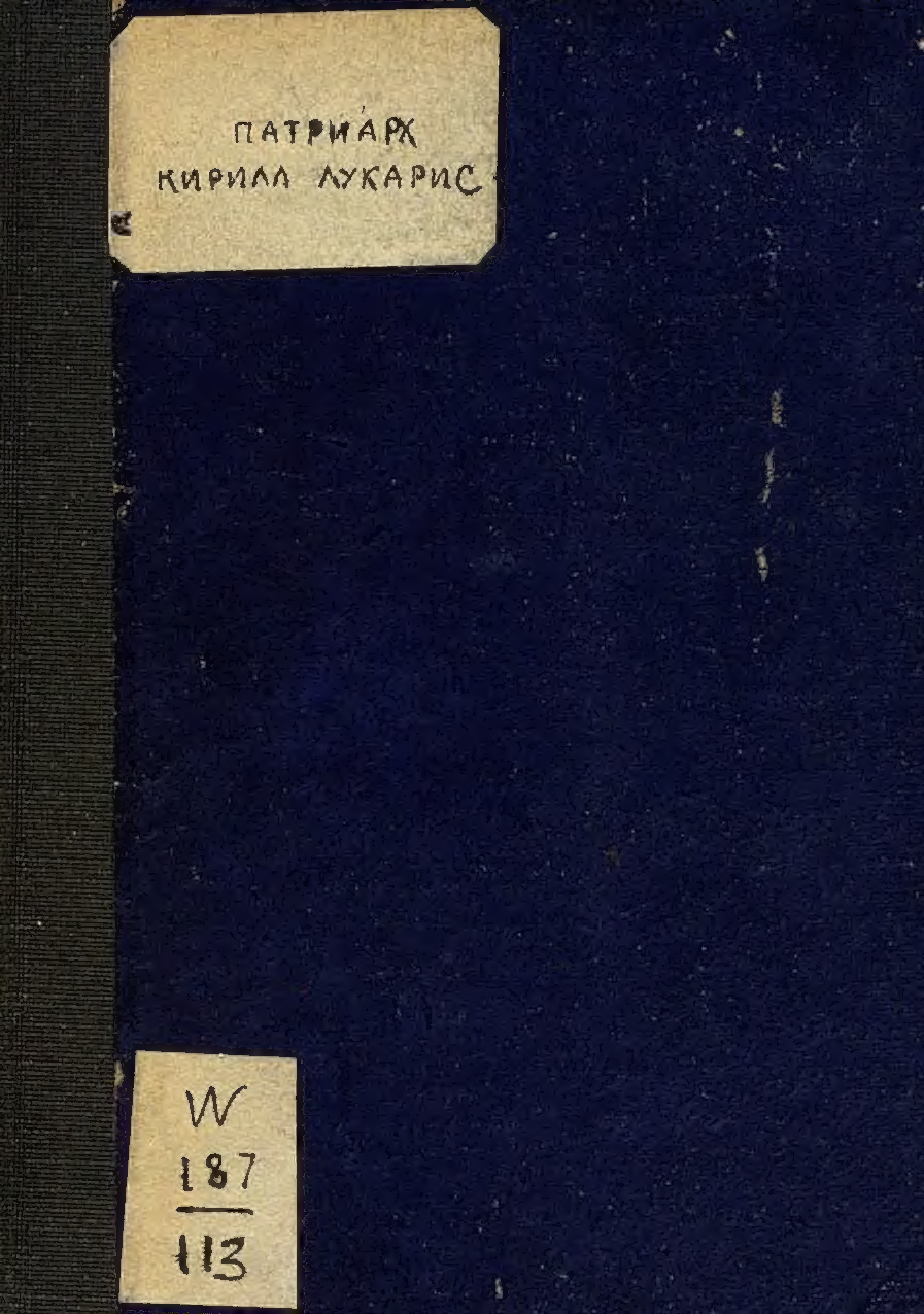

ПАТРИАРХ
КИРИЛЛ ЛУКАРИС

ПАТРІАРХЪ КИРИЛЛЪ ЛУКАРИСЪ

И

ЕГО ЗАСЛУГИ

для

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

АРХИМАНДРИТА АРСЕНІЯ

Р. Т. а. С.

(Изданіе второе безъ перемѣны).

СИМФЕРОПОЛЬ.
Таврическая Губернская Типографія.
1881 г.

ПАТРІАРХЪ КИРИЛЛЪ ЛУКАРИСЪ

и

ЕГО ЗАСЛУГИ

для

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

АРХИМАНДРИТА АРСЕНІЯ

Р. Т. А. С.

(Изданіе второе безъ перемѣны).

СИМФЕРОПОЛЬ.

Таврическая Губернская Типографія.

1881 г.

— Печатано съ перваго изданія безъ перемѣны. 1881 года, Іюня 14 дня, Симферополь.

Цензоръ, Протоіерей *Григорій Левицкій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПАТРІАРХЪ
КИРИЛЛЪ ЛУКАРИСЪ
И ЕГО ЗАСЛУГИ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣ паденія Константинополя, въ исторіи греческой церкви патріархъ Кириллъ Лукарисъ представляется однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ. Его великій умъ и образованіе, обширная дѣятельность и несчастныя приключенія въ жизни, особенно же его ревность къ православію и забота о благосостояніи своей церкви, обнаружившіяся въ борьбѣ его съ іезуитами и въ мудромъ обращеніи съ протестантами,—все это выдѣляетъ его изъ ряда прочихъ іерарховъ, управлявшихъ греческою церковію въ означенное время. А волненія, происшедшія изъ-за него въ церквахъ—западныхъ, восточной и русской, сдѣлали имя

его навсегда памятнымъ для всѣхъ церквей православныхъ и неправославныхъ.

Этому великому іерарху суждено было еще при жизни невинно выслушать названіе предателя православія, и по смерти подвергнуться даже анаѳемѣ, отъ которой однакожъ, спустя 33 года послѣ сего, соборнымъ опредѣленіемъ онъ освобожденъ, и съ этого времени добрая память о немъ постоянно жила и до сихъ поръ живетъ у православныхъ грековъ на востокѣ, гдѣ совершилъ онъ жизненный подвигъ, и гдѣ, по проискамъ враговъ, скончался мученическою смертію. На западѣ же, не смотря на то, что Кириллъ Лукарисъ былъ оправданъ восточною церковію, имя его издавна подвергалось многимъ нареканіямъ и до сихъ поръ служитъ предметомъ нещадной и несправедливой клеветы. И нынѣ нѣкоторые изъ западныхъ писателей силились доказать, будто Кириллъ Лукарисъ много содѣйствовалъ распространенію протестантизма на Востокѣ.[1] Поэтому мы, съ одной стороны,

[1] Въ такомъ духѣ въ 1862 г. вышла въ свѣтъ книжка: Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert, oder der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit. Von Dr. Aloysius Pichler. München.

желая представить личность патріарха Кирилла Лукариса въ истинномъ ея свѣтѣ, съ другой—познакомить своихъ читателей съ такою эпохою въ исторіи восточной Церкви, о которой слишкомъ скудны свѣдѣнія въ нашей литературѣ, разсмотримъ: 1) современное Лукарису состояніе церкви восточной, заставившее его такъ, а не иначе, жить и дѣйствовать, такъ, а не иначе, управлять церковію; 2)—его жизнь и дѣятельность, и наконецъ 3) представимъ несостоятельность обвиненій, взводимыхъ на него неправославными.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Современное Кириллу Лукарису состояніе восточной церкви.

Состояніе греческой церкви, современное Кириллу Лукарису, по свидѣтельству писателей XVI и XVII вв., представляетъ печальную картину. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что на востокѣ христіанская вѣра владычествомъ турокъ почти уничтожена, такъ что только изрѣдка тамъ можно встрѣ-

тить христіанина.[1] Другіе свидѣтельствуютъ, что восточные христіане, уклонившіеся отъ чистой вѣры своихъ предковъ, погружены въ невѣжество, и до того загрубѣли въ нравахъ и образѣ жизни, что даже не тяготятся своимъ несчастнымъ положеніемъ.[2] Кромѣ того, одни представляютъ церковь склонною къ латинству, другіе обвиняютъ ее въ уклоненіи къ протестанству, или кальвинизму.[3] Митрофанъ Критопулъ, касаясь нѣсколько восточныхъ христіанъ въ своемъ исповѣданіи вѣры восточной каѳолической Церкви, говоритъ, что «жизнь ихъ горька и тяжелѣе самой смерти.»[4] Правда, свидѣтельства эти о состояніи церкви восточной разнорѣчивы и преувеличены; но всѣ они согласны и справедливы въ томъ, что состояніе ея было весьма неутѣшительное, и зависѣло отъ враговъ ея, которыми были: турки, латиняне и протестанты. Разсмотримъ въ частности отношенія каждаго изъ нихъ къ восточной церкви.

---

[1] Іоаннъ Слейданъ во 2 гл. сочиненія: de quatuor summis imperiis; Іаковъ Андреэ професс. тюбинг. ак —Turcograecia lib. 7 § 497 и др [2] Turcograecia lib III. p. 250; Räuwolfii itinerarium in orient. provincias p 40 [3] Abbildung. der alt. und neuen griech. Kirche 1. 1 3—193. Censura orient. ecclesiae de praecipuis nostri saeculi haeretic dogmatibus... a Stanislao Socolovio; Acta et scripta Theolog p. Hieremia... [4] Mitroph. Critopul c. XII, p. 154

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отношеніе турокъ къ восточной церкви.

Не смотря на то, что полтора вѣка прошло со времени паденія греческой имперіи до вступленія на служеніе восточной церкви Кирилла Лукариса, турки не могли сдѣлаться мирными сожителями христіанъ—грековъ; вопервыхъ потому, что ихъ религіозно-нравственныя начала, руководящія всею ихъ политическою и домашнею жизнію, остались неизмѣнными и были совершенно неодинаковы съ началами христіанской жизни грековъ. Религія и нравственность грековъ основываются на всеобщей любви и законахъ, уважающихъ права всѣхъ. Народное же право турокъ-магометанъ основывается на предписаніи корана—непрерывно воевать со всѣми, которые не вѣруютъ въ Аллаха и его пророка, и позволяютъ себѣ то, что запретилъ Аллахъ и его пророкъ,—воевать дотолѣ, пока не покорятся противники, пока не станутъ платить дани и не примутъ магометанской религіи. Турки строго исполняли это предписаніе корана и всегда враждебно относились къ восточнымъ христіанамъ. Вовторыхъ, турки не могли сдѣлаться мирными сожителями грековъ потому, что они, при

самомъ началѣ своего владычества надъ греками, поставили себя въ самое ненормальное отношеніе къ послѣднимъ, которое удерживаютъ до настоящаго времени. Именно: они всегда смотрѣли на грековъ не какъ на равноправныхъ себѣ соотечественниковъ, а какъ на своихъ подчиненныхъ, которыми они, какъ побѣдители, могутъ распоряжаться, какъ имъ угодно. По понятіямъ турокъ, побѣжденный грекъ—во всемъ ихъ рабъ. Только по волѣ ихъ онъ можетъ исповѣдывать свою религію, строить храмы, проходить извѣстную должность, заниматься ремесломъ, располагать своею собственностію и т. п. Въ слѣдствіе такого униженія, онъ лишенъ государственныхъ должностей, и можетъ получить ихъ только подъ условіемъ перемѣны вѣры,—лишенъ также права голоса въ судѣ, предъ турецкимъ правительствомъ, и не можетъ требовать себѣ никакихъ правъ, какъ согражданинъ, и удовлетворенія за обиду со стороны турокъ. Вотъ тѣ два начала, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ жалкія явленія въ жизни грековъ, какъ представляетъ намъ исторія со времени владычества турецкаго,— всѣ варварскія отношенія турокъ къ грекамъ.

Еще задолго до взятія Константинополя, нѣкоторыя части константинопольской церкви под-

пали власти турокъ, именно — церкви въ Малой Азіи, Өракіи, Болгаріи, Мизіи и др. Окончательное же порабощеніе греческой церкви туркамъ совершилось спустя много времени послѣ завоеванія Константинополя. При султанѣ Селимѣ II (1566—1574) Оттоманская имперія достигла высшей степени своего могущества чрезъ завоеваніе Кипра (1571). Впрочемъ, считая лишнимъ слѣдить за исторіею завоеваній турками греческой имперіи, мы представимъ только картину этихъ завоеваній. Вникая въ характеръ и духъ нападеній турокъ на грековъ, мы ничего другаго не замѣчаемъ кромѣ воинскаго и религіознаго фанатизма, жестокости, ненасытимаго корыстолюбія и своеволія, выходящаго изъ предѣловъ. Недаромъ замѣчаетъ одинъ историкъ, что вся Европа съ ужасомъ взирала на воинскій и религіозный фанатизмъ турокъ, и съ трепетомъ ожидала себѣ участи, постигшей Византійскую имперію.[1] Золото, серебро, драгоцѣнные камни и все, что только имѣло какую нибудь цѣнность въ глазахъ варваровъ, все дѣлалось ихъ добычею; а что не могло насытить ихъ корысти, то предаваемо было разрушенію и пламени: домы,

[1] Краткое начертаніе всеобщей исторіи Смарагдова, изд. V. стр. 116.

святые храмы, нерѣдко цѣлыя обители и цѣлые города превращались въ развалины и пепелъ.[1] Жителей цѣлыми тысячами уводили въ плѣнъ;[2] богатыми населяли окрестности Константинополя, другихъ употребляли на тяжелыя работы, а большая часть обращаема была въ рабство туркамъ. Въ случаѣ же сопротивленія, давался полный просторъ жестокости воиновъ,— жестокости, какая свойственна народамъ дикимъ и грубымъ. Правители, и начальники, и всѣ способные носить оружіе были предаваемы мучительной смерти. Такъ казнены были правители Евбеи, Лесбоса, Спарты, и др.[3] Жителей принуждали къ перемѣнѣ вѣры и принятію исламизма, и только подъ этимъ условіемъ дозволялось имъ спокойно оставаться въ предѣлахъ родной страны; въ противномъ случаѣ, ихъ подвергали мученіямъ и даже смерти, или переселяли на жительство въ другія мѣста, или обращали въ рабство.[4] Юношей и дѣвицъ похищали для гаремовъ; тогда цѣлыя тысячи юношей брали въ плѣнъ и устрояли изъ нихъ полки янычаръ, обративши прежде въ магометанство, какъ

---

[1] Исторія человѣческихъ дѣяній, соч. К. М. Кумы (Ἱστορία τῶν ἀνθρωπίνων πράξεων), т. 7, стр. 380—384. [2] Тамъ же, стр. 373, 375, 379. [3] Исторія человѣческихъ дѣяній Кумы, т. 7, стр. 380, 383, 402. [4] Тамъ же, стр. 379.

было при завоеваніи Босніи, когда больше 30,000 юношей употреблено на устройство и пополненіе полковъ янычаръ. [1]—Таково было состояніе грековъ, при всѣхъ султанахъ, отъ времени завоеванія Константинополя до половины XVII вѣка.

Состояніе христіанъ подъ владычествомъ турокъ было еще тяжелѣе оттого, что султаны всѣ дѣла правленія передавали своимъ визирямъ, и давали полный просторъ ихъ деспотизму и насилію со стороны турецкаго войска. Къ концу же XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, значеніе великаго визиря въ имперіи и необузданность войска достигли крайнихъ предѣловъ. Великій визирь пользовался полною довѣренностію султана, и, по своему усмотрѣнію, дѣлалъ въ государствѣ, что хотѣлъ. По своимъ корыстнымъ видамъ, съ утвержденія султана, онъ низводилъ и возводилъ патріарховъ на патріаршій престолъ, бралъ съ нихъ огромныя деньги, принималъ взносимыя на патріарха разныя клеветы и даже умерщвлялъ ихъ; [2] низлагалъ и возводилъ митрополитовъ и другихъ епископовъ, налагалъ подать на православныхъ

[1] Истор. разн. славянск. народ. Арх. Іоанна Раича кн. IX, гл. 9, стр. 263 -265. [2] Какъ увидимъ ниже, патріархъ Кириллъ Лукарисъ оклеветанъ и умерщвленъ по волѣ великаго визиря Бассы. Monumenta fidei prolegom. XLIX.

грековъ, на церкви и монастыри, и даже отдавалъ послѣдніе подъ начальство солдатамъ и т. п.[1] Войско до того было распущено, что, по отношенію къ собственному правительству, оно открыто отмѣняло его законы и власть, и шло за тѣмъ, кто больше обѣщалъ ему денегъ. Когда войско было недовольно какимъ-нибудь пашею,—смѣло и громко требовало головы его; а если правительство не удовлетворяло его требованію,—оно открытымъ бунтомъ вынуждало султана удовлетворить его кровавому желанію. Не обращало даже вниманія на высказанную въ коранѣ и освященную закономъ неприкосновенность лица султана, и одного умертвило.[2] Если же таково было войско по отношенію къ своему правительству: то тѣмъ болѣе оно жестоко было въ отношеніи къ христіанамъ. Свирѣпые и буйные янычары, говорятъ писатели, такъ сказать, изощряли свою жестокость и лютость надъ невинными христіанами, употребляя противъ нихъ страшныя насилія, не разбирая ни пола, ни воз-

[1] Такими дѣйствіями во время К. Лукариса особенно отличались великіе визири Али-паша, Гуссейнъ и Басса. Gesch, des Protest Pichler. 24. [2] Османа II. Онъ хотѣлъ замѣнить янычаръ новымъ египетскимъ войскомъ: янычары, узнавъ объ этомъ, подняли страшную революцію, и закончили ее насильственною смертію султана. Gesch. des Protest. 19. 111.

раста, ни званія, ни состоянія.[1] Не одно, впрочемъ, войско, а и вообще всѣ турки, считая себя полными властителями грековъ, этихъ же — своими рабами, въ то же время считали своимъ какбы все, что имѣли греки; а потому нерѣдко похищали у нихъ все, начиная отъ лицъ женскаго пола, до послѣдней вещи въ домѣ, сопровождая все это насиліями и жестокостями.[2] Такія нападенія турки дѣлали на селенія и монастыри, частные дома и храмы: они грабили ихъ, разрушали и многіе обращали въ свои мечети; или же въ случаѣ пощады, брали огромные выкупы съ монастырей и церквей, для уплаты которыхъ должны были продавать все имѣніе монастырское, начиная съ утвари церковной, и впадали въ неоплатные долги. Отъ этого самого, въ описываемое нами время, мы встрѣчаемъ чрезвычайно много лицъ, приходившихъ съ Востока въ Россію за милостынею.[3] Эти лица являлись сюда съ граматами отъ патріарха или епископовъ, въ которыхъ описывалось бѣдственное состояніе того или другаго монастыря или храма, зависѣвшее отъ грабежей

---

[1] Истор. славянск. нар. Раича, кн. IX, гл. IX, стр. 263—265. Истор. чел. дѣян 7, стр. 383, 402. [2] Mitroph Crytop. c. XIII, p. 154—155 Grelo p. 63—64. Elsner c. VII, 337. [3] Сношенія Востока съ Россіею по дѣламъ церкви. Муравьова, ч. II.

турокъ. Такъ напр. описывается бѣдственное положеніе кипрской Михайловской обители въ грамatѣ къ московскому государю Михаилу Θеодоровичу, принесенной отъ кипрскаго архіепископа Христодула двумя старцами, прибывшими въ Россію въ январѣ 1627 г.[1] Въ другой грамatѣ Михаилу Θеодоровичу самъ Кириллъ Лукарисъ описалъ бѣдственное состояніе аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, пострадавшаго отъ турокъ.[2]

Враждебныя отношенія турокъ къ грекамъ, ихъ церквамъ и монастырямъ, основались не на однихъ только жадныхъ и корыстныхъ стремленіяхъ турокъ къ тому, чтобы завладѣть всѣмъ тѣмъ, что имѣли греки, но и на религіозной нетерпимости.—Хотя Магометъ II издалъ положительный законъ о неприкосновенности греческой религіи, однакожъ этотъ законъ не былъ и не могъ быть исполняемъ уже потому, что ихъ жизнь основывается на религіозномъ предписаніи воевать со всѣми иновѣрцами до тѣхъ поръ, пока они не примутъ ихъ вѣры. Отсюда вытекаетъ вся религіозная нетерпимость турокъ. Султаны старались обращать христіанъ греческихъ въ магометанскую

[1] Сношен. Востока съ Россіею, ч. II, стр. 46. [2] Тамъ же, стр. 36.

вѣру всѣми возможными способами. Уже Мурадъ I. пятаго изъ плѣнныхъ заставлялъ учиться турецкому языку и вѣроисповѣданію;[1] потомъ Баязетъ I и побѣдитель его Тимуръ — насиліемъ и жестокостями обратили въ магометанство цѣлыя тысячи христіанъ...[2] Завоеватель имперіи восточной, показавшій такое великодушіе къ покореннымъ грекамъ, въ то же время позволилъ законовѣдамъ своимъ обращать ихъ въ исламъ. При преемникахъ его турки обнаруживали особенную ревность къ распространенію магометанства между христіанами. Средства къ этому были разнообразныя. На юныя сердца они дѣйствовали ласками и приманками чувственныхъ наслажденій; взрослыхъ старались увлечь на свою сторону обольстительными мечтами о чувственныхъ удовольствіяхъ въ земной жизни и въ раю Магомета; страдавшихъ подъ гнетомъ податей и бѣдности обольщали сладкою надеждою на улучшеніе ихъ участи.[3] Такъ дѣйствительно и было: христіанинъ могъ освободиться отъ смертнаго приговора, если только изъявлялъ желаніе сдѣлаться магометаниномъ.[4] Иногда турки въ этомъ

[1] Лѣтопись Халкондилы, lib. I Инок. в. XIV. [2] Лѣтоп. Халкондилы, lib. II. [3] Status praesens Ecclesiae Graecae Al. Helladius, p. 32. [4] Труды к. д. ак. 1863 г. іюль, стр. 372.

случаѣ обращались къ пыткамъ и мученіямъ, чтобы заставить христіанъ отречься отъ своей вѣры. Такъ поступалъ султанъ Селимъ I, воздвигшій жестокое гоненіе сперва на христіанъ египетскихъ, а потомъ и на христіанъ анатолійскихъ. [1] Ненависть и презрѣніе мусульманъ къ христіанамъ обнаруживались особенно въ обращеніи съ плѣнными христіанами, которыхъ они подвергали всевозможнымъ насиліямъ и жестокости, чтобы принудить обратиться въ число мусульманъ. Для показанія насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ обращенія христіанъ въ магометанство, намъ приходится преждевременно упомянуть объ ужасномъ учрежденіи янычаръ. Это войско, если не исключительно, то преимущественно набиралось изъ христіанскихъ дѣтей. Христіанскихъ дѣтей насильно отрывали отъ отцевъ и матерей, воспитывали ихъ въ магометанской вѣрѣ,—и затѣмъ они должны были поступать на службу, чѣмъ условливалось ихъ временное и будтобы вѣчное спасеніе. По словамъ лжепророка, каждое дитя уже приноситъ съ собою въ міръ расположеніе къ исламу; развитіемъ этого расположенія къ исламу, въ составленномъ изъ христіанскихъ дѣтей войскѣ, представители маго-

[1] Μελετίυ, Εκκλ. ἱςος. τ. 3. 371. L. Allatius III. c. VII.

метанства думали возбудить въ православныхъ — желаніе переходить въ магометанство. Жалкое предположеніе безумныхъ поклонниковъ Магомета никогда не оправдывалось; между тѣмъ насиліе по отношенію къ дѣтямъ грековъ въ первой половинѣ XVII вѣка достигло крайнихъ предѣловъ: первоначальное число этого войска состояло изъ 1000 человѣкъ, при Магометѣ II увеличено было до 12,000, при Солиманѣ I до 20,000, при Магометѣ IV до 40,000, такъ что въ пололовинѣ XVII вѣка пятый мальчикъ изъ каждаго греческаго семейства долженъ быть янычаромъ,[1] а слѣдовательно магометаниномъ.

Будучи не въ состояніи истребить или ослабить, между греками, христіанство обращеніемъ ихъ въ магометанскую вѣру, турки надѣялись достигнуть этого отнятіемъ у нихъ и истребленіемъ храмовъ. Еще въ первое время послѣ взятія Константинополя, турки истребили и отняли навсегда у христіанъ множество богатыхъ и прекрасныхъ храмовъ, знаменитыхъ древностію историческою и архитектурною, не смотря на то, что завоеватель имперіи своими законами охранялъ безопасность христіанскихъ храмовъ отъ насилія турокъ. Изъ

[1] Труды к. д. ак. 1863 г. іюль, 372.

числа отнятыхъ въ то время храмовъ былъ великолѣпный храмъ Всеблаженной Дѣвы (Παμμακάριστος), украшенный заботами Іереміи II съ такимъ великолѣпіемъ, что современники называли его земнымъ небомъ. Филиппъ кипрскій говоритъ, что патріархъ горько рыдалъ надъ этимъ храмомъ, какъ соименный ему пророкъ рыдалъ надъ развалинами Іерусалима.[1] Между тѣмъ совершенно запрещено было грекамъ какъ строить новыя церкви, такъ и возстановлять ветхія и разрушенныя. Только великою цѣною можно было купить дозволеніе на незначительную поправку въ церковномъ зданіи.[2] Когда же разрѣшалось христіанамъ строить новые храмы, — тутъ открывались новыя притѣсненія со стороны турокъ: надобно было платить въ казну значительную сумму денегъ за мѣсто для церкви;[3] нужно было успокоивать подарками надзирателя зданій, готоваго привязаться ко всякой мелочи и т. п. Отъ всего этого храмы христіанскіе сокращались и множество ихъ лежало въ развалинахъ.[4] Таковы отношенія турокъ къ грекамъ,

[1] Philip. Cypr. Chron. Append. [2] L. Allatius de libris et rebus Eccl. Graecor. p. 98—99. [3] Тамъ же. [4] Путешествующіе по Востоку въ кон. XVI и нач. XVII вв. свидѣтельствуютъ, что они на каждомъ шагу встрѣчали развалины зданій, церквей и монастырей.

какъ иновѣрцамъ. Не менѣе тяжелы были ихъ отношенія къ грекамъ, какъ подданнымъ.

Греки, какъ подданные турецкому правительству, естественно должны были платить подать и нести разнаго рода государственныя повинности. Халкондила говоритъ, что турки сами не платили податей, считая это для себя неприличнымъ, и что подати берутся не съ турокъ, а съ иноплеменниковъ.[1] На первыхъ порахъ на грековъ возложена была подать весьма умѣренная.[2] Она состояла изъ 9 драхмъ съ каждаго лица мужескаго пола. Но съ теченіемъ времени она все больше и больше увеличивалась, такъ что къ концу XVI вѣка заключала въ себѣ 30 драхмъ,—и эту подать должны были платить всѣ лица мужескаго пола съ 12 лѣтняго возраста. Къ этой главной и поголовной подати присоединялось много другихъ податей и налоговъ, каковы подати на содержаніе и издержки султана и войска въ военное время, на содержаніе флота, визирей и другихъ вельможъ турецкихъ.[3] Особенно тяжело было грекамъ въ военное время, потому что издержки на содержаніе войска и флота значительно увеличивались.[4]

---

[1] Лѣтопись Халкондилы, I, VIII, p. 439. [2] Chr. Angel. c. II, p. 9—12 De la Croix chap. III. [3] Тамъ же. [4] Mitroph. Crytop. XXIII. p. 154.

Но самая тяжелая подать для грековъ была подать «душъ,» т. е. отнятіе у христіанъ дѣтей для воспитанія ихъ въ исламѣ и обращенія потомъ на разныя государственныя службы. Подать «душъ» получила свое начало до взятія Константинополя и достигла крайнихъ предѣловъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Урханъ, занимаясь преобразованіемъ и устройствомъ турецкаго войска, образовалъ новыя войска янычаръ и употреблялъ для этого плѣнныхъ христіанскихъ дѣтей, воспитавши ихъ въ военномъ искуствѣ и обративши въ исламъ. Преемники Урхана, особенно Мурадъ I обращались къ этому же средству для пополненія рядовъ янычаръ, насильно отнимая дѣтей у покоренныхъ христіанъ. Магометъ II, чтобы облагородить этотъ обычай, распространить его силу и значеніе, воспользовался существовавшимъ нѣкогда у греческихъ императоровъ правомъ — избирать изъ каждаго города Греціи дѣтей съ особенными дарованіями для воспитанія ихъ въ Константинополѣ, и приготовленія къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, — присвоилъ это право себѣ и распространилъ его на всѣ города и области имперіи. Онъ оградилъ этотъ обычай закономъ, и въ точности опредѣлилъ его приложеніе къ дѣлу.

Чрезъ каждые четыре года турецкіе сотники должны были являться въ города и села, и брать съ десяти домовъ по одному мальчику 7 лѣтъ и ниже нѣсколько.[1] Собранныя дѣти должны были воспитываться въ Константинополѣ, Перѣ и Адріанополѣ, и притомъ въ духѣ магометанской вѣры. Воспитанные такимъ образомъ, греки занимали иногда высшія должности. При преемникахъ Магомета подать «душъ» сдѣлалась самою тяжелою и невыносимою для грековъ; турецкіе сотники являлись съ отрядами янычаръ въ мѣста, населенныя христіанами и, вопреки всѣмъ правиламъ справедливости, отнимали у семействъ часто всѣхъ дѣтей, если они были здоровы и красивы; имѣя въ виду при этомъ и свою пользу, нерѣдко они схватывали дѣтей, попавшихся на встрѣчу, присвоивали ихъ себѣ, или же возвращали ихъ родителямъ за богатый выкупъ. Изъ любви къ дѣтямъ и изъ святаго желанія сохранить ихъ отъ мусульманскаго нечестія, родители нерѣдко скрывали своихъ дѣтей въ пещерахъ, горахъ, домахъ начальниковъ — единовѣрцевъ и т. п., а сами отправлялись на судъ сборщиковъ, и здѣсь подвергались жестокимъ пыткамъ. Нерѣдко дѣти, услышавъ о жестокихъ му-

[1] Отъ чего самая подать называлась „десятиною."

ченіяхъ родителей, являлись къ сборщикамъ и отдавались въ ихъ руки. Съ другой стороны, христіанскія дѣти, воспитанныя въ магометанской вѣрѣ, отличались дерзостію и жестокостію въ отношеніи къ христіанамъ, преслѣдовали ихъ насмѣшками и побоями, и проклинали самую вѣру христіанскую.[1] Справедливо замѣчаетъ одинъ писатель,[2] что десятинная подать принадлежитъ къ числу самыхъ жестокихъ страданій греческихъ христіанъ, потому что дѣти отрываются отъ материнскихъ объятій и воспитываются въ мерзкомъ служеніи Магометовомъ, и затѣмъ, воспитанные такимъ образомъ, дѣти принуждены бываютъ убивать своихъ родителей и преслѣдовать вѣру, въ которой рождены и крещены.[3]

По первоначальному праву, дарованному Магометомъ II, патріархи и епископы были свободны отъ всякой подати; но не прошло 15 лѣтъ послѣ изданія указа, какъ епископы были обложены податью по слѣдующему поводу: въ 1467 г. при патріархѣ Маркѣ Ксилокоравѣ,[4] трапезундскіе

[1] Crytop. c. XXIII, p. 153. Tuteograecia I. II. 193—194.
[2] Edvin Lantes, Relatio de religionis pag. 583. [3] Когда прекратилась подать дѣтей—неизвѣстно; только въ концѣ XVII в. она уже не существовала. [4] Патріархъ Маркъ былъ просвѣщенный, строгій и добродѣтельный человѣкъ: за строгія обличенія неправдъ онъ заслужилъ нерасположеніе клира. Chron. Philip. Cypr. p. 353.

переселенцы[1] хотѣли возвести на патріаршій престолъ своего соотечественника — іеромонаха Симеона, жившаго въ Константинополѣ. Подарками и лестію они склонили на свою сторону нѣкоторыхъ клириковъ, и вмѣстѣ съ ними, чрезъ своихъ друзей, служившихъ при султанѣ, успѣли оклеветать патріарха Марка предъ султаномъ и предложили ему 1000 дукатовъ за то, чтобы онъ сдѣлалъ патріархомъ ихъ іеромонаха Симеона. Магометъ II благосклонно принялъ означенную сумму. Отсюда возникъ новый законъ, по которому каждый патріархъ по своемъ посвященіи обязанъ приносить въ казну дивана подать.[2] Еще немного было бы зла, если бы подать ограничилась указанною цифрою; но честолюбіе и происки нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, вмѣшательство въ дѣла церковныя лицъ свѣтскихъ и корыстолюбіе турецкаго двора постепенно увеличивали эту подать. Въ первой половинѣ XVII вѣка она достигла огромной суммы: въ 1620 г. великій визирь Али-паша потребовалъ отъ патріарха Тимоѳея, предшественника Кирилла Лукариса, 100,000 дукатовъ.[3] Конечно, требуемыхъ денегъ патріархи не могли выплатить изъ

---

[1] Переселившіеся въ Константинополь по паденіи трапез. царства. [2] Эта подать называлась „харачь.“ [3] Тр. кіев. д. акад. 1863 г. іюль, 370; Gesch. des Protest. Pichler, 24.

собственныхъ доходовъ, а принуждены были собирать ихъ съ подвѣдомаго имъ духовенства; а такъ какъ, по волѣ султана и ихъ визирей, патріархи смѣнялись весьма часто: то само собою понятно, какъ тяжела была для церкви патріаршая подать, которой подлежали епископы и прочіе члены церковной іерархіи. Какъ велика была въ описываемое нами время эта подать — достовѣрно неизвѣстно. Но Ельснеръ въ своемъ новѣйшемъ описаніи состоянія христіанъ въ Турціи говоритъ, что духовные даютъ въ казну дивана больше мірянъ; діаконъ два дуката, архимандритъ четыре, епископы и архіепископы платятъ больше и неопредѣленную сумму, по произволу великаго визиря и пашей.[1] Независимо отъ того, всѣ монастыри обложены были особою годичною податью, соотвѣтственно состоянію каждаго изъ нихъ, напр. изъ аѳонскихъ монастырей: лавра св. Аѳанасія взносила 110 талеровъ. Ватопедъ и Хиландарь по 100 и т. п.[2] Кромѣ обыкновенныхъ податей духовенство греческое, какъ и міряне, отягощено было разными налогами, особенно въ военное время. Этимъ налогамъ преимущественно подвергались монастыри.[3]

---

[1] Elsner. c. VII, 6, 322. [2] Ricaut, c. XI, p. 48. [3] Appendix ad Philip. Cyprü.

Для полноты очерка мы представимъ гражданское и умственное, нравственное и религіозное состояніе грековъ, современныхъ Кириллу Лукарису.

Гражданское устройство греческихъ обществъ было различно. Въ тѣхъ городахъ и областяхъ, гдѣ жили турки, правленіе находилось въ рукахъ турецкихъ чиновниковъ; въ провинціяхъ же, населенныхъ одними греками, оно находилось у клира и лицъ высшаго сословія изъ грековъ.[1] Вслѣдствіе неодинаковаго устройства гражданскаго, самая жизнь грековъ была неодинакова. Въ первыхъ областяхъ безотрадное явленіе представляетъ греческое рабство.[2] Трудно представить положеніе бѣдственнѣе участи рабовъ-христіанъ. Отторгнутые отъ своихъ единовѣрцевъ и лишенные возможности поддерживать христіанскую вѣру, они по необходимости должны были погибать для истинной вѣры и христіанской церкви. Нерѣдко рабы, достигшіе старости, были выгоняемы изъ домовъ своими господами и, не имѣя пристанища, умирали съ голода на улицѣ.[3] Кромѣ рабства, жизнь грековъ въ областяхъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ

---

[1] Тр. к. д. акад. 1863 г. іюль, 373: Gesch. des Protest.— 26. [2] Elsner, c. II, S. II. [3] Nouveaux memoires des missions t. II, p. 34, 65.

управленіемъ турокъ, была бѣдственна еще потому, что подати и налоги здѣсь были гораздо ощутительнѣе и тяжелѣе, требованіе отправленія государственныхъ повинностей соединено было съ злоупотребленіемъ правителей; земледѣліе было стѣснено, промышленность находилась въ рукахъ турокъ, словомъ — все представляло здѣсь печальную картину. — Нѣсколько отраднѣе было состояніе областей, населенныхъ одними греками. Здѣсь не было того печальнаго рабства, какое было въ первыхъ областяхъ. Жизнь, какъ политическая — общественная, такъ и домашняя — частная, здѣсь слагалась болѣе свободно и правильно. Правителями были греки, а потому собраніе податей и отправленіе другихъ государственныхъ повинностей шло правильно и безъ злоупотребленій. Жители свободно могли заниматься земледѣліемъ, торговлею и т. п. Такимъ благосостояніемъ пользовались жители горныхъ областей и островитяне.[1] Впрочемъ, мы говоримъ о благосостояніи этихъ областей по сравненію съ греческими областями, населенными турками. Вообще же жизнь грековъ во всей Оттоманской имперіи представляетъ бѣдность и нищету.[2]

---

[1] Тр. к. д. акад. 1863 г. 373. Geschichte des Protest. 26.
[2] Тамъ же.

Какъ жило духовенство? Состояніе духовенства опредѣляется его управленіемъ и тѣми средствами, которыми оно жило. Во главѣ управленія стоялъ патріархъ и, состоящій при немъ, сѵнодъ. Патріархъ вмѣстѣ съ сѵнодомъ избиралъ и посвящалъ архіереевъ, созывалъ соборы и имѣлъ духовный надзоръ за всѣми церковными дѣлами въ своемъ патріархатѣ и нѣкоторыми гражданскими, касающимися грековъ (каковы — браки, духовныя завѣщанія и др.)[1] Подобно патріарху, завѣдывали церковными дѣлами въ своихъ епархіяхъ митрополиты, архіепископы и епископы. — Какъ опредѣленъ былъ образъ правленія въ греческой церкви, такъ же опредѣлены были и средства для содержанія духовенства. Патріарху принадлежали всѣ имущества архіереевъ, оставшіяся послѣ ихъ смерти безъ духовнаго завѣщанія, а также имущества священниковъ, не оставившихъ по себѣ дѣтей и близкихъ родственниковъ; патріархи собирали милостыню[2] и брали извѣстную сумму денегъ съ вновь посвященныхъ ими епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ; въ вѣдѣніи патріарховъ

---

[1] Turcograecia lib. II, p. 197: lib. III, p. 10—211. [2] Впрочемъ патріархи обращались за милостынею только въ крайнихъ нуждахъ, напр. для уплаты церковнаго долга, достигшаго большой цифры.

находилась общественная касса, собираемая съ духовенства для нужды церкви и т. п. — Митрополиты, архіепископы и епископы имѣли свои определенные доходы отъ каѳедральныхъ церквей, отъ низшаго духовенства за посвященіе и поставленіе на церковныя должности, принимали отъ священниковъ въ опредѣленное время подарки;[1] имѣли доходы отъ народа за литургіи заупокойныя, за браки, отъ получающихъ наслѣдство и т. п.; принимали приношенія отъ народа деньгами и продуктами. Епископу доставляли доходы монастыри, находящіеся въ епархіи, и разныя угодья, принадлежащія архіерейскому дому.[2] Что же касается до низшаго духовенства, — оно пользовалось доходами трояваго рода: приношеніемъ въ церковь хлѣба и вина, елея, свѣчъ и ѳиміама,[3] пожертвованіями въ пользу церквей и монастырей — помѣстьевъ и угодій.[4] Но главный и повсемѣстный источникъ для содержанія духовенства составляло вознагражденіе за отправленіе требъ церковныхъ.[5] Оно выражалось въ разныхъ видахъ и неопредѣ-

---

[1] При первомъ вступленіи на епархіи и ежегодно въ день Богоявленія и Пасхи. [2] Turcograecia lib. VII, p. 205; Труд. к. д. ак. 1863 г., іюль. 374—375; Gesch. des Protest. 28—29. [3] Тамъ же и Grelo p. 191. [4] Turcogr. VII, p. 6; Тр. к. д. ак. 1863 и Gesch. des Protest. 28—29. [5] Тамъ же.

лепно, смотря по усердію приносящихъ и по обычаю мѣстности. Ко всему этому духовные присоединяли свой трудъ,—обработываніе земли и занятіе ремеслами.[1] Вообще нужно замѣтить, что доходы духовенства были не скудны. Но этихъ доходовъ было весьма недостаточно: число духовенства было чрезвычайно велико. Почти каждый городъ и островъ имѣлъ своего епископа, почти на каждое семейство былъ священникъ или монахъ. Одинъ путешественникъ говоритъ, что въ Греціи духовенства болѣе, чѣмъ міряпъ.[2] Нужно же было народу питаться самому, платить тяжелыя подати туркамъ и кормить безчисленное свое духовенство, которое, не получая никакого пособія отъ правительства, исключительно жило на счетъ народа. Очевидно, при стѣсненномъ своемъ положеніи, народъ не могъ достаточно удовлетворять духовенство. Кромѣ того, при обиліи духовенства, естественно, епархіи были небольшія, приходы весьма малые, къ тому же эти приходы не были правильно распредѣлены; много было приходовъ, а священниковъ больше; во многихъ деревняхъ вовсе не было священниковъ, тогда какъ въ другихъ

[1] Turcogr. VII, p. 6: Тр. к. д. ак. 1863 и Gesch. des Protest. 28—29. [2] Тр. к. д. ак. 1863 г., іюль, стр. 373: Gesch. des Protest. стр. 27.

ихъ было по нѣскольку,[1] а отъ всего этого происходило много безпорядковъ. Наконецъ, церковныя имущества были расхищаемы частію турками, а частію патріархами, и тѣми епископами и монахами, которые помышляли о патріаршей каѳедрѣ; правительство же турецкое отнимало у духовенства на налоги и подати послѣдніе его доходы. Принимая во вниманіе все это, нельзя не сказать, что положеніе духовенства было достойно слезъ. Пихлеръ говоритъ, что низшее духовенство принуждено было жить добровольнымъ подаяніемъ, и чтобы не умереть съ голода, занималось разными ремеслами.[2]

При такомъ жалкомъ состояніи восточныхъ христіанъ образованіе, естественно, было достояніемъ только немногихъ, и притомъ оно развилось не въ центрѣ греческой церкви, а на окраинахъ имперіи — въ приморскихъ городахъ и преимущественно на островахъ Архипелага, гдѣ жизнь грековъ развивалась гораздо самостоятельнѣе и свободнѣе, чѣмъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ.[3] Въ эти мѣста, свободныя отъ притѣсненій

---

[1] Тр. к. д. ак. 1863 г., іюл. 377; Gesch. des Protest.
[2] Gesch. des Protest. стр. 28; Al. Helladius Status praesens.
[3] Monum. fidei Eccles. Graec. prolegom. XXII; «Истор. челов. дѣяній,» т. 12. 533—539.

турокъ, переселялись изъ Константинополя многіе ученые мужи, и тамъ содѣйствовали развитію образованія.[1] Между тѣмъ образованіе въ центрѣ греческой церкви находилось въ жалкомъ состояніи. По свидѣтельству историковъ, многіе священники, даже столичные, ни слова не понимали того, что читали при богослуженіи.[2] А ѳессалоникійскій митрополитъ признавался даже, что ни одинъ изъ его монаховъ и священниковъ не понималъ древне-греческаго языка.[3] О воспитаніи молодаго поколѣнія греки почти не заботились, хотя при многихъ церквахъ и монастыряхъ были элементарныя школы, въ которыхъ приходское духовенство и монахи учили дѣтей.—Три главныя обстоятельства препятствовали грекамъ заниматься образованіемъ: 1) фанатизмъ турокъ. Сдѣлавшись властителями греческаго народа, турки боялись просвѣщенія грековъ и, изъ опасенія, чтобы не пало ихъ государство отъ грековъ, когда станутъ развиваться и процвѣтать у нихъ науки, старались пресѣчь всѣ пути къ образованію, предотвращать и истреблять въ нихъ каждое движеніе, каждый порывъ рев-

[1] Monum. fidei—proleg. XXII. [2] Andrae Wengesseii lib. w. стр. 461. [3] „Тр. к. д. ак.“ 1863 г., іюль, 379; Gesch. des Protest. Pichler. стр. 30—31.

ности къ наукамъ.[1] 2) Бѣдственное положеніе греческаго народа. Вотъ что писалъ Мартину Крузію, тюбингенскому богослову, Ѳеодосій Зигомола—протонотарій великой церкви константинопольской: «у насъ почти нѣтъ людей, которые любили бы мудрость и заботились бы о просвѣщеніи; обстоятельства заставляютъ ихъ думать о другомъ... Народный правитель, какъ комаръ, кусаетъ ихъ и не дастъ покоя.»[2] Одинъ ученый критянинъ въ предисловіи къ Аристофану говоритъ: «напрасно укоряютъ грековъ въ томъ, что они не покупаютъ книгъ и не учатся,—когда они заняты приготовленіемъ необходимой пищи и съ трудомъ могутъ платить подать варварамъ.»[3] Наконецъ, 3) неустройства въ самой церкви и преимущественно на патріаршей каѳедрѣ. Истинное просвѣщеніе, ревность и усердіе къ образованію не всегда въ это время были уважаемы въ пастыряхъ церкви. Каѳедра патріаршая часто доставалась людямъ порочнымъ, которые любили только льстить страстямъ человѣческимъ, а не заботиться о благѣ своего народа. При такихъ неустройствахъ самые лучшіе

[1] Status praesens Eccles. Graecae, M. Helladius. p. 3—4. [2] Turcograecia, стр. 75, lib. III, Theod. Zygomolae epistola de Constant. [3] Mysypr. Turcograecia lib. VII. 492.

пастыри не всегда могли содѣйствовать образованію народному. У нихъ не было средствъ поддержать ревность свою къ этому великому дѣлу. Собственные труды ихъ — устныя и письменныя наставленія — вотъ все, чѣмъ они могли содѣйствовать просвѣщенію грековъ; но и здѣсь ихъ голосъ былъ заглушаемъ часто голосомъ страданій народа греческаго и безумными клеветами отступниковъ православія. Писанія ихъ должны были оставаться надолго подъ спудомъ, такъ какъ по бѣдности своей они не могли ихъ напечатать и издать въ свѣтъ.[1] Нечего говорить о прочемъ духовенствѣ: мы видѣли, что оно было столько невѣжественно, столько же и бѣдно, а потому не могло содѣйствовать распространенію образованія.

Нравственное и религіозное состояніе грековъ въ описываемое время также представляетъ печальную картину. Тяжелый гнетъ несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ и дурной примѣръ въ самихъ туркахъ, естественно, не могли не влiять на нравственное и религіозное чувство грековъ. Живя въ кругу мусульманъ, многіе греки забыли догматы вѣры и правила нравственности. Участіе

[1] См. предисловіе къ „Правосл. христіанину“ Мелетія Питы Кумы т. 12. 6. 437—539.

народа въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ значительно упало. Въ церковь ходило народу весьма немного; многіе перестали принимать христіанскія таинства. Едва можно было найти такую греческую фамилію, въ которой бы не было явнаго ренегата; родители не стѣснялись выдавать дочерей своихъ замужъ, за мусульманъ, и сыновей женить на мусульманкахъ.[1] Народъ находился въ нравственномъ оцѣпенѣніи; ни о чемъ больше не заботился, какъ только о томъ, чтобы уплачивать туркамъ подати и обезпечить свою жизнь; старался жить такъ, чтобы своими національными обычаями и правилами не возбуждать большей ненависти турокъ. Въ силу такихъ принциповъ жизни, греки часто безпрекословно соглашались на безнравственныя требованія турокъ, отдавали, напримѣръ, своихъ дочерей въ гаремы турецкіе и т. п. Кромѣ того, живя въ мѣстѣ съ турками, греки свыкались съ ихъ безнравственною жизнію, и эта жизнь, такъ или иначе, отражалась на нихъ. Вотъ почему историки видятъ въ жизни грековъ, съ одной стороны, нравственную распущенность и роскошь (у богатыхъ), съ другой, въ

[1] Turcograecia Annot. lib. VII, p. 496. Ricau p. 313—316; Gesch. des Protest. 31—32; „Тр. к. д. ак.“ 1863 г., іюль, 79—80.

противоположность сему, величайшую бѣдность и нищету. Наконецъ, такъ какъ греки жили не столько для себя, сколько для иноплеменниковъ: то естественно, они преданы были безпечности. А отсюда, развился у грековъ грубый порокъ — пьянство.[1] При такомъ дурномъ нравственномъ и религіозномъ состояніи греческаго народа, слѣдовало бы искать поддержки въ духовныхъ, но къ прискорбію нужно сказать, что само оно было небезукоризненно.

Самымъ важнымъ порокомъ въ духовенствѣ константинопольской церкви была симонія, или продажа церковныхъ должностей, которая распространена была между высшимъ и низшимъ духовенствомъ. Конечно, не все духовенство было предано этому пороку. Были лица на каѳедрахъ церковныхъ въ высшей степени безукоризненныя, составлявшія украшеніе восточной церкви.[2] Эти лица съ особенною заботливостію старались объ искорененіи симоніи. Симонія развилась не вдругъ по завоеваніи Константинополя. Особенно она стала замѣтна во второй половинѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка. Въ это время ревностные пас-

[1] Gesch. des Protest. Pichler. Тр. к. д. ак. 1863 г., іюль.
[2] Таковы: патріархи Геннадій, Іеремія I, Іоасафъ II, Іеремія II, Тимоѳей, Кириллъ Лукарисъ, Парѳеній и др.

тыри церкви принуждены были открыто бороться съ этимъ порокомъ. Они собирали соборы, и на нихъ предписывали строгія правила противъ симоніи, и низлагали симоніанъ.[1] Больше всего, кажется, подверженъ былъ симоніи патріаршій престолъ. Въ это время онъ обратился въ продажную вещь, которую покупалъ тотъ, кто давалъ больше денегъ.[2] Каждый богатый епископъ, и даже простой іеромонахъ, имѣвшій деньги, помышлялъ о патріаршествѣ. И такъ какъ торгъ патріаршимъ престоломъ доставлялъ огромный доходъ дивану: то Порта содѣйствовала этому торгу и развивала его. Вотъ почему, съ одной стороны, мы видимъ на патріаршемъ престолѣ много лицъ недостойныхъ и даже безнравственныхъ, а съ другой — частую смѣну патріарховъ.[3] Каждый патріархъ, купившій себѣ патріаршій престолъ, уже чрезъ то готовилъ мѣсто другому; потому что, въ слѣдъ за нимъ, уже многіе соображали, какимъ количествомъ денегъ можно превысить сумму, внесенную патріархомъ въ казну дивана. И какъ только превышающая сумма объявлялась Портѣ, — патріархъ

[1] Соборы: при Іоасафѣ II (1565) и Іереміи II (1594). [2] Gesch. des Protest.: Труды кіевск. д. ак. 1863 г. іюль, стр. 370. [3] Съ 1453 г. по 1733 г. въ Константинополѣ было 95 патріарховъ Тр. к. д. ак. въ указан. мѣстѣ.

лишался своего мѣста; преемники его ожидали той же участи и т. д. Какъ достигался патріаршій престолъ, такъ достигалась и епископская каѳедра. Нѣкоторые патріархи старались больше посвящать и низвергать епископовъ, чтобы больше получить денегъ. Епископы тоже самое дѣлали по отношенію къ низшему духовенству. Симоніею частію объясняется и та многочисленность духовенства, какую мы видѣли. Всякій могъ получить священство, кто только въ состояніи былъ заплатить епископу опредѣленную сумму. Этимъ отчасти объясняется и то, почему встрѣчается въ это время много священниковъ вовсе необразованныхъ.—Въ низшемъ духовенствѣ мы тѣмъ больше встрѣчаемся съ такимъ же явленіемъ; потому что состояніе его было гораздо хуже состоянія высшаго духовенства. Всѣ церковныя требы духовенство отправляло за деньги — крещеніе, бракъ, погребеніе и даже исповѣдь и причащеніе. Одинъ путешественникъ описываемаго времени — Цаллотъ[1] слышалъ изъ устъ одного греческаго епископа, что большіе посты — самое лучшее время доходовъ для духовенства, когда христіане преимущественно каются въ своихъ грѣхахъ. У каждаго священника, говоритъ

Gesch. des Protest. стр. 29. Тр. к. д. ак. 1863 г. іюль, стр. 378.

онъ, былъ листъ, на которомъ были расписаны грѣхи и противъ каждаго грѣха — такса за отпущеніе его; а если вѣрить другимъ современнымъ свидѣтельствамъ, то греческіе монахи находились даже въ службѣ у морскихъ разбойниковъ, и за приличную часть добычи, получаемую отъ разбойниковъ, прощали имъ злодѣянія ихъ и возбуждали къ новымъ. Конечно, эти свидѣтельства преувеличены, а послѣднее, быть можетъ, и ложно; но все таки въ основаніи ихъ нельзя не допустить доли правды. Причина такого религіозно-нравственнаго упадка, какъ мы уже сказали, лежала въ тяжеломъ положеніи духовенства; однакожь это не оправдываетъ духовенства, потому что при тяжеломъ положеніи можно быть въ высшей степени нравственнымъ и религіознымъ, какъ это показали примѣры нѣкоторыхъ святителей греческой церкви и простыхъ грековъ, причисленныхъ даже къ лику святыхъ.[1]

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отношеніе латинянъ къ восточной церкви.

Когда на почвѣ латинскаго католичества поя-

[1] Таковы: Іоаннъ Пирогъ (15 апр.), Георгій новый (21 мая), см. Συναξάριστης Никодима святогорца: Νέον μαρτυρολόγιον... Ἐν Ἀθήναις., 1856 ἔτει.

вилось протестанство, и болѣе половины сыновъ церкви римской отпало отъ папства, тогда латиняне съ особеннымъ усердіемъ стали заботиться о томъ, какъ бы совершившійся ущербъ въ ихъ церкви пополнить пріобрѣтеніемъ новыхъ послѣдователей своей церкви между иновѣрцами. Издавна знакомый имъ востокъ въ это время обратилъ на себя особенное ихъ вниманіе, выразившееся въ пропагандѣ латинской вообще и въ частности въ дѣятельности іезуитовъ на востокѣ.

Не смотря на то, что константинопольскій соборъ въ 1443 г. торжественно отвергъ постановленія флорентійскаго собора, имѣвшаго цѣлію ввести латинскую унію въ греческой церкви, римскіе папы все таки не переставали посылать свои буллы, по прежнему приглашали греческихъ епископовъ на римскіе соборы и незаконно назначали римскихъ патріарховъ и епископовъ на вакантныя мѣста на востокѣ. Такъ, въ то время, когда Кириллъ Лукарисъ былъ избранъ въ александрійскаго патріарха, беневенскій епископъ носилъ то же титло — александрійскаго патріарха.[1] Эти латинскіе епископы, живщіе въ предѣлахъ греческой церкви и номинально считавшіеся греческими епископами, имѣли у себя надлежащій штатъ, во

[1] Тр. к. д. ак. 1863 г., іюль, стр. 380.

многихъ городахъ монастыри, аббатство и латинскія епископіи, получившія начало свое, впрочемъ, гораздо раньше флорентійской уніи. Все это вмѣстѣ составляло папскую миссію въ греческой церкви. Эта миссія, въ описываемое нами время, получила то новое значеніе, что дала у себя пріютъ новымъ опытнымъ миссіонерамъ, приготовленіемъ которыхъ латиняне въ это время особенно занялись, и вмѣстѣ съ ними заботились о распространеніи католицизма на востокѣ.

Для распространенія католицизма между иностранцами, папы учредили въ Римѣ общество распространенія вѣры «sacra congregatio fidei propagandae» для приготовленія достойныхъ и способныхъ миссіонеровъ.[1] Чрезъ это общество папы хотѣли распространить свою власть повсюду и преимущественно на востокѣ. Сюда они постоянно отправляли членовъ этого общества — епископовъ, легатовъ, канониковъ, монаховъ разныхъ орденовъ, а преимущественно іезуитовъ.[2] Кромѣ предварительнаго приготовленія миссіонеровъ въ самомъ Римѣ, для успѣшнѣйшаго дѣйствованія въ дѣлѣ образованія грековъ, миссіонерамъ вручаемы были подробныя инструкціи, предварительно составлен-

[1] Это общество учреждено въ XVI в., но въ какое именно время — достовѣрно неизвѣстно. [2] L. Allatius, lib. III, C. III. 1.

ныя въ Римѣ упомянутымъ обществомъ — приспособительно къ состоянію тѣхъ народовъ, къ которымъ посылаются миссіонеры. Таковая инструкція издана была въ Римѣ въ 1597 г. для обращенія грековъ: «Instructio super ritibus Graecorum.» Кромѣ инструкцій, опредѣлявшихъ внѣшніе пріемы миссіонеровъ въ обращеніи съ греками, для начальниковъ провинцій и пословъ латинскихъ, отправляемыхъ на востокъ, издаваемы были книги въ духѣ единенія церквей латинской и греческой. Цѣль этихъ книгъ была — показать мнимое согласіе этихъ церквей, и тѣмъ, прежде всего, подѣйствовать на священниковъ греческихъ, какъ представителей греческаго религіознаго образованія, а чрезъ нихъ и на всѣхъ грековъ. Съ этою цѣлію написана и издана была въ 1619 году книга Петра Аркудія, корцирскаго священника: «De concordia Ecclesiae Occidentalis et Orientalis» и др. Кромѣ того сами папы, при посредствѣ тѣхъ же миссіонеровъ, всѣми силами старались привлечь къ себѣ грековъ. Съ этою цѣлію они послали въ монастыри греческіе и вообще къ греческимъ христіанамъ индульгенціи и разныя привиллегіи и милости; такъ дѣлали папы Левъ X, Климентъ VII и др.»;[1]

[1] Они посылали: privillegia, exceptiones indultia gratias et praerogrationes въ особой буллѣ, называвшейся: mare magnum. L. Allatius, lib. III, CVII, 982—983.

покушались даже своими милостями склонить на свою сторону восточныхъ патріарховъ, какъ напр. желалъ того Убранъ VIII по отношенію къ Кириллу Лукарису.[1] И не безъ успѣховъ оставались всѣ эти дѣйствія латинской пропаганды, особенно послѣ того, когда, по ходатайству иностранныхъ посланниковъ латинскихъ державъ, находившихся при турецкомъ дворѣ,—латинянамъ предоставлена была на востокѣ полная свобода богослуженія и дѣятельности отъ турецкаго правительства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ каждой греческой епископіи былъ епископъ латинскій, и во многихъ мѣстахъ явились монастыри и аббатства разныхъ орденовъ: яковитовъ капуциновъ, францисканцевъ, кальдерьеровъ, іезуитовъ и др. Каковы были успѣхи этой пропаганды въ обращеніи грековъ,—мы не можемъ сказать опредѣленно. Свидѣтельства Алляція въ этомъ отношеніи преувеличены; онъ, напр., говоритъ, что послѣ паденія Константинополя греки оставили свою ненависть къ латинянамъ и вошли съ ними въ тѣсное общеніе.[2] Полемика грековъ съ латинянами, продолжавшаяся чрезъ весь XVI вѣкъ, и борьба Кирилла Лукариса

[1] Geschichte des Protest., стр. 126. [2] L. Allatius, lib. III C. VII. De Eccles. Occident. et Orient. perpet. consensu.

съ іезуитами въ XVII вѣкѣ говорятъ намъ совершенно противное....

Кромѣ общества пропаганды, приготовлявшаго миссіонеровъ для распространенія римскаго вѣроученія среди грековъ, орудіемъ для той же цѣли служили іезуитскія школы. Въ XVI и XVII вв., вслѣдствіе притѣсненія турокъ, образованіе на востокѣ, какъ мы видѣли, находилось въ упадкѣ; но при этомъ нельзя сказать, чтобы не было у грековъ жажды къ просвѣщенію; и въ это тяжелое время много было желающихъ получить образованіе, гдѣ бы то ни было. И вотъ греческіе юноши, за недостаткомъ собственныхъ училищъ, спѣшили въ знаменитые западные университеты и въ іезуитскія коллегіи, находившіеся въ большемъ числѣ преимущественно въ Италіи и Сициліи[1] и пользовавшіеся въ то время особеннымъ почетомъ за строгую администрацію, педагогію преподаванія наукъ.[2] Эти университеты и коллегіумы были для папъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ распространенію на востокѣ ихъ вліянія и власти. Греческіе юноши воспитывались въ нихъ въ духѣ и правилахъ латинской церкви, а потому нѣкоторые изъ нихъ заражались католицизмомъ и воз-

---

[1] Уже около 1556 въ Италіи было до 13 іезуитскихъ коллегіумовъ, въ Сициліи 4. [2] Historia societatis Jesu pars 2, p. 1—2.

вращались на родину ревностными приверженцами папъ. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ былъ для римскихъ первосвященниковъ и латинской пропаганды на востокѣ греческій коллегіумъ, основанный въ Римѣ папою Григоріемъ XIII въ 1589 году.

Еще папа Юлій III думалъ устроить греческій коллегіумъ — только не въ Римѣ, а въ самомъ Константинополѣ; но смерть прекратила его намѣреніе. Желая помочь всеобщему бѣдствію Греціи, говоритъ Левъ Аллацій, Григорій XIII воздвигнулъ въ Римѣ съ великими издержками греческую церковь во имя св. Аѳанасія великаго и устроилъ при ней коллегіумъ для греческихъ юношей.[1] Тотъ и другой въ дѣлѣ построенія греческаго коллегіума имѣли свою корыстную цѣль — чрезъ греческое училище привлекать къ себѣ грековъ, и чрезъ нихъ же самихъ дѣйствовать на ихъ соотечественниковъ. Нашу мысль подтверждаетъ все устройство этого коллегіума. Вся администрація, педагогика, преподаваніе богословскихъ наукъ — были чисто латинскія. Кромѣ того, самыя пожертвованія папы Григорія XIII, столь щедрыя въ пользу устройства коллегіума, не могутъ говорить въ пользу безкорыстія какъ его, такъ и его цер-

[1] L. Allatius, lib. III, c. III, VII. p. 985—986.

кви, которая всегда и вездѣ наблюдала выгоды свои неразрывно съ выгодами папы. Если для папы стоила великихъ издержекъ постройка въ Римѣ греческой церкви и при ней коллегіума для греческихъ юношей, и если папа даровалъ этому коллегіуму богатыя помѣстья и угодья въ окрестностяхъ Рима: то все это условливалось разсчетами папы на большее привлеченіе къ себѣ греческихъ юношей и, такимъ образомъ, на покрытіе многихъ издержекъ пріобрѣтеніемъ новыхъ духовныхъ чадъ для папскаго престола. При хорошемъ устройствѣ греческаго коллегіума и при тѣхъ удобствахъ, которыя ему предоставлены были, естественно, онъ не могъ оставаться пустымъ. По свидѣтельству Алляція, въ цвѣтущее время коллегіума, при протекторѣ-кардиналѣ Юліѣ-Антоніѣ (Iulius Antonius), въ немъ было до 65 воспитанниковъ. [1] Въ немъ воспитывались, кромѣ грековъ, и русскіе юноши.[2] По окончаніи образованія въ означенномъ коллегіумѣ, многіе изъ воспитанниковъ-грековъ возвращались на родину вѣрными сынами церкви православной; но много было и такихъ, которые, возвратившись на родину и сдѣлавшись ректорами

[1] L. Allatius. lib. III, n. VII и д. [2] Алляцій указываетъ многихъ лицъ изъ воспитанниковъ русскихъ, находившихся въ греческомъ коллегіумѣ—въ Римѣ.

школъ, священниками и епископами въ разныхъ греческихъ городахъ, являлись ревностными слугами престола римскаго, словомъ и дѣломъ содѣйствовали распространенію папской власти на востокѣ. Таковы: Аллацій и Петръ Аркудій, такъ много ратовавшіе за римскую церковь въ полемическихъ сочиненіяхъ, и южно-руссъ Мелетій Смотрицкій, бывшій прежде въ дружбѣ съ Кирилломъ Лукарисомъ, а потомъ, съ измѣною православію, такъ много клеветавшій на него предъ церквами— восточною и западною.[1]

Самымъ же главнымъ орудіемъ папъ въ дѣлѣ распространенія ихъ религіи и власти на востокѣ были іезуиты. Орденъ іезуитовъ, основанный Игнатіемъ Лойолою въ половинѣ XVI вѣка, быстро распространился во всѣхъ странахъ свѣта. Уже около 1556 года скоро по смерти своего основателя, общество іезуитовъ раздѣлилось на 12 провинцій, изъ коихъ 8 было въ Европѣ, одна въ Африкѣ, одна въ Азіи и двѣ въ Америкѣ. Скоро іезуиты появились и въ Греціи, разселились по разнымъ мѣстамъ имперіи и проникли въ самый Константинополь. Въ дѣятельности ихъ были освящены средства цѣлію, разсчитаны всѣ средства,

[1] Прибавленіе къ Твор. св. отцевъ, годъ 4 (1846), статья: Петръ Могила, стр. 52—56. Словарь о писателяхъ дух. чина. II, 51.

опредѣлены до самыхъ подробностей всѣ пути дѣятельности по отношенію къ каждому народу, къ каждому сословію, полу, возрасту, матеріальному и нравственному состоянію людей и т. п. А потому они легко могли вкрасться въ сердца грековъ и явиться предъ ними въ видѣ облегчителей ихъ скорби и избавителей. Они старались прежде всего обратить на себя вниманіе народа, привлечь его къ себѣ чрезъ ласковое обращеніе и разныя благотворительныя дѣла, и такимъ образомъ войти въ его довѣренность. Затѣмъ, они пошли далѣе: стали учреждать монастыри, больницы и страннопріимные дома; старались быть учителями и духовными отцами народа, начали заводить училища для воспитанія въ своемъ духѣ дѣтей православныхъ грековъ.[1] Какъ будто съ совершеннымъ безкорыстіемъ они предлагали грекамъ способы къ образованію, безмездно обучали греческихъ юношей и чрезъ то, естественно, располагали къ себѣ многихъ. Православные, ничего не подозрѣвая, отдавали имъ дѣтей на воспитаніе; іезуитамъ это только и нужно было: изъ-подъ ихъ руководства рѣдкій юноша выходилъ съ неиспорченнымъ сердцемъ. Кромѣ того, они вкрадывались въ семей-

[1] Нужно замѣтить, что іезуиты старались увлечь въ свои сѣти преимущественно молодое поколѣніе. Chronic. Philip. Cypr. p. 460—461

ства съ своими лицемѣрными бесѣдами, совѣтами и другими пособіями; ходили въ больницы съ лѣкарствами для ухаживанія за больными и вездѣ незамѣтно распространяли латинскія мнѣнія.[1] Подъ видомъ благотворительности они давали у себя пріютъ, а иногда и пропитаніе, людямъ безпомощнымъ. Съ особеннымъ искусствомъ привлекали къ себѣ легковѣрныхъ женщинъ, обольщая ихъ своимъ сладкорѣчіемъ, пріятнымъ обращеніемъ и особенно тѣмъ, что, будучи облечены священнымъ саномъ, они обѣщали имъ разрѣшеніе отъ грѣховъ, вовсе не налагая такихъ епитимій, какія назначались иногда православнымъ греческимъ духовенствомъ. Все это вмѣстѣ не безъ успѣха дѣйствовало на умы людей слабыхъ, какъ въ Константинополѣ, такъ и другихъ городахъ греческихъ. Вотъ почему, по свидѣтельству даже восточныхъ историковъ,[2] немало было почитателей іезуитовъ между православными греками до тѣхъ поръ, пока Кириллъ Лукарисъ не разоблачилъ предъ своею церковію ихъ коварныхъ замысловъ.

---

[1] Elsner. c. II. s. 15—16. [2] Филиппа кипрскаго, Досиѳея, Мелетія и др. Chronicon Philip. Cypr., Τομος ἀγαπης Δοσιθέυ; Ἱςορ. Εκκλ. Μελετίυ. ч. III. Καταλογος πατριαρχων ἐν Κονςαντ. -Μαθᾶ. Изъ послѣдняго сочиненія можно видѣть, что даже нѣкоторые патріархи были расположены къ іезуитамъ и заражены были католицизмомъ, напр. Рафаилъ, Кириллъ Конторисъ и др.

Кромѣ благотворительныхъ дѣйствій и устнаго слова, іезуиты старались распространить свое ученіе путемъ литературы, надѣясь чрезъ это провести свое ученіе въ кругъ образованныхъ грековъ. Для этой цѣли они писали сочиненіе противъ восточной церкви и печатные экземпляры этихъ сочиненій разсылали повсюду — раздавали ихъ даромъ всѣмъ, желающимъ имѣть ихъ. Съ такою цѣлію въ концѣ XVI вѣка іезуитъ Ричардъ написалъ книгу: «Τάργα τῆς ρωμαικῆς Ἐκκλησίας» (Щитъ римской церкви) на общенародномъ греческомъ языкѣ, и, напечатавъ ее въ Парижѣ, раздалъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ языкъ былъ въ употребленіи.[1] Особенно же іезуиты заботились объ изданіи пособій и руководствъ латинскимъ проповѣдникамъ для распространенія между греками папизма и объ изданіи латинскихъ катихизисовъ для греческихъ христіанъ.[2] Издавая свои сочиненія, старались показывать, будто ихъ ученіе согласно

[1] Ricaut, p. 23—24. [2] Таково, напр. было пособіе на латинскомъ языкѣ Александра Регурды (Regourdas): „Demonstrationes Catholicæ, sev ars reducandi haereticos ad fidem orthodoxam"; таковы катихизисы: Едмонда Авгерія на латинскомъ, греческомъ и французскомъ языкахъ; Георгія Мойра (Moyr)—на греческомъ и еврейскомъ; Викентія Констаньолы—на греческомъ и др. Былъ даже написанъ и изданъ, по повелѣнію папы Урбана VIII, катихизисъ или православное исповѣданіе на славянскомъ и латинскомъ языкахъ. *

* Опытъ Библіографіи—Сопикова. Ч. 1. стр. LXXVII.

съ православнымъ греческимъ. Для этой цѣли они переписывали книги, содержащія православное ученіе, тщательно пересматривали ихъ и частію вносили въ нихъ свое ученіе, частію выпускали цѣлыя мѣста, направленные прямо противъ латинскаго ученія; а иногда извращали цѣлыя мѣста, особенно сильныя православнымъ ученіемъ. Испорченныя, такимъ образомъ, книги перепечатывались въ Римѣ и оттуда снова разсылались по востоку, не какъ книги латинскія, а какъ составленныя и изданныя на востокѣ самими же греками. На такія дѣйствія іезуитовъ жаловался нюренбергскому профессору Арнольди аѳонскій іеромонахъ Іосифъ, путешествовавшій по Европѣ.[1] Нерѣдко іезуиты прибѣгали къ клеветѣ и печатно провозглашали, что восточные патріархи подчинились престолу св. Петра и что обѣ церкви — восточная и западная, соединились между собою. Такъ, напр., разглашено было про александрійскаго патріарха Мелетія Пигу и др.[2]

Но тяжелѣе всего оказывались дѣйствія іезуитовъ на востокѣ въ то время, когда они, епис-

[1] Append. ad Chronicon Philip. Cypr. [2] Мелетій Пига жаловался на іезуитовъ въ письмѣ къ Игнатію Поцѣю въ 1599 г. за то, что они разглашали, будто онъ подчинился папѣ, и будто Церковь восточная соединилась съ западною.

кавши расположеніе турецкаго правительства, вмѣшивались въ дѣла политическія и литературныя. Лишь только встрѣчали они противодѣйствіе со стороны греческихъ пастырей, или самихъ христіанъ, тотчасъ старались отмстить имъ клеветою на нихъ предъ правительствомъ, и тѣмъ поправить свое дѣло. Часто чрезъ разные наговоры они содѣйствовали увеличенію податей и налоговъ, производили въ государствѣ безпорядки и возмущенія, и въ нихъ несправедливо обвиняли греческихъ христіанъ,[1] которые должны были отклонять отъ себя всѣ подозрѣнія или тяжкими страданіями, или золотомъ.[2] Кромѣ того, при помощи латинскихъ посланниковъ, живщихъ при турецкомъ дворѣ, іезуиты старались представлять каѳедры важнѣйшихъ митрополій своимъ единомышленникамъ, и нерѣдко успѣвали въ своихъ дѣйствіяхъ, къ величайшему соблазну православныхъ. Мало того, на престолѣ вселенскаго партіарха часто возсѣдали приверженцы папы, возведенные на патріаршій престолъ по дѣйствію іезуитовъ; таковы патріархи были: Рафаилъ, Митрофанъ кесарійскій, Кириллъ берійскій и др. Часто, по проискамъ тѣхъ же іезуитовъ, низводимы были съ престола, подвер-

[1] Ricaut, p. 23 и д. [2] Тамъ же.

гаемы заточенію и даже лишаемы были жизни достойнѣйшіе патріархи, ревностнѣйшіе поборники православія; такова была участь Кирилла Лукариса и многихъ другихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отношеніе протестантовъ къ восточной церкви.

Въ то же время и протестанты также хотѣли имѣть вліяніе на восточныхъ христіанъ. Но только дѣйствія протестантовъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ дѣйствія іезуитовъ. Отъ этого отношенія протестантовъ къ греческой церкви представляются болѣе умѣренными, безъ насилій и принужденій, безъ происковъ и обмана, безъ войны и возмущеній; а потому менѣе опасными, чѣмъ отношенія латинянъ. Протестанты чужды были того фанатизма, какимъ отличаются паписты. Они старались дѣйствовать разумно на убѣжденіе иноисповѣдныхъ имъ христіанъ. Отсюда ихъ дѣятельность въ распространеніи своего ученія была открытая и свободная, требовавшая того же самого и со стороны принимающихъ протестантское уче-

ніе. Притомъ, и самыя историческія побужденія къ сношенію съ греческою церковію у протестантовъ были совсѣмъ иныя, чѣмъ у католиковъ. Именно: послѣдователи Лютера, отдѣлившись отъ римской церкви, скоро почувствовали нетвердость своего ученія и разъединенность съ древнею православною церковію; а потому, чтобы защитить свое ученіе отъ нападенія папистовъ и сообщить ему болѣе силы и значенія въ глазахъ христіанскаго міра, они рѣшились войти въ сношенія съ восточною церковію, надѣясь сколько нибудь склонить ее на свою сторону. Съ этою цѣлію лютеране дѣлали нѣсколько попытокъ къ соединенію съ собою восточной церкви.

Первыя сношенія лютеранъ съ восточными христіанами открылись при патріархѣ константинопольскомъ Іоасафѣ II. Въ 1558 году прибылъ въ Виртембергъ діаконъ константинопольской церкви Димитрій, посланный въ Германію патріархомъ сколько для собранія милостыни, столько же и для того, чтобы узнать — желаютъ ли лютеране присоединиться къ восточной церкви.[1] Димитрій пробылъ въ Виртембергѣ около полутора года, бе-

---

[1] Καταλογος τῶν πατριάρχ. ἐν Κωνσταντιν. Z. Μαθα. См. перев. въ „Хр. чт." 1862 г., май, стр. 627.

сѣдовалъ съ протестантскими учеными и особенно съ Меланхтономъ. Когда онъ отправился въ Константинополь, Меланхтонъ вручилъ ему для передачи патріарху письмо и, переведенное имъ на греческій языкъ, аугсбургское исповѣданіе вѣры (считающееся сумволическою книгою лютеранъ). Въ письмѣ своемъ ревностный протестантъ высказываетъ свою радость, что на востокѣ, среди злѣйшихъ враговъ христіанства, Богъ хранитъ еще свою церковь, и потомъ объявляетъ, что протестанты твердо держатся священнаго писанія — какъ пророческихъ, такъ и апостольскихъ книгъ, догматическихъ каноновъ св. соборовъ и ученія греческихъ отцевъ — Аѳанасія, Василія, Григорія, Епифанія, Иринея, Ѳеодорита и единомысленныхъ съ ними, и отвергаютъ древнія заблужденія Павла самосатскаго, манихеевъ и всѣ отвергнутыя церковію ученія, а также всѣ изобрѣтенныя невѣжественными латинянами суевѣрія. Почему, пусть не вѣритъ патріархъ, распространенной врагами протестантовъ, клеветѣ на нихъ. Но благочестивый Іоасафъ не обратилъ вниманія на исповѣданіе протестантовъ, и посланіе Меланхтона, содержаніе котораго разсказалъ ему Димитрій, оставилъ безъ отвѣта.[1]

[1] Gesch. des Protest., стр. 33—34.

Чрезъ 14 лѣтъ, при патріархѣ Іереміи II, сношенія протестантовъ съ востокомъ открылись снова. Два тюбингенскіе профессора Мартинъ Крузій и Яковъ Андреэ воспользовались къ тому случаемъ, когда Стефанъ Герлахъ, воспитанникъ тюбингенской академіи, съ посланникомъ Максимиліана II, Давидомъ Унгнатомъ, отправлялся въ Константинополь въ должности проповѣдника при посольствѣ. Ученый Крузій вручилъ своему прежнему воспитаннику — Герлаху посланіе къ патріарху, и переведенную на греческій языкъ одну проповѣдь Якова Андреэ, который приложилъ при этомъ и свое посланіе къ патріарху, высказавъ въ немъ свое намѣреніе преобразовать востокъ — основаніемъ уніи съ нимъ, на тѣхъ условіяхъ, чтобы греки и протестанты, какъ члены одного тѣла Христова, крещаемы были во Христа и вѣровали въ одного Искупителя. Прежде чѣмъ патріархъ удостоилъ посланіе отвѣтомъ, Андреэ и Крузій чрезъ годъ написали другое посланіе къ патріарху съ приложеніемъ другой проповѣди Якова Андреэ. Оба богослова въ другой разъ повторяли, что протестанты только въ нѣкоторыхъ несущественныхъ мѣстныхъ обычаяхъ отличаются отъ грековъ,— за то въ основномъ ученіи, какъ оно передано св.

писаніемъ и семью первыми соборами, совершенно согласны съ ними, и желаютъ только, чтобъ этотъ союзъ единства въ вѣрѣ еще тѣснѣе заключенъ былъ. На всѣ эти письма патріархъ отвѣтилъ имъ благосклоннымъ посланіемъ, въ которомъ коротко объявилъ имъ: пусть протестанты всегда твердо сохраняютъ истинную вѣру греческую и не удаляются отъ библіи, семи соборовъ и отцевъ церкви и сохраняютъ какъ записанное, такъ и устное преданіе, и заключилъ свое посланіе искреннимъ желаніемъ обращенія германцевъ къ восточной церкви. Получивши такой благосклонный отвѣтъ отъ патріарха, Мартинъ Крузій и Яковъ Андреэ послали къ патріарху еще письмо и съ нимъ, по совѣту Герлаха, 5 экземпляровъ аугсбургскаго исповѣданія — на греческомъ языкѣ, которое Михаилъ Кантакузенъ перевелъ на новогреческій языкъ. На письмо и на посылку патріархъ Іеремія отвѣтилъ тюбингенцамъ, что онъ въ скоромъ времени, вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ, выскажетъ свое мнѣніе о присланномъ ему исповѣданіи вѣры. Нѣкоторые изъ образованныхъ грековъ въ письмахъ къ тюбингенскимъ богословамъ высказали свою радость о предполагаемой уніи и просили своихъ новыхъ друзей, чтобы они своихъ владѣтельныхъ

князей и вообще всѣхъ нѣмецкихъ князей склоняли къ защищенію грековъ. 18 іюня 1576 года пришло наконецъ въ Тюбингенъ объясненіе патріарха. Сначала онъ высказалъ въ немъ свое желаніе, чтобы духовныя его дѣти оставили свои заблужденія, какія заключаются въ ихъ исповѣданіи. Обстоятельное и подробное опроверженіе аугсбургскаго исповѣданія патріархъ начинаетъ нѣсколько ироническою похвалою, что протестанты, по своему признанію, принимаютъ семь первыхъ соборовъ, и затѣмъ разбираетъ главу за главою съ православной точки зрѣнія протестантское исповѣданіе, опровергая всѣ отличія протестантскаго исповѣданія отъ православнаго, и соглашаясь съ протестантами только въ томъ, въ чемъ они согласно съ православными возставали противъ латинянъ. Заключеніе представляетъ сильное и убѣдительное увѣщаніе, чтобы протестанты, изъ опасенія потерять вѣчное спасеніе, вступили въ истинную греческую церковь. По прошествіи года, 28 іюня 1577 года, Крузій и Озіандеръ представили возраженія касательно спорныхъ пунктовъ ученія православнаго съ протестантскимъ. Спустя два года патріархъ отвѣчалъ на эти возраженія посланіемъ съ равною твердостію, и заключилъ свое посланіе

убѣжденіемъ, чтобы протестанты отказались отъ своихъ заблужденій. На новое посланіе восьми нѣмецкихъ богослововъ патріархъ отвѣчалъ уже съ нѣкоторою раздражительностію, указывая противорѣчіе въ посланіяхъ протестантскаго ученія и упрекая ихъ въ гордости, что они хотятъ быть умнѣе прославленныхъ чудесами отцевъ церкви и разумнѣе церквей древняго и новаго Рима, сами раздѣляясь на безчисленныя партіи. Посланіе свое патріархъ заключаетъ просьбою не безпокоить его болѣе богословскою перепискою. На новыя и послѣднія представленія со стороны тѣхъ же протестантовъ патріархъ не далъ отвѣта.[1]

Послѣ патріарха Іереміи II протестанты вступили въ сношенія по дѣлу соединенія церквей съ александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ Пигою. Это было въ то время, когда Мелетій Пига за неимѣніемъ константинопольскаго патріарха управлялъ константинопольскою церковію, и когда въ югозападной Россіи происходили жаркіе споры объ уніи.

Мелетій поручилъ дѣло объ уніи — какъ съ латинянами, такъ и съ протестантами, своему экзарху Кириллу Лукарису, который, какъ увидимъ

[1] Gesch. des protest. in der Orient. Kirche, 33—34.

послѣ, счелъ лишнимъ и неумѣстнымъ заводить дѣло объ уніи, кромѣ латинянъ, еще съ протестантами.[1]

Всѣ попытки протестантовъ соединить восточную церковь съ своею, происходившія внѣ предѣловъ греческой церкви, болѣе имѣли значенія, нежели подобныя же попытки протестантовъ, происходившія въ предѣлахъ самой греческой церкви.

Скоро послѣ появленія реформаціи Лютера, протестанты появились на востокѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими посланниками, находившимися при турецкомъ дворѣ. При посланникахъ, кромѣ свиты, ихъ сопровождавшей, находились протестанскіе проповѣдники и общество протестантовъ, состоящее изъ оратора, переводчика и другихъ ученыхъ лицъ. Все это, взятое вмѣстѣ, составляло въ нѣкоторомъ смыслѣ протестантскую миссію. Первою обязанностью этой миссіи, конечно, было отправленіе богослуженія при киркахъ посольскихъ, т. е. лютеранскихъ храмахъ. Затѣмъ, это общество имѣло и другую цѣль — распространеніе между греками протестантства. Благодаря вліянію посланниковъ при турецкомъ правительствѣ, протестанты, съ те-

[1] Kazania przygodne i inne drobnieysze prace wielebnego księdza piara Skargi, ч. II., стр. 86.

ченіемъ времени, получили позволеніе разселяться въ предѣлахъ турецкой имперіи и, гдѣ можно было, устроить молитвенные дома и кирки: такъ были кирки и дома въ Константинополѣ, въ Галатѣ и Перѣ. При лютеранскихъ церквахъ находился опредѣленный штатъ и проповѣдники, или собственно миссіонеры.[1] Но изъ свидѣтельствъ какъ восточныхъ, такъ и западныхъ писателей[2] мы видимъ, что протестантовъ въ восточной церкви было весьма мало, что кромѣ церквей и молитвенныхъ домовъ, построенныхъ ими въ трехъ упомянутыхъ нами мѣстахъ, мы еще не видимъ нигдѣ. Дѣятельность протестантовъ на востокѣ первоначально обнаружилась не въ распространеніи своего вѣроученія между греками, а въ преслѣдованіи своихъ европейскихъ враговъ — латинянъ, находившихся на востокѣ.[3] Для этой цѣли они старались расположить къ себѣ грековъ, чтобы вмѣстѣ съ ними преслѣдовать взаимныхъ и опасныхъ враговъ своихъ. Цѣль ихъ была достигнута. Совмѣстную борьбу протестантовъ и грековъ съ латинянами мы видимъ во время Кирилла Лука-

[1] Solomon Schweiger. 6. II. S. [2] Аймона—monument. authent. de la relig. graec.; Швейгера -Neveherausgeb. reisebeschr. nach Constant., M. Крузія—Turcograecia. [3] Monument. auth. de la relig. graec. 8—15.

риса. Въ этомъ отношеніи протестанты оказались сильными помощниками для грековъ и принесли большую пользу греческой церкви. Правда, въ этихъ дѣйствіяхъ протестантовъ скрывались и заднія мысли,—именно тѣ, что, ослабивши вліяніе латинянъ на востокѣ и пріобрѣвши расположеніе грековъ, они думали начать распространеніе своего вѣроученія между греками. Но предположенія протестантовъ не осуществились, потому что греки, узнавши ихъ заднія мысли, прекратили всякія сношенія съ ними.

Миссіонерская дѣятельность протестантовъ на востокѣ состояла еще въ томъ, что они старались распространять между православными свои сочинененія, катихизисы и исповѣданія вѣры, переводя ихъ на общенародный греческій языкъ.[1] Главная мысль, которую развивали лютеране въ своихъ сочиненіяхъ и посредствомъ которой надѣялись привлечь на свою сторону греческихъ христіанъ, была та, будто протестантское вѣроученіе вполнѣ согласно съ ученіемъ восточной церкви. Но невѣрность этой мысли тотчасъ была обнаруживаема учеными гре-

[1] Schweiger, Aymon—указ. выше мѣста; Turcograecia p. 204, 424

ками;[1] а потому и этотъ способъ миссіонерской дѣятельности протестантовъ не достигалъ своей цѣли.

Разсматривая отношенія латинянъ и протестантовъ къ восточной церкви, мы неоднократно упоминали о посланникахъ латинскихъ и нѣмецкихъ державъ, находившихся при турецкомъ дворѣ. Во время Кирилла Лукариса посланники эти имѣли особенное значеніе и для восточной церкви и для самого Лукариса.

Дорожа сношеніями съ европейскими государями, султаны держали своихъ посланниковъ при себѣ въ особенномъ почетѣ. Послѣдніе же, пользуясь расположеніемъ султановъ, въ свою очередь, покровительствовали своимъ единовѣрцамъ на востокѣ, ходатайствуя предъ турецкимъ правительствомъ о ихъ правахъ и свободѣ богослуженія и дѣйствованія. До XVII вѣка это покровительство было не очень замѣтно; въ первой же половинѣ XVII вѣка оно простерлось, со стороны латинскихъ посланниковъ, до того, что латиняне производили страшные безпорядки въ восточной церкви и подвергали ее жестокому бѣдствію; протестантскіе — шли на-

[1] Въ этомъ отношеніи замѣчают ученые: Пахомій Рекендитъ, Гавріилъ Северъ — митрополитъ филадельфійскій, патріархъ Іеремія II. Максимъ Маргуній, Митрофанъ Критопулъ, Георгій Корессій и др.

перекоръ: они старались ослабить власть ихъ на востокѣ. Вражда между католическими и протестантскими посланниками основывалась на религіозныхъ побужденіяхъ. Протестантскіе посланники не могли равнодушно смотрѣть на успѣхи іезуитской пропаганды на востокѣ, и съ одной стороны зная, что іезуитовъ поддерживали и одобряли латинскіе посланники, находившіеся вмѣстѣ съ ними при турецкомъ дворѣ, съ другой — будучи сами не чужды тѣхъ же претензій на востокъ, какія имѣли латиняне; они, естественно, старались подорвать значеніе латинскихъ посланниковъ при дворѣ. Этою враждою европейскихъ посланниковъ благоразумно воспользовался для блага своей церкви патріархъ Кириллъ Лукарисъ, какъ мы увидимъ послѣ.

Таковы были историческія обстоятельства церкви восточной, при которыхъ суждено было патріарху Кириллу Лукарису жить и дѣйствовать. Со стороны этого пастыря требовалось слишкомъ много ума, твердости въ православіи и христіанской опытности для того, чтобъ не пасть подъ бременемъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ современной ему восточной церкви. Патріархъ Кириллъ Лукарисъ, какъ увидимъ, дѣйствительно обладалъ всѣми этими свойствами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КИРИЛЛА ЛУКАРИСА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рожденіе и воспитаніе Кирилла Лукариса.

Кириллъ Лукарисъ родился въ Кандакѣ (Candaca),[1] главномъ городѣ острова Крита, около 13 ноября 1572 года. При св. крещеніи онъ названъ былъ Константиномъ: Лукарисъ же была его фамилія, принадлежавшая еще фамиліи его отца. [2] Константинъ Лукарисъ происходилъ изъ древней благородной греческой фамиліи, которая находилась въ родствѣ съ знатнѣйшими греческими дворянскими фамиліями. Еще задолго до рожденія Константина, его предки переселились изъ своего отечества Епидавра — въ Илиріи, на островъ Критъ или Кандію. Послѣ завоеванія Константинополя турками, подобныя переселенія были очень часты.

---

[1] Такъ называли этотъ городъ арабы, а по простонародному онъ назывался Кандія (Candia), отъ котораго весь островъ въ позднѣйшее время получилъ названіе—Кандія. Geschichte des Protest. Pichler, стр. 37; Monumenta fidei Ecclesiae Graecae. Kymmel. Prolegomena, стр. 22.

[2] Другіе говорятъ, что „Лукарисъ" есть собственное имя его отца, обращенное въ фамилію. См. Monumenta fidei Kymmel. Prolegom., стр. XXII.

Для лучшаго обезпеченія своей жизни и освобожденія отъ непосредственнаго вліянія турокъ, многіе греки, имѣвшіе средства и получившіе позволеніе отъ патріарха, выселялись на острова, находящіеся вдали отъ центра греческой имперіи, гдѣ жизнь развивалась свободнѣе въ матеріальномъ, религіозномъ и умственномъ отношеніи.[1] Островъ Критъ представлялъ самое лучшее убѣжище для угнетенныхъ грековъ. Хотя въ іерархическомъ отношеніи онъ принадлежалъ къ константинопольской церкви, но въ политическомъ отношеніи въ то время онъ находился подъ властію венеціанцевъ,[2] подъ которою жители Крита были счастливѣе всѣхъ грековъ.[3] Венеціанцы помогали имъ защищаться отъ нападеній турокъ, и болѣе или менѣе смиряли деспотизмъ послѣднихъ. При такомъ покровительствѣ, естественно было многимъ грекамъ, даже изъ самаго центра своей имперіи, переселяться въ Критъ или Кандію. Многіе образованные мужи греческіе оставили Константинополь — столицу имперіи, и переселились въ Кандію для образованія юношей. Въ ту пору Критъ былъ какбы средото-

[1] Gesch. des Protest., стр. 38.

[2] Monumenta fidei. Kymmel. Proleg., стр. XXII.

[3] Gesch. des Protest., стр. 39.

чіемъ греческаго образованія.[1] Вотъ почему знаменитые предки Константина Лукариса переселились изъ отечества на островъ Кандію!.. Долго здѣсь они наслаждались спокойствіемъ и довольствомъ, обладая богатствомъ и пользуясь извѣстностью;[2] но съ теченіемъ времени эта благородная и богатая фамилія предковъ Константина Лукариса начала упадать, и наконецъ низпала до степени бѣднѣйшаго сословія;[3] почему Л. Аллацій справедливо замѣчаетъ, что патріархъ Кириллъ Лукарисъ происходилъ отъ незнатныхъ и бѣдныхъ родителей.[4] Отецъ его былъ простой ремесленникъ, мать занималась валяніемъ суконъ; дядя — братъ отца былъ мясникъ.[5] Судя по такому происхожденію и состоянію родителей Константина, естественно допустить, что родители мало заботились объ его образованіи.[6] Лишь только мальчикъ нѣсколько

[1] Между греческими учеными изъ острова Крита можно упомянуть о Максимѣ Маргуніѣ, бывшемъ послѣ епископомъ цитерійскимъ, Мелетіѣ Пигѣ, александрійскомъ патріархѣ, Мелетіѣ Спригѣ и др. Monumenta fidei, Prolegom. XXII.

[2] Gesch. des Protest., стр. 38.

[3] Тамъ же.

[4] L. Allatius. De Eccles. orient. et occident. perp. cons. p. 1073.

[5] Gesch. des Protest., 38.

[6] Есть свидѣтельство, что Кириллъ Лукарисъ началъ свое образованіе въ Критѣ подъ руководствомъ Мелетія Пиги. Monum. fidei, Prolegom.,—XXIII.

подросъ, родители отдали его на служеніе одному рыбаку. Чрезъ занятіе рыбною ловлею онъ скоро познакомился съ мореходцами и перешелъ на службу къ одному матросу. Съ нимъ онъ плавалъ на кораблѣ въ Родосъ, Триполи и Александрію. [1] Въ Александріи въ это время былъ патріархомъ Мелетій Пига, родомъ кандіецъ и даже родственникъ Константина Лукариса.[2] Патріархъ узналъ этого мальчика и, сколько по родственному чувству, столько и потому, что Лукарисъ имѣлъ пріятную и умную физіономію и обнаруживалъ прекрасныя способности души,—съ радостію принялъ его къ себѣ. Съ этого времени патріархъ Мелетій сдѣлался исключительнымъ воспитателемъ будущаго Кирилла Лукариса. Такъ какъ Мелетій имѣлъ рѣшительное вліяніе на все духовное направленіе и цѣлую жизнь Кирилла: то мы предварительно должны поближе познакомиться съ нимъ самимъ.

Мелетій Пига родился въ Кандіи отъ знатныхъ родителей. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ своемъ отечествѣ; потомъ для дальнѣйшаго образованія отправился въ Венецію, чтобы тамъ заняться изученіемъ грамматики, риторики

---

[1] Gesch. des Protest in der orient. Kirche, стр. 40.

[2] Кириллъ Лукарисъ былъ племянникъ патріарху Мелетію. Gesch. des Protest.—40.

и др. первоначальныхъ наукъ; оттуда онъ перешелъ въ Падую, гдѣ изучалъ богословіе, философію и слушалъ медицинскія лекціи. Изъ Падуи Мелетій возвратился въ Критъ съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и поступилъ въ знаменитый греческій монастырь въ Кандіи.[1] Какъ образованный мужъ и знаменитый проповѣдникъ въ главномъ городѣ, онъ скоро возвысился надъ всѣми монахами. Въ монастырѣ онъ открылъ при себѣ школу древне-греческаго языка, которая доставила ему хорошую рекомендацію и пріобрѣла славное имя. Когда, такимъ образомъ, Мелетій прославился въ своемъ отечествѣ и въ своемъ монастырѣ, настоятель этого монастыря, епископъ Сильвестръ избранъ былъ въ патріарха александрійскаго, а Мелетій, какъ вполнѣ достойный, занялъ его мѣсто (1574).[2] Недолго онъ оставался въ Кандіи послѣ Сильвестра: зависть и злоба латинскихъ епископовъ начали его преслѣдовать, а одно безъименное письмо заставило его удалиться изъ Кандіи. Онъ бѣжалъ къ патріарху Сильвестру въ Александрію, который съ радостію принялъ его и, какъ мужа опытнаго и твердаго въ православіи, сдѣлалъ его

[1] Gesch. des Protest., стр. 41.

[2] Тамъ же. Turcograecia p. 506.

протосинкелломъ, а потомъ митрополитомъ въ Сирену. Затѣмъ, когда патріархъ рѣшился оставить свою каѳедру и удалиться на покой на гору Синай,—съ согласія клира и народа онъ назначилъ себѣ преемникомъ Мелетія Пигу, около 1584 года. Въ 1592 году мы видимъ Мелетія въ санѣ патріарха александрійскаго на соборѣ въ Константинополѣ, бывшемъ по поводу григоріанскаго календаря; тамъ же въ 1593 году, вмѣстѣ съ другими патріархами, онъ утверждалъ патріаршество въ Россіи.[1] Скоро послѣ того онъ путешествовалъ по востоку; посѣтилъ греческія церкви въ Азіи и Европѣ, и вездѣ являлся съ своею проповѣдію, возставая противъ современныхъ еретиковъ — латинянъ и протестантовъ.[2] Левъ Аллацій расказываетъ, что за обличительную проповѣдь свою онъ прогнанъ былъ латинянами изъ о. Хіоса.[3] Какъ патріархъ, мудрый и ревностный поборникъ православія Мелетій былъ извѣстенъ всему востоку. Въ 1594 году, когда умеръ константинопольскій патріархъ Ѳеофанъ, единодушнымъ голосомъ константинопольскаго клира Мелетій приглашенъ былъ для управленія константинопольскимъ патріаршимъ

---

[1] Gesch. des Protest., стр. 41. [2] Тамъ же [3] De Eccles. orient. et occident. perpet. cons., p. 926.

престоломъ до назначенія новаго патріарха. Около 11-ти мѣсяцевъ онъ съ честію управлялъ константинопольскою церковію, и знаменитъ былъ не только какъ мудрый іерархъ и умный проповѣдникъ, но и какъ писатель — апологетъ. Онъ писалъ разнаго рода сочиненія и посланія къ русскому царю Василію Іоанновичу, къ св. Гурію, архіепископу казанскому, къ королю польскому во время литовской уніи, къ православцымъ, обитавшимъ въ Литвѣ и Польшѣ, и др., и вездѣ защищалъ и утверждалъ православныхъ въ истинахъ православной вѣры, и опровергалъ заблужденія латинянъ и реформатовъ. По отношенію къ русской церкви онъ извѣстенъ тѣмъ, что присылалъ въ юго-западную Россію ученыхъ грековъ въ качествѣ учителей и, какъ представитель православія, принималъ участіе въ литовской уніи.[1] Францискъ Биллербекъ предпочитаетъ Мелетія всѣмъ грекамъ того времени, и въ разсужденіяхъ его о вѣрѣ находитъ тонкость и искренность.[2] Вотъ какому великому человѣку Промыслъ отдалъ на воспитаніе Константина Лукариса!..

---

[1] «Хр. чт.» 1862 г., май, 631 — 632; Пачерт. церк. ист. Иннок., ч. II.—393. [2] Chronicon Philip. Cypr., p. 431. Puto hunc Graecum tantum eruditionis habere quantum hodie alium neminem. De fide quidem sua sustiliter disserit, sed ita, ut sincero animo sentire ac facere omnia videatur.

Принявши изъ рукъ матроса юнаго Константина, быть можетъ, не больше какъ 10-ти лѣтъ, Мелетій сейчасъ замѣтилъ, что о воспитаніи его нисколько не заботились, а потому, рѣшившись посвятить его исключительно на служеніе церкви съ самыхъ юныхъ лѣтъ, онъ теперь же постригъ его въ монашество, перемѣнилъ его имя—Константинъ на имя Кирилла, и сталъ учить его первоначально чтенію и письму. Мальчикъ, отъ природы способный и любознательный, успѣвалъ весьма хорошо. Это радовало Мелетія, и онъ рѣшился послать юнаго Кирилла для дальнѣйшаго его образованія въ Италію, гдѣ онъ и самъ получилъ образованіе. Такимъ образомъ Кириллъ, имѣя не болѣе 12 лѣтъ отъ роду, отправился въ Венецію, гдѣ, по ходатайству Мелетія, поступилъ въ греческую коллегію. По общему признанію современныхъ историковъ, первымъ и вліятельнѣйшимъ учителемъ его былъ здѣсь Максимъ Маргуній,[1] уроженецъ критскій, мужъ образованный и ревностный за-

[1] Пихлеръ не соглашается съ признаніемъ историковъ Маргунія за учителя Кирилла Лукариса въ Венеціи и опровергаетъ это признаніе хронологическимъ описаніемъ жизни Маргунія; но на какомъ основаніи онъ дѣлаетъ такое, а не иное распредѣленіе жизни Маргунія,—мы не знаемъ, а потому соглашаемся съ общимъ свидѣтельствомъ историковъ. Gesch. des Protest. - 43.

щитникъ православія. Патріархъ константинопольскій Іеремія II, за образованіе и твердость въ православіи обратилъ на Маргунія особенное вниманіе, когда онъ прибылъ изъ Венеціи въ Константинополь, сдѣлалъ его своимъ участникомъ въ переписке съ тюбингенскими богословами и посвятилъ его въ епископа цитерійскаго.[1] Четыре года Кириллъ Лукарисъ былъ въ Венеціи и, вѣроятно, окончилъ здѣсь образованіе вмѣстѣ съ отбытіемъ учителя своего Маргунія въ Константинополь. Кириллу Лукарису было въ это время не болѣе 16 лѣтъ. Воспитатель его Мелетій Пига, пользуясь его хорошими успѣхами и молодыми лѣтами, отправилъ его для высшаго образованія въ падуанскіи университетъ. Состояніе этого университета въ то время можно опредѣлить отношеніемъ къ нему правительства и достоинствомъ профессоровъ. Дожъ венеціанскій Пасхалій Циконія (Paschalis Ciconia) былъ ревностный правитель, который особенно заботился о ненарушимомъ соблюденіи дисциплины и порядка въ Падуѣ, а главнѣе всего — былъ человѣкъ благочестивый и разумный, строго наблюдавшій за хорошимъ ходомъ образованія въ своей странѣ. Эти личныя свойства Циконіи не остались

[1] Gesch. des Protest., стр. 44.

безъ вліянія на главнаго начальника Падуи и—на самый падуанскій университетъ. Начальникъ Падуи Маринъ Гриманъ (Marinus Grimanus) былъ человѣкъ такого характера; а по отношенію къ университету еще болѣе замѣчательно въ немъ было то, что онъ былъ преданъ ученой дѣятельности гораздо болѣе, чѣмъ сколько позволяла ему должность. Понятно, послѣ этого, какъ онъ заботился объ университетѣ — высшемъ разсадникѣ итальянскаго просвѣщенія. Вся забота его состояла въ томъ, чтобы изъ университета выходили воспитанники съ благонамѣреннымъ научнымъ направленіемъ, и знающими свое дѣло, а особенно, чтобы они были примѣрными въ нравственномъ отношеніи.[1]

---

[1] Gesch. des Protest. in der orient. Kirche, 44—45. Изъ наставниковъ Кирилла Лукариса въ падуанскомъ университетѣ болѣе другихъ замѣчательны были два профессора: Косарь-Кремонинъ и Францъ-Пикколоминій. Косарь-Кремонинъ (Cosara-Cremoninus) слылъ за знаменитаго философа въ падуанскомъ университетѣ. Онъ, будучи 40 лѣтъ отъ роду, до такой степени привлекъ къ себѣ сердца учениковъ, что тѣмъ самымъ даже возбуждалъ зависть въ своихъ сослуживцахъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Риккобаномъ (Riccobano) онъ возставалъ противъ іезуитскихъ школъ, и настоялъ на томъ, что сенатъ, вслѣдствіе ходатайства университета, рѣшилъ, въ 1591 году, уничтожить іезуитскія школы. Кремонинъ былъ профессоромъ въ падуанскомъ университетѣ въ продолженіе 30 лѣтъ, и умеръ 80 лѣтъ старикомъ. О немъ съ уваженіемъ отзывался Кириллъ Лукарисъ, и только осуждалъ его несправедливые взгляды на происхожденіе міра, Промыслъ, безсмертіе души и т. п. Дру-

Семь лѣтъ пробылъ Кириллъ Лукарисъ въ падуанскомъ университетѣ, и на 23 году своей жизни, по вызову воспитателя своего патріарха Мелетія, оставилъ Падую и прибылъ въ Константинополь, гдѣ находился Мелетій, управлявшій тогда константинопольскою церковію по смерти патріарха Ѳеофана и во время перваго заточенія патріарха Матѳея II-го.[1] Этимъ закончилъ свое школьное образованіе Кириллъ Лукарисъ.

Не считая домашняго его образованія, начавшагося подъ непосредственнымъ надзоромъ Мелетія въ Александріи и продолжавшагося два года, — 11-ть лѣтъ онъ провелъ въ Венеціи и Падуѣ за школьною скамьею, и въ продолженіе этихъ 11-ти лѣтъ изучилъ языки: древне-греческій, латинскій, италь-

---

гой учитель Кирилла Лукариса Францъ Пикколомееній былъ профессоромъ въ Падуѣ въ продолженіе 35 лѣтъ. По учености и особенно безупречной нравственности онъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Еще въ молодости онъ входилъ въ споръ съ профессоромъ Цабареллою (Zabarella), бывшимъ учителемъ Мелетія Пиги въ падуанскомъ университетѣ, и пытался примирить ученіе Аристотеля съ ученіемъ Платоновымъ. До самой смерти своей, послѣдовавшей на 84 году его жизни, онъ считался первымъ профессоромъ въ падуанскомъ университетѣ. Кириллъ Лукарисъ относился къ нему съ уваженіемъ, и порицалъ его только за то, что онъ иногда открыто съ каѳедры профессорской раскрывалъ латинское ученіе о предопредѣленіи и оправданіи.

[1] „Хр. чт.“ 1862 г., май, стр. 631—632. Gesch. des Protest., in der orient. Kirche, 45.

янскій, турецкій и сербскій; достаточно познакомился съ существовавшимъ въ то время курсомъ наукъ: философіею Платона и Аристотеля, діалектикою и риторикою, метафизикою, эстетикою, исторіею, богословіемъ и экзегетикою.[1] Послѣ такого образованія, естественно, онъ могъ возвыситься надъ клиромъ своей церкви и обратить на себя общее вниманіе.

Патріархъ Мелетій съ радостію принялъ своего питомца, возвратившагося изъ падуанскаго университета. Радость его еще больше увеличилась, когда онъ увидѣлъ, что Кириллъ своего жизнію и успѣхами оправдывалъ его надежды.[2] Почти цѣлый годъ Лукарисъ оставался при Мелетіѣ въ Константинополѣ. Въ продолженіе этого времени патріархъ достаточно узналъ своего питомца и, нашедши его достойнымъ священнаго сана, посвятилъ его сперва въ іеромонаха, скоро потомъ въ архимандрита, и назначилъ его начальникомъ одного греческаго монастыря въ Критѣ. Рѣшившись въ самомъ началѣ своихъ заботъ о Кириллѣ — приготовить въ немъ достойнаго преемника себѣ, Мелетій думалъ, что еще не время было Кириллу начать жизнь

[1] Gesch. des Protest., 49—50; сравн. Начертаніе церковн. истор. Иннокентія, ч. II, стр. 462. [2] Monumenta fidei Eccles. Graecae. Prolegom.

осѣдлую и самостоятельную, а потому, для большаго укрѣпленія его ума и силы духа, онъ рѣшился теперь послать его не за школьную скамью, а на профессорскую каѳедру и, кромѣ того, не въ школу теоретической науки, а въ школу жизни. Мы разумѣемъ пребываніе Кирилла въ юго-западной Россіи.

Восточные патріархи, какъ единовѣрные съ русскою церковію и считавшіе ее своею дщерію, съ самаго начала ея сущесвованія находились въ близкихъ отношеніяхъ съ нею. Сначала они посылали русской церкви своихъ святителей; затѣмъ, когда русская церковь созрѣла и стала представлять своихъ достойныхъ святителей,—восточные патріархи утверждали этихъ святителей. Вмѣстѣ съ этимъ они заботились о благосостояніи церкви русской: посылали своихъ ученыхъ мужей для образованія русскихъ христіанъ, и защищали ее отъ враговъ православія. Эта забота о благосостояніи русской церкви побудила патріарха Мелетія послать въ Россію своего ученаго питомца Кирилла Лукариса съ цѣлію доставить пользу и русской церкви и ему самому. Онъ былъ здѣсь ректоромъ и учителемъ въ Острожскомъ училищѣ и защит-

никомъ православія на Брестскомъ соборѣ во время польско-литовской уніи.

Острожское училище получило свое начало въ то время, когда южная Русь, лишившись великаго князя своего, представляла изъ себя легкую добычу, какъ для Литвы, такъ и для Польши, и защищаема была только сильными владѣтельными туземными князьями. Изъ нихъ Константинъ Ивановичь Острожскій былъ основателемъ острожскаго православнаго училища. Нѣкоторые относятъ начало этого училища ко времени вступленія Острожскаго въ гетманскую должность, т. е. къ 1498 году.[1] Въ чемъ состояло ученіе въ этой школѣ, для насъ положительно неизвѣстно. Можно только сказать, что это была низшая школа. При сынѣ Константина Острожскаго Константинѣ, называвшемся Константиномъ-Василіемъ, совершилось преобразованіе этой школы изъ низшей въ высшую. Въ противодѣйствіе польско-литовской уніи и дѣйствіямъ іезуитовъ въ юго-западной Россіи Константинъ Василій старался возвысить образованіе въ острожской школѣ. Съ этою цѣлію онъ ввелъ въ ней преподаваніе языковъ: славянскаго, латинскаго

---

[1] «Волынск. губернск. вѣд.», 1864 г., № 15; „Тр. к. д. ак.", февраль, 180—181 стр.

и греческаго, вызвалъ въ нее ученыхъ грековъ, основалъ типографію въ Острогѣ, и т. п. Въ преобразованномъ острожскомъ училищѣ первымъ ректоромъ и учителемъ греческаго языка былъ Кириллъ Лукарисъ.[1] Во время его ректорства, училище это служило украшеніемъ вельможнѣйшаго князя Константина-Василія,[2] и было образцемъ для устроявшихся тогда въ юго-западной Россіи братскихъ школъ[3] Самъ же Кириллъ Лукарисъ называется славнымъ ректоромъ и учителемъ греческаго языка.[4] Но въ чемъ выразилось это мудрое управленіе училищемъ и его дѣятельность, какъ наставника,— объ этомъ положительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. Съ достовѣрностію можно заключить о его дѣятельности въ острожскомъ училищѣ по его уставу, данному луцкой школѣ въ 1623 году, когда онъ былъ уже константинопольскимъ патріархомъ. По всей вѣроятности, Кириллъ Лукарисъ въ уставѣ для луцкой школы предложилъ тѣ же самыя правила, какія проводилъ онъ во время своего ректорства въ острожскомъ училищѣ. На основаніи устава, даннаго Кирилломъ Лукарисомъ луцкой школѣ и нѣкоторыхъ другихъ историче-

[1] „Исторія русск. іерархіи". стр. 416—417. „Тр. к. д. ак.", февраль, 180—181. [2] «Кіевск. епарх. вѣд.», 1866 г. № 7, стр. 235. [3] Тамъ же, стр. 235—237. [4] Истор. русск. іерархіи, 416—417.

скихъ памятниковъ,[1] можно думать, что острожское училище, въ педагогическомъ и учебномъ отношеніи, первымъ ректоромъ его поставлено было довольно высоко. Онъ, напримѣръ, требовалъ отъ наставниковъ добрыхъ качествъ, по которымъ они могли бы служить примѣромъ для воспитанниковъ, — знанія и усердія къ наукѣ, любви и расположенія къ ученикамъ, и т. п.[2] Отъ учениковъ требовалъ ревностнаго и неопустительнаго исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ классу, церкви, наставникамъ и другъ къ другу.[3] При этомъ строго опредѣлены были всѣ обязанности какъ наставниковъ, такъ и учениковъ.[4] Въ училищѣ преподавались по порядку классовъ основныя начала обученія, грамматика, ариѳметика, пасхалія, языки: славянскій, латинскій и греческій, церковное пѣніе, священное писаніе, ученіе св. отцевъ, поэзія, исторія церковная общая и отечественная, богословіе и начала медицины.[5] Но изъ всѣхъ предметовъ, преподававшихся въ острожскомъ училищѣ, особенное вниманіе обращено было

---

[1] Поэма о войнѣ осторожской, краковскаго академика Пекальскаго: печатныя книги, изданныя въ Острогѣ. См. «Тр. к. д. ак.», 1867 г., 183 стр. [2] Памятники, издан. врем. кіевск. коммисс., т. II, стр. 91. [3] Памятн., изд. врем. кіевск. коммисс., т. II, стр. 91. [4] Тамъ же. [5] «Тр. к. д. ак.», 1867 г., февр., стр. 183—184.

на греческій языкъ въ видахъ обогащенія русской литературы переводами съ греческаго языка. Кириллъ Лукарисъ, для лучшаго успѣха въ изученіи греческаго языка, вмѣнилъ въ обязанность ученикамъ говорить между собою по гречески и по славянски, но такъ, чтобы одинъ спрашивалъ по славянски, другой отвѣчалъ ему по гречески. Лучшимъ доказательствомъ процвѣтанія греческаго языка въ острожскомъ училищѣ служитъ то, что большая часть книгъ острожскаго изданія представляетъ собою переводы съ греческаго языка.[1]

Будучи ректоромъ и учителемъ острожскаго училища, Кириллъ Лукарисъ въ то же время наблюдалъ за дѣйствіями латинянъ въ юго-западной Руси, Литвѣ и Польшѣ; слѣдилъ за религіозными спорами между православными и латинянами. Когда же настало время польско-литовской уніи,— онъ принялъ участіе въ совѣщаніяхъ о ней со стороны православныхъ. Участіе это совершилось по волѣ того же Мелетія, патріарха александрійскаго, который послалъ его въ острожское училище. Это сдѣлалъ патріархъ сколько въ надеждѣ на его образованіе и твердость въ православіи,—столько же и для того, чтобы, чрезъ присутствіе при ре-

[1] «Тр. к. д. ак.», 1867 г., февраль, стр. 183—184.

лигіозной борьбѣ, познакомить своего питомца — молодаго и ученаго архимандрита — лицемъ къ лицу съ спорными религіозными вопросами, и чрезъ то еще болѣе приготовить его на поприще будущей его дѣятельности въ церкви восточной. Вмѣстѣ съ экзархомъ константинопольскаго патріарха Никифоромъ Кириллъ Лукарисъ присутствовалъ на Брестскомъ соборѣ въ качествѣ экзарха патріарха александрійскаго.[1]

На Брестскомъ соборѣ Кириллъ Лукарисъ, вмѣстѣ съ другими поборниками православія, участвовалъ въ богословскихъ преніяхъ и въ отправленіи протестаціи къ митрополиту Михаилу Рогозѣ, въ которой православные угрожали за измѣну православію судомъ, какъ ему, такъ и другимъ измѣнникамъ; вмѣстѣ съ другими защитниками православія онъ участвовалъ въ составленіи и подписанія приговора, по которому положено было — ни въ чемъ не слушать митрополита и другихъ отступниковъ — епископовъ, а считать ихъ лишенными власти, и не принимать ничего въ отношеніи къ вѣрѣ безъ константинопольскаго патріарха.[2] Вслѣдствіе такого образа дѣйствованія

---

[1] Andreae Wengerscii, lib. IV, стр. 470. [2] Церк. истор. Филарета, пер. IV, стр. 70.

православныхъ на Брестскомъ соборѣ, ихъ ожидали неблагопріятныя послѣдствія, а слѣдовательно и Кирилла Лукариса: митрополитъ Михаилъ Рогоза съ своими сообщниками обнародовалъ проклятіе и низверженіе на епископовъ православныхъ — Гедеона и Михаила, на кіево-печерскаго архимандрита Никифора Тура и др.; а экзарховъ восточныхъ патріарховъ — протосинкелла Никифора и Кирилла Лукариса огласилъ бродягами и самозванцами, не смотря на то, что патріархъ Мелетій удостовѣрялъ князя Константина Острожскаго, что они дѣйствительно уполномоченные отъ патріарховъ — константинопольскаго и александрійскаго, и правильно держали соборъ въ Брестѣ.[1] Объявленныхъ митрополитомъ Рогозою бродягами экзарховъ восточныхъ патріарховъ, какъ защитниковъ православія, стали преслѣдовать въ юго-западной Россіи разъяренные латиняне: протосинкеллъ Никифоръ былъ убитъ;[2] а Кириллъ Лукарисъ отъ преслѣдованія іезуитовъ едва спасъ жизнь свою бѣгствомъ изъ Россіи.[3]

Соборъ брестскій не остался безъ особенныхъ впечатлѣній для Кирилла Лукариса: онъ родилъ

[1] Описаніе Соф. соб. стр. 144 145. [2] Monumenta fidei Eccl. Gracae Prolegom., p. XXVIII. Истор. р. Ц. Филарета. пер. IV. стр. 99. [3] Gesch. des Protest. in der orient. Kirche.—61—62.

въ немъ новыя мысли и новыя желанія. Кириллу Лукариту пришлось быть на соборѣ и на зрѣлищѣ религіозной борьбы въ первый разъ, а потому онъ пожелалъ основательно познакомиться съ западнымъ вѣроученіемъ вообще и съ спорными пунктами религіи въ частности, чтобы чрезъ то сдѣлаться болѣе сильнымъ въ защищеніи греческой церкви и православнаго вѣроученія отъ латинянъ и протестантовъ. А для этого ему нужно было отправиться на западъ Европы — въ центръ западнаго вѣроученія. Возвратившись съ собора къ патріарху Мелетію, Кириллъ Лукарисъ сообщилъ ему свои мысли и желанія. Мелетій одобрилъ его намѣренія и благословилъ его отправиться путешествовать по западу Европы. Подкрѣпляемый, такимъ образомъ, Мелетіемъ, по обычаю греческихъ монаховъ того времени, онъ началъ свое путешествіе подъ видомъ сборщика милостыни для греческой церкви. Сперва отправился въ Виттенбергъ и Женеву, а затѣмъ и въ другія страны Европы. Историки утверждаютъ, что Кириллъ Лукарисъ посѣтилъ въ это время Италію, Францію, Бельгію, Нидерланды и Англію. Легеръ (Leger), Гэттингеръ (Höttinger) и Иларій (Hilarius) не говорятъ объ этомъ ничего. Смитъ (Smith) извѣщаетъ, что онъ

прошелъ всю Италію и потомъ посѣтилъ другія страны, славившіяся богословскою наукою. Левъ Аллацій также молчитъ объ этомъ. Пападополи (Papadopoli) передаетъ, что онъ путешествовалъ по Германіи и Галліи.[1] Киммель утверждаетъ, что онъ прошелъ всю Италію, и изъ Женевы отправился въ Белгію.[2] Николай Спадарій (Nicolaus Spadarius) утверждаетъ, что онъ учился въ Британіи.[3] Рико свидѣтельствуетъ, что нѣсколько времени онъ пробылъ въ Англіи.[4] Принимая во вниманіе всѣ эти свидѣтельства историковъ о путешествіяхъ Кирилла Лукариса, мы признаемъ, что Кириллъ Лукарисъ посѣтилъ если не всѣ страны, указанныя историками, то, по крайней мѣрѣ, большую часть изъ нихъ. Неизвѣстно опредѣленно, сколько времени провелъ Кириллъ Лукарисъ въ путешествіи по Европѣ; извѣстно только, что онъ возвращенъ былъ Мелетіемъ, и на обратномъ пути прошелъ Болгарію, Бессарабію, и особенно долгое время пробылъ въ Молдавіи.[5] Въ 1599 году онъ увидѣлся съ своимъ воспитателемъ. Въ этомъ же году получилъ отъ него позволеніе отправиться на островъ Критъ для председательства на соборѣ

[1] Gesch. des Protest. [2] Monumenta fidei Eccles. Graecae, Prolegom. XXIV. [3] Gesch. des Protest.—64. [4] Histoir de l'église grecqu. préface. [5] Gesch. des Protest.—64.

вмѣсто своего патріарха.[1] Здѣсь посѣтилъ онъ свой монастырь, и своими проповѣдями, говоренными въ храмѣ пресвятыя Богородицы, обратилъ на себя такое вниманіе своихъ соотечественниковъ, что возвратился отъ нихъ къ Мелетію съ богатыми подарками.[2] Въ слѣдующемъ 1600 году патріархъ Мелетій во второй разъ послалъ Кирилла Лукариса въ Россію.

Послѣ Брестскаго собора, сношенія западно-русскихъ христіанъ съ восточными патріархами по дѣлу объ уніи не прекратились. Когда волненія и кровавые мятежи наполняли Малороссію, Литву и Польшу при Сигизмундѣ, королѣ польскомъ,— самъ Сигизмундъ обращался къ патріарху александрійскому Мелетію за совѣтомъ о прекращеніи этихъ волненій, и письменно старался расположить его къ уніи. Патріархъ, принимая и теперь, какъ прежде, участіе въ церковныхъ дѣлахъ юго-западной Россіи, писалъ отвѣтныя письма Сигизмунду и нѣкоторымъ знаменитымъ лицамъ въ юго западной Россіи, и для установленія мира и спокойствія послалъ туда своего экзарха Кирилла Лукариса. Мы упомянемъ о трехъ письмахъ патріарха

[1] Объ этомъ соборѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.
[2] Gesch. des Protest.—66.

Мелетія, писанныхъ къ королю Сигизмунду, Турновію и Броніевію и принесенныхъ съ востока Кирилломъ Лукарисомъ.[1] Въ этихъ письмахъ заключается рекомендація о Кириллѣ, какъ мужѣ ученомъ, благочестивомъ и заслуживающемъ особеннаго вниманія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ видно то полномочіе, съ какимъ патріархъ отправилъ Лукариса на юго-западъ Россіи.

Отвѣтное письмо патріарха къ Сигизмунду начинается похвалою королю за его ученость и особенное вниманіе къ восточной церкви; затѣмъ, патріархъ жалуется, что благоразумными распоряженіями короля объ отлученіи нарушителей покоя злоупотребляють къ преслѣдованію лучшихъ людей; благодаритъ царя за благоволеніе; обѣщаетъ содѣйствовать возстановленію мира въ юго-западной Россіи и Польшѣ, и отказывается признать римскаго папу. Патріархъ пишетъ, что онъ и его предшественники хорошо знали, что римскій епископъ есть епископъ Рима, равно какъ и константинопольскій — есть епископъ Константинополя, что тотъ и другой не какъ одинъ надъ всѣми, но какъ равный съ другими исполняетъ посланничество

[1] Andreae Wengerscii — IV. Письмо къ Сигизмунду, стр. 467—469; письмо къ Турновію, стр. 497; письмо къ Броніевію, стр. 498. Monumenta fidei Eccl. orient. Prolegom., стр. XXVIII.

Христово. Письмо свое патріархъ заключаетъ просьбою, чтобы король удостоилъ Кирилла Лукариса, его экзарха, высочайшей благосклонности, которую онъ заслуживаетъ по своему благочестію и учености.[1] Въ письмѣ къ Турновію патріархъ говоритъ, что онъ все, что нужно касательно уніи, сообщилъ въ письмѣ къ Сигизмунду, и передалъ устно своему экзарху Кириллу, и проситъ Турновія благосклонно принять достойнаго Лукариса.[2] Въ письмѣ къ Броніевію, послѣ рекомендаціи Кирилла, патріархъ говоритъ: «жалѣю, что мы раздѣлены въ томъ, въ чемъ всѣ христіане должны быть согласны», и выражаетъ дальше надежду, что когда нибудь настанетъ время, когда Богъ положитъ конецъ этому раздѣленію.[3] Кромѣ трехъ упомянутыхъ писемъ Кириллъ Лукарисъ принесъ письмо отъ своего патріарха воеводѣ кіевскому — князю Острожскому, Яну Замойскому, львовскому архіепископу Димитрію, и др.[4] Но какъ эти письма, такъ и прибытіе Кирилла Лукариса въ юго-западную Русь, не могли теперь принести пользы для страждущаго православнаго народа въ

---

[1] Andreae Wengerscii, lib. IV, 467—469. [2] Тамъ же -р. 407. [3] Тамъ же, 498. [4] Kazania przygodne i inne drobniejsze prace wielebnego księdza piara Skargi, ч. II., стр. 86.

юго-западной Россіи. Кириллъ Лукарисъ прибылъ сюда въ самое смутное и неспокойное время, и къ тому жь во время политическихъ переворотовъ въ Молдавіи, Валахіи и Седмиградіи, когда гетмана, яснѣйшаго и могущественнѣйшаго короля польскаго, Іеремію Могилу валахскаго князя, изгнаннаго неспокойнымъ и хитрымъ княземъ Михаиломъ, вновь возводили на княжескій престолъ. А потому Кириллъ Лукарисъ многимъ лицамъ не могъ передать писемъ Мелетія лично и, вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ, не могъ самъ оставаться въ юго-западной Россіи и начинать дѣло объ уніи; но, дабы не подвергнуться снова гоненію и опасности со стороны латинянъ и ихъ приверженцевъ, онъ тотчасъ отправился обратно въ Египетъ.[1] О такомъ ходѣ дѣлъ свидѣтельствуетъ собственное письмо Кирилла Лукариса, оставленное въ Львовѣ у архіепископа Димитрія.[2] Особенность этого письма состоитъ въ томъ, что оно представляетъ нѣчто въ родѣ исповѣданія вѣры. Вотъ краткое содержаніе его:

«Я, Кириллъ Лукарисъ, великій архимандритъ александрійской церкви,— экзархъ и послан-

[1] Kazania... Piara Skargi, ч. II, стр. 86. [2] Письмо Лукариса см. въ указанн. кн, Скарги,' ч. II, стр. 86.

никъ патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго, прибылъ въ сію страну не по любопытству, а выполняя долгъ моего посланія и повиновенія пославшимъ меня. Прибытіе мое случилось во время неспокойное, во время политическихъ переворотовъ въ Молдавіи, Валахіи и Седмиградіи; а потому, многихъ лицъ я не могъ видѣть и вручить имъ писемъ отъ патріарха Мелетія; мало того, дабы своимъ прибытіемъ въ это смутное время не произвести новаго подозрѣнія,[1] я рѣшился возвратиться въ свое мѣсто. Однакожъ, чтобы оставить здѣсь добрую память, я оставляю это посланіе, которымъ свидѣтельствую, что я присланъ сюда патріархами съ благонамѣренною цѣлію, а именно — для разслѣдованія нуждъ здѣшнихъ христіанъ, которые обращались за этимъ къ восточной церкви. Просили патріарха Мелетія о соединеніи своей церкви и протестанты; и я имѣлъ по этому дѣлу письмо къ нимъ отъ патріарха, но этого письма я имъ не отдалъ; потому что я хорошо знаю, и патріархи восточные хорошо знаютъ, что протестанты стоятъ гораздо дальше отъ истиннаго вѣроученія, нежели вы (латиняне),

[1] Этими словами Кириллъ Лукарисъ указываетъ на первое пребываніе свое въ юго-западной Руси—на Брестскомъ соборѣ.

и не соглашаются съ истинною церковію во многихъ существенныхъ догматахъ,[1] тогда какъ церковь римская стоитъ гораздо ближе къ православно-восточной церкви, и мы не чуждаемся соединенія съ нею; но только въ настоящее время это соединеніе по политическимъ и религіознымъ дѣламъ — не возможно. Будемъ ждать благопріятнѣйшаго времени. А что касается до меня лично, то я свидѣтельствую, что въ этой странѣ я ни о чемъ больше не заботился, какъ только о томъ, чтобы установить покой и согласіе между спорящими. Возвратившись въ свое отечество, я буду всѣми силами стараться о томъ же предъ восточными патріархами.» Въ заключеніе письма Кириллъ Лукарисъ говоритъ, что онъ оставляетъ это письмо въ Львовѣ для того, чтобы тамъ знали, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ эту страну и почему возвратился, ничего не сдѣлавши.

Письмо это отыскано у львовскаго архіепископа іезуитомъ Петромъ Скаргою и издано имъ съ предварительнымъ предисловіемъ.[2] Въ этомъ предисловіи Скарга говоритъ, что письмо Лукариса онъ представляетъ съ тою цѣлію, чтобы русскіе,

---

[1] Здѣсь Лукарисъ перечисляетъ протестантскіе догматы, несогласные съ ученіемъ православной церкви. [2] Это предисловіе см. въ выше указ. книгѣ П. Скарги, 86 стр., ч. II.

заботящіеся о соединеніи церквей и своемъ спасеніи, познали, какъ далеко они разнятся отъ древнихъ дальновидныхъ грековъ, и видѣли, какія понятія имѣли послѣдніе объ этомъ соединеніи. Нѣкоторые, не желая подать повода къ подозрѣнію въ расположеніи Кирилла къ папизму, говорятъ, что это письмо, вмѣстѣ съ предисловіемъ къ нему, есть произведеніе іезуита Петра Скарги, который выдумалъ этотъ подлогъ для того, чтобы авторитетною личностію Кирилла Лукариса успѣшнѣе склонять православныхъ къ подчиненію римской церкви.[1] Предположеніе очень вѣроятное; но намъ нѣтъ нужды принимать его. Мы будемъ имѣть полную возможность видѣть, что Кириллъ Лукарисъ былъ жестокій врагъ латинянъ. Согласно съ большинствомъ историческихъ свидѣтельствъ,[2] мы

[1] Кимель съ жаромъ доказываетъ, что это письмо не принадлежитъ Кириллу Лукарису, а есть подлогъ П. Скарги. Monumenta fidei Eccles. orient. Proleg., XXVIII—XXIX. Но если принять во вниманіе то, что Киммель принадлежитъ къ числу обвинителей Лукариса въ протестантствѣ,—то доказательство его останется незаслуживающимъ довѣрія: онъ это дѣлаетъ съ цѣлію—уничтожить противорѣчіе при рѣчи о Кириллѣ, какъ кальвинистѣ. [2] М. О. Коялович въ своихъ замѣчаніяхъ объ источникахъ для исторіи литовской церковной уніи, говоритъ, что основою для сочиненія М. Смотрицкаго (Θρῆνος) послужило исповѣданіе вѣры Кирилла Лукариса, которое онъ написалъ въ Литвѣ, а Мелетій перевелъ на польскій языкъ. Т. I, стр. 185. За произведеніе К. Лукариса признаютъ это письмо Евгеній, митр. кіевскій, Андрей венгерскій, Пихлеръ и др.

признаемъ это письмо за произведеніе Лукариса, но только нѣсколько измѣненное и дополненное въ пользу латинской церкви, по всей вѣроятности, первымъ издателемъ его — Скаргою.[1] Считая это письмо съ указанными нами письмами Мелетія, мы видимъ въ нихъ сходство въ общемъ духѣ и во взглядѣ на соединеніе церквей. Кириллъ говоритъ въ своемъ письмѣ, что мы всегда желали мира и соединенія съ латинскою церковію, что это соединеніе гораздо возможнѣе для насъ, чѣмъ съ церковію протестантскою, и т. п. Все это справедливо и выражаетъ не личный только взглядъ Кирилла, а всѣхъ истинно-православныхъ христіанъ, принимавшихъ участіе во всѣхъ попыткахъ къ соединенію церквей въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Самыя обстоятельства въ бытность Кирилла Лукариса во второй разъ въ юго-западной Россіи были такого рода, что ему было весьма кстати написать это письмо и оставить его здѣсь, дабы,

[1] Нельзя никакъ допустить, чтобы Кириллъ Лукарисъ писалъ о латинянахъ такъ: „Такъ какъ ваше славное и могущественное государство, которое всемогущій Богъ да хранитъ въ славѣ и неприкосновенности на многія лѣта, устроено такъ, что отъ счастія и славы его зависитъ судьба почти всего христіанскаго міра“, и проч.; или еще: «мы не пренебрегаемъ престоломъ св. Петра, — напротивъ, отдаемъ ему должное почтеніе, признаемъ за римскою церковію первенство и честь матери церквей“ и проч.

по отбытіи его, видѣли, зачѣмъ онъ приходилъ сюда и почему возвратился, ничего не сдѣлавши.

Оставивши разсмотрѣнное нами письмо у львовскаго архіепископа, Кириллъ Лукарисъ непосредственно затѣмъ оставилъ юго-западную Россію, и чрезъ Валахію возвратился въ Египетъ. Въ то время, когда онъ находился на пути изъ Александріи въ Каиръ, гдѣ въ это время пребывалъ патріархъ Мелетій, его встрѣтило посольство отъ Мелетія, который лежалъ на смертномъ одрѣ и уже назначилъ его преемникомъ себѣ — патріархомъ александрійскимъ. Спустя два дня по прибытіи Кирилла въ Каиръ, Мелетій Пига умеръ. Нельзя рѣшить, — тотчасъ ли по назначеніи Мелетіемъ и по смерти его Кириллъ Лукарисъ избранъ былъ патріархомъ, или еще Мелетій успѣлъ утвердить это избраніе. Неодинаково передаютъ историки и то, — всѣми ли единодушно онъ избранъ былъ патріархомъ, или это совершилось не безъ сопротивленій. Киммель въ своемъ очеркѣ жизни Лукариса говоритъ, что онъ избранъ на патріаршій престолъ александрійскій непосредственно послѣ Мелетія Пиги общимъ голосомъ клира и народа; а Пихлеръ свидѣтельствуетъ, что возшествіе Кирилла на патріаршій престолъ не могло совер-

шиться безъ борьбы; была партія, желавшая возвести на престолъ Герасима, управлявшаго патріаршею каѳедрою въ отсутствіе Мелетія и сдѣлавшагося патріархомъ послѣ Лукариса.[1] Но, какъ бы то ни было, только въ 1602 году мы видимъ Кирилла Лукариса уже патріархомъ александрійскимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кириллъ Лукарисъ патріархъ Александрійскій.

Кириллъ Лукарисъ былъ александрійскимъ патріархомъ 19 лѣтъ (1602—1621). Историки, называя его управленіе александрійскою церковію мудрѣйшимъ,[2] о дѣятельности его въ этотъ періодъ говорятъ весьма мало. О первыхъ шести годахъ управленія Кирилла Лукариса александрійскою церковію положительно нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Въ 1608 году, вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ Дороѳеемъ, онъ путешествовалъ въ Іерусалимъ для посвященія на іерусалимскую патріаршую каѳедру Ѳеофана.[3] Въ первый разъ ему

---

[1] Monumenta fidei Eccles. Graecae. Proleg. XXIX. Gesch. des Protest. in des orient. Kirche—67. [2] Philip. Cypr. Chronicon Eccl., стр. 19. Списокъ констант. патр, послѣ паденія Константинополя. „Христ. чт“ 1862 г. май, [3] Geschichte des Protest.—68.

пришлось быть въ Іерусалимѣ, а потому въ это время онъ съ особеннымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ осматривалъ святыя мѣста, освященныя стопами и событіями въ жизни Господа Іисуса Христа.[2] Удостоившись поклониться святымъ мѣстамъ, онъ навсегда полюбилъ ихъ, питалъ къ нимъ особенное уваженіе и защищалъ ихъ отъ населенія турокъ и притязаній латинянъ. Такъ, съ тѣмъ самымъ Θеофаномъ, котораго Лукарисъ посвящалъ въ патріарха іерусалимскаго, онъ мужественно подвизался въ защитѣ гроба Господня отъ латинянинъ, которые, будучи поддерживаемы французскимъ посольствомъ въ Константинополѣ, употребляли всѣ средства къ тому, чтобы исторгнуть изъ рукъ православныхъ гробъ Господень вмѣстѣ съ храмомъ Воскресенія Христова.[2] Впрочемъ, дѣятельность Кирилла Лукариса относительно гроба Господня относится преимущественно къ патріаршеству его въ Константинополѣ.

Возвратившись изъ Іерусалима, Кириллъ Лукарисъ мирно управлялъ своею церковію. Зандій (Sandius), посѣщавшій въ 1611 году Египетъ, свидѣтельствуетъ о Кириллѣ, что онъ человѣкъ

---

[1] Höttinger—p. 555. [2] Μελετιυ, ἱςορια Ἐκκλ., τ. III. σελ. 450. Κατάλογος τῶν πατριάρχων ἐν ἱερησ. См. въ „Хр. чт.“ переводъ 1862 г., май, 645.

рѣдкой добродѣтели и учености.[1] Въ 1612 году Кириллъ Лукарисъ путешествовалъ въ Константинополь для управленія сиротствующею безъ патріарха константинопольскою церковію. Во время патріаршества Кирилла Лукариса въ Александріи,— въ Константинополѣ происходили безпорядки на патріаршемъ престолѣ. Здѣсь послѣ Матѳея II, вступившаго на патріаршую константинопольскую каѳедру въ третій разъ и умершаго чрезъ 17 дней послѣ возшествія. — наслѣдовалъ Рафаилъ II, митрополитъ митиленскій. Онъ управлялъ константинопольскою церковію пять съ половиною лѣтъ, и заявилъ себя другомъ латинянъ и приверженцемъ папы, которому онъ письменно заявилъ свое подчиненіе.[2] Это стало извѣстно всей константинопольской церкви и александрійскому патріарху Кириллу Лукарису. По желанію первой и по вліянію послѣдняго Рафаилъ былъ удаленъ отъ патріаршаго престола, и на мѣсто его во второй разъ былъ приглашенъ Неофитъ II-й, но и этотъ былъ заподозрѣнъ въ томъ же, а потому, по желанію Кирилла, послѣ шестилѣтняго управленія его константинопольскою церковію, онъ былъ низвер-

[1] Gesch. des Protest. Pichler, стр. 68. [2] Geschichte des Protest. стр. 69; Каталогъ конст. патр. въ указ. мѣстѣ. L. Allatius, p. 988.

женъ, — престолъ патріаршій оставался праздным ъ. [1] Патріархъ Кириллъ Лукарисъ, назиравшій до этого времени издали за константинопольскою церковію и заботившійся о благосостояніи ея и православія, успѣлъ чрезъ это заслужить особенное вниманіе у церкви константинопольской; и когда, по низверженіи Неофита, престолъ патріаршій оставался празднымъ, — Кириллъ Лукарисъ былъ приглашенъ мѣстоблюстителемъ этого престола и для управленія церковію константинопольскою. [2] На пути въ Константинополь Кириллъ Лукарисъ встрѣтился съ Корнеліемъ Гагою, который отправлялся изъ Бельгіи въ Константинополь въ качествѣ нидерландскаго посланника при Оттоманской портѣ. Этотъ Гага, по свидѣтельству Пихлера, познакомился съ Кирилломъ еще во время путешествія послѣдняго по западной Европѣ. Настоящая встрѣча ихъ была радостная; ихъ знакомство возобновилось. [3] Корнелій Гага надолго оставался другомъ и помощникомъ Кирилла Лукариса въ несчастныхъ обстоятельствахъ во время его патріаршества въ Константинополѣ. Мы не можемъ опредѣленно ска-

[1] Gesch. des Protest. Κατάλογος τῶν πατριάρχ. въ указ. м.
[2] Gesch. des Protest., стр. 69. Κατάλογος... Chonicon Philip. Cyprii. 437. [3] Gesch. des Protest. — 69.

зать,— какъ долго Кириллъ Лукарисъ въ это время управлялъ константинопольскою церковію; историки говорятъ объ этомъ неопредѣленно. Они замѣчаютъ только, что послѣ довольно продолжительнаго его управленія избранъ въ патріарха константинопольскаго Тимоѳей I-й, митрополитъ древнихъ Патръ.[1] Впрочемъ, зная, что Неофитъ удаленъ отъ своего мѣста не ранѣе 1613 года и что въ 1614 году уже посвященъ былъ въ патріарха упомянутый Тимоѳей,—естественно признать, что Кириллъ Лукарисъ управлялъ въ это время константинопольскою каѳедрою не болѣе полутора года.[2] О самомъ управленіи его, на основаніи свидѣтельства Смита, Киммель замѣчаетъ, что онъ управлялъ церковію съ такимъ авторитетомъ, что, безъ согласія его, константинопольскій каиръ не могъ поставить себѣ новаго патріарха.[3] Такъ велико было значеніе Кирилла Лукариса для константинопольской церкви, когда онъ былъ еще патріархомъ александрійскимъ!.. Ко времени пребыванія Кирилла Лукариса въ Константинополѣ въ качествѣ блюстителя церкви константинопольской, западные историки относятъ письмо Кирилла

---

[1] Списокъ констант. патр., см. въ „Хр. чт.“ 1862, май—633.
[2] Тамъ же. [3] Monumenta fidei Eccl. Graecae Prelegom. XXXI, Smith de statu Eccl. Graecae, p. 73.

Лукариса къ нидерландскому богослову Утенбогартену (Utenbogarten). Изъ этого письма видно, что Лукарисъ познакомился съ Утенбогартеномъ чрезъ рекомендацію Корнелія Гаги. Главное содержаніе этого письма состоитъ въ томъ, что Кириллъ Лукарисъ выражаетъ свое желаніе о соединеніи церквей, говоритъ, что этому соединенію препятствуютъ нововведенія въ церквахъ, что человѣческимъ мнѣніямъ данъ сильный просторъ, что вмѣсто древней отеческой вѣры ввели пустую философію, и проч. Затѣмъ переходитъ къ восточной церкви, защищаетъ ее отъ нареканій; находитъ счастье для пей въ самыхъ несчастныхъ ея обстоятельствахъ. «Тираннія турокъ», говоритъ Лукарисъ, «отняла у грековъ возможность къ образованію; но это самое принесло имъ пользу въ томъ отношеніи, что имъ неизвѣстны разрушительныя мудрствованія запада.» [1]

Послѣ того, какъ клиръ константинопольской церкви нашелъ мужа достойнаго патріаршей константинопольской каѳедры, Кириллъ Лукарисъ оставилъ Константинополь. Въ это время онъ посѣтилъ Адріанополь, Аѳины и Валахію.[2] По свидѣ-

[1] Gesch. des Protest. in der orient. Kirche — 70 — 71.
[2] Тамъ же—69.

тельству тѣхъ же западныхъ историковъ, Кириллъ Лукарисъ изъ Валахіи писалъ второе письмо къ Утенбогартену. Въ этомъ письмѣ онъ хвалитъ желаніе Утенбогартена — видѣть всѣ христіанскія церкви на землѣ соединенными на одномъ основаніи и подъ главою Христа, и осуждаетъ партизанство. При этомъ онъ высказываетъ свою жалобу на слѣпую гордость латинянъ, которые хвалятся, будто только они мудры, и они одни воздѣлываютъ божественную ниву, считаютъ себя непогрѣшимыми. Далѣе, Лукарисъ совѣтуетъ своему собесѣднику и его соотечественникамъ не чуждаться единства вѣры, и переходитъ къ богословскимъ разсужденіямъ, которыя начинаетъ съ ученія о христіанской вѣрѣ. Здѣсь онъ излагаетъ ученіе о пресвятой Троицѣ, объ исхожденіи Святаго Духа,— показываетъ несостоятельность римскаго ученія объ этомъ предметѣ, касается главенства папы и замѣчаетъ при этомъ, что догматъ о главенствѣ папы самый важный для латинянъ и болѣе всего удаляетъ ихъ отъ православныхъ. Затѣмъ, Кириллъ Лукарисъ переходитъ къ ученію о таинствахъ, какъ необходимыхъ орудіяхъ для полученія благодати, и особенно останавливается на ученіи о таинствѣ евхаристіи, опровергая разности относительно

этого таинства, существующія на западѣ. Послѣ ученія о таинствахъ Кириллъ Лукарисъ переходитъ къ управленію и устройству церкви восточной. Здѣсь трактуетъ онъ о четырехъ восточныхъ патріархахъ, описываетъ устройство церкви восточной и изображаетъ современное ея состояніе; сообщаетъ Утенбогартену свѣдѣнія о восточныхъ еретикахъ своего времени — объ армянахъ, коптахъ, маронитахъ, яковитахъ; изображаетъ кратко ихъ вѣроученіе, обряды, нравственность и ихъ вредное вліяніе на православныхъ христіанъ. Здѣсь же изображаетъ онъ насильственныя мѣры іезуитовъ, проникшихъ въ предѣлы восточной церкви. Наконецъ, разсуждаетъ о свободѣ воли, о предопредѣленіи, объ оправданіи, направляя это ученіе противъ протестантовъ. Письмо это, какъ по объему, такъ и по содержанію, весьма замѣчательное. Если оно дѣйствительно принадлежитъ Кириллу, — то, по всей вѣроятности, цѣль этого письма была та, чтобы познакомить западнаго богослова съ вѣроученіемъ восточной церкви, съ ея устройствомъ, современнымъ положеніемъ, и т. п., и чрезъ то, если не привлечь его къ своей церкви, то, по крайней мѣрѣ, расположить его настолько, чтобы имѣть

въ немъ помощника въ защищеніи восточной церкви отъ латинянъ.[1]

По свидѣтельству Алляція, изъ Валахіи Кириллъ Лукарисъ предпринималъ путешествіе въ Польшу и Россію для сбора милостыни.[2] Мы не знаемъ, насколько вѣрно это свидѣтельство Алляція; только у русскихъ и польскихъ историковъ мы не находимъ свидѣтельства о его посѣщеніи въ третій разъ этихъ странъ. Около 1616 года мы опять видимъ его въ Валахіи, именно въ городѣ Терговиштѣ. Отъ него самого мы узнаемъ, что римская партія преслѣдовала его здѣсь, какъ защитника православія, что, именно, нѣкоторые мужи Валахіи, учившіеся въ Римѣ, вооружились противъ него по возвращеніи въ отечество; поэтому, въ томъ же году, онъ счелъ нужнымъ оставить Валахію. При отъѣздѣ онъ оставилъ въ Терговиштѣ свою рѣчь или архипастырское посланіе, въ которомъ предостерегаетъ своихъ единовѣрцевъ отъ новыхъ волковъ и осуждаетъ латинянъ и еретиковъ протестантовъ. Какъ замѣчательное посланіе Кирилла Лукариса, свидѣтельствующее о его архипастырской ревности о православіи, мы приведемъ его здѣсь.[3]

---

[1] Gesch. des Protest. in der orient. Kirche, стр. 75—84. [2] Тамъ же, стр. 17. [3] Τόμος Ἀγάπης παρὰ Δοσιθέου, σελ. 552—551.

«Кириллъ, Божіею милостію, патріархъ великаго града Александріи и судья вселенной, всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Терговиштѣ, духовному и свѣтскому сословію, истиннымъ чадамъ святой каѳолической и апостольской восточной христіанской церкви, которая съ достохвальною ревностію, на основаніи евангельской истины, отвращается и убѣгаетъ всякаго соблазна и нововведенія еретиковъ (протестантовъ) и латинянъ, коварно враждующихъ противъ нашего православія,—благодать, миръ и милость отъ всемогущаго Бога и нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа.

«Никакое сильное волненіе не потрясало тотъ древній ковчегъ, когда онъ, сильно обуреваемый и опѣняемый, носился по волнамъ, которыя, по мановенію Божію, сильно воздымались чрезъ низвергающіеся изъ небесныхъ хлябій потоки, угрожая уже поглотить находящихся въ ковчегѣ, если бы Богъ не помиловалъ кормчаго—Ноя, и не утишилъ бурю. Это, думаю, было прообразомъ тѣхъ ужасовъ, которые устрашаютъ новый ковчегъ—нашу церковь, освобожденія отъ которыхъ мы не прежде можемъ надѣяться, пока Богъ не накажетъ этихъ злыхъ враговъ невинныхъ душъ. Такъ какъ они завидовали этому городу въ его

глубокомъ церковномъ мирѣ,—они воздвигли противъ насъ непримиримую войну. Такъ какъ мы теперь намѣрены оставить городъ; то считаемъ нужнымъ дать всѣмъ въ руки образъ, чтобы съ нимъ можно было безопаснѣе защищать православіе; для этой цѣли мы изложили на общеупотребительномъ языкѣ, въ нѣсколькихъ пунктахъ, начала нашей вѣры. Изъ древняго Рима пришли сюда нѣкоторые наученные латинскому образу мыслей и хотящіе заразить страну, которая никогда не видѣла франковъ (латинянъ). Не довольствуясь тѣмъ, что отвергли ея вѣру, они извращаютъ преданное отъ Христа, апостоловъ, св. отцевъ и соборовъ православное ученіе восточной церкви. Мы клянемся предъ вашею любовію, что крѣпко стоимъ въ вашемъ благочестіи и православіи, и латинянамъ не оказываемъ никакого послушанія, но отвергаемся отъ нихъ, какъ еретиковъ, какъ враговъ нашего спасенія. Такъ, вопервыхъ, всякій, особенно за римлянина признаваемый грекъ, не исповѣдующій сердцемъ и устами, что Духъ Святый существенно и vпостасно лишь отъ Отца, а временно отъ Сына исходитъ, но утверждаетъ вѣчное исхожденіе Святаго Духа отъ Отца и Сына,— внѣ нашей церкви, не имѣетъ никакого общенія съ

нами и да будетъ анаѳема. Во-вторыхъ, всякій, кто не признаетъ, что въ евхаристіи и міряне не только тѣла, но и крови Христовой пріобщаться должны; равно — кто утверждаетъ, что достаточно одного тѣла пріобщаться, что въ немъ содержится и кровь, хотя, однакожъ, Христосъ преподалъ отдѣльно то и другое: тотъ внѣ церкви и анаѳема. Въ-третьихъ, кто утверждаетъ, что Господь Іисусъ Христосъ употребилъ на тайной вечери опрѣсноки, какъ іудеи, а не квасный хлѣбъ, тотъ удаляется отъ нашей церкви, и да будетъ анаѳема. Въ-четвертыхъ, всякій утверждающій, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ придетъ не ради душъ, а для воскресенія тѣлъ, да будетъ анаѳема. Въ-пятыхъ, кто утверждаетъ, что души тѣхъ христіанъ, которые грѣшать въ жизни, но умираютъ съ сокрушеннымъ чувствомъ, по эллинскому мнѳу, будутъ наказаны въ чистилищѣ, да будетъ анаѳема. Въ-шестыхъ, кто утверждаетъ, что папа — глава церкви, а не Христосъ, да будетъ анаѳема. Всякій принимающій что нибудь изъ этого ученія — анаѳема. Увѣщеваю васъ, ради Господа и спасенія вашихъ душъ, твердо стоять въ своей вѣрѣ, защищаться отъ волковъ, такъ какъ они всегда могутъ явиться, — назидаться въ ученіи,

которое оспариваютъ тѣ, кои поставили себѣ единственною задачею жизни воевать съ православными христіанами, чтобы развращеніе и невѣжество римлянъ распространить въ нашемъ родѣ. Итакъ, укрѣпляйтесь въ вашихъ силахъ и просите Бога, чтобы вамъ достигнуть рая чрезъ вашу вѣру. Пріятно даже кровь пролить за вѣру, если это необходимо; и Богу пріятно то, чѣмъ посрамляется противникъ. Будьте мужественны, да защититъ васъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, да благословитъ васъ и дастъ вамъ мирный конецъ, о чемъ будетъ постоянная, непрерывная моя грѣшная молитва.»

Въ то время, когда Кириллъ Лукарисъ оставлялъ это архипастырское свое посланіе въ Терговиштѣ, онъ послалъ еще письмо къ правителю Валахіи — Радулу (Radul).[1] Общій характеръ этого письма — та же полемика противъ латинянъ, какую мы видѣли въ его посланіи. Но въ частности здѣсь онъ защищаетъ употребленіе православною церковію кваснаго хлѣба при евхаристіи, направляя это противъ употребленія латинями при этомъ таинствѣ опрѣсноковъ. Христосъ, говоритъ онъ, праздновалъ не іудейскую пасху, а таинственную,

[1] Gesch. des Protest., стр. 90.

и потому не употреблялъ опрѣсноковъ; и евангелисты, говоря о хлѣбѣ, употребленномъ Іисусомъ Христомъ на тайной вечери, не называютъ его опрѣснокомъ — ἄζυμον, а хлѣбомъ квасным — ἄρτος. Кромѣ того, онъ говоритъ, что латиняне, склонные къ новизнамъ, исказили тайну плоти и крови Господа, и преподаютъ христіанамъ одно тѣло, а не тѣло и кровь вмѣстѣ, хотя Христосъ ясно говоритъ: «если не пьете крови Сына человѣческаго, не будете имѣть жизни въ себѣ». Если папа не слушаетъ этихъ словъ Евангелія, — значитъ, онъ нарушитель его. Поэтому, мы покланяемся Христу и Ему повинуемся, а не папѣ, который для распространенія своей власти соблазняетъ землю и ежедневно подвергаетъ растлѣнію множество душъ. — Понятно, для чего говоритъ это Кириллъ Лукарисъ правителю Валахіи: онъ хочетъ показать ему, какъ латиняне заблуждаются въ своемъ вѣроученіи, а между тѣмъ ихъ много находится въ Валахіи, и вредныя дѣйствія ихъ становятся ощутительными для православныхъ жителей этой страны. А потому необходимо было принять противъ нихъ мѣры, и эта забота должна лежать прежде всего на правителѣ страны. Вотъ цѣль письма Лукариса къ правителю Валахіи.

Оставивши Валахію, Кириллъ отправился прямо въ Египетъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же 1616 года мы видимъ его уже возвратившимся на свое мѣсто; это видно изъ письма, писаннаго имъ по прибытіи въ Египетъ къ Абботу, архіепископу кэнтерберійскому и примасу англійскому. Неизвѣстно, когда Кириллъ познакомился съ архіепископомъ кэнтерберійскимъ; но только изъ этого письма можно заключить, что Кириллъ знакомъ былъ съ нимъ прежде. Въ письмѣ Лукариса къ Абботу заключается свидѣтельство о тогдашнемъ состояніи церкви александрійской. Именно, Кириллъ выражаетъ Абботу свою радость, что онъ опять находится въ Египтѣ, который изъ всѣхъ греческихъ странъ наслаждается пріятнымъ миромъ, гдѣ православные христіане свободно исповѣдуютъ свою вѣру, не терпятъ притѣсненій и насилій отъ иновѣрныхъ властей; гдѣ нѣтъ двуязычныхъ змѣй (латинянъ), для которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ къ распространенію тиранніи римскаго папы. Между тѣмъ, въ Константинополѣ и подвѣдомыхъ ему церквахъ греки терпятъ притѣсненія отъ турокъ и латинянъ. Послѣдніе, какъ софисты, обманываютъ тамъ народъ своими хитрыми тонкостями, а простые греки часто не въ

состоянии бывають противостать имъ. Пришлось и мнѣ, говорить при этомъ патріархъ, съ удовольствіемъ претерпѣть ради Христа раны отъ этихъ злодѣевъ. — Изъ этого же письма открывается, что оно послано было чрезъ священника александрійскаго Митрофана Критопула, котораго Кириллъ Лукарисъ послалъ въ Англію для полученія образованія. Въ своемъ письмѣ Лукарисъ проситъ примаса англійскаго представить Критопула англійскому королю и руководить его на чужой сторонѣ. [1]

Въ 1617 году или 1618 патріархъ Кириллъ Лукарисъ путешествовалъ въ Константинополь на соборъ, созванный патріархомъ константинопольскимъ Тимоѳеемъ. Кромѣ Тимоѳея и Кирилла, на этомъ соборѣ присутствовали патріархи — антіохійскій Евѳимій и іерусалимскій Софроній. Вмѣстѣ съ другими патріархами Кириллъ Лукарисъ участвовалъ на этомъ соборѣ въ опредѣленіи низложенія Лаврентія, епископа Синайской горы, за то, что, вопреки древнему преданію, совершалъ божественныя тайны, не снимая митры съ головы, какъ разсказываетъ Мелетій историкъ. [2] Въ 1620

[1] Geschichte des Protest. in der orient. Kirche, стр. 91—92.

[2] Μελετίου ἱστορ. Ἐκκλ. τ. III. 430 σελ.; «Хр. чт.» 1862 г., Май, 634. Примѣч. 2-е. Лаврентій, быть можетъ, хотѣлъ подражать папѣ, который совершаетъ тайны въ тіарѣ.

году патріархъ Кириллъ Лукарисъ, заботясь о благосостояніи и просвѣщеніи Россіи, подобно своему предшественнику Мелетію, послалъ «для науки и утвержденія вѣры въ Кіевъ, Галичъ, Львовъ и на всю Бѣлую Русь» своего ученаго іеромонаха Іосифа, который два года занимался науками въ этихъ городахъ, и въ 1622 году представлялся московскому государю Михаилу Ѳедоровичу.[1]

Кромѣ представленныхъ нами свѣдѣній о жизни и дѣятельности Кирилла Лукариса во время его патріаршества въ Александріи, западные историки говорятъ, что въ послѣдніе годы своего патріаршества въ Александріи (1618—1620) онъ велъ частую переписку съ протестантами, и представляютъ подъ его именемъ много писемъ, написанныхъ, будто бы, имъ въ это время.[2] Но, такъ какъ на этихъ письмахъ противники Кирилла основываютъ свои обвиненія въ неправославіи, взносимыя на него: мы разсмотримъ эти

[1] Сношенія Востока съ Россіею по дѣламъ церковнымъ, ч. II, стр. 4—6. [2] Въ книгѣ: Lèttres anecdotes de Cyrille Lucar... etc. Аймонъ представляетъ 14 писемъ подъ именемъ Кирилла Лукариса, написанныхъ имъ будто бы къ государственному совѣтнику голландскому Давиду Вельгельму въ послѣдніе годы его патріаршества въ Александріи. О 13-ти письмахъ къ тому же лицу Аймонъ только упоминаетъ. См. Lèttres... Geschichte des Protest. Pichler—100—110. Monumenta fidei, Kimmel p. XXXIV—XXXV.

письма и выскажемъ свое сужденіе о нихъ, когда будемъ защищать приснопамятнаго патріарха отъ этихъ обвиненій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кириллъ Лукарисъ - патріархъ Константинопольскій.

По свидѣтельству враговъ Кирилла Лукариса, возшествіе его на константинопольскій патріаршій престолъ соединено было съ постыдными для него преступленіями. Они говорятъ, будто Кириллъ Лукарисъ, въ бытность свою патріархомъ александрійскимъ, подобно воспитателю своему Мелетію Пигѣ, патріарху александрійскому, давно простиралъ свои виды на константинопольскую каѳедру. Во время управленія своего константинопольскою церковію, въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, онъ будто-бы думалъ остаться дѣйствительнымъ патріархомъ, но тогда это не удалось ему: патріархомъ избранъ былъ Тимоѳей II. Удалившись въ Египетъ, Кириллъ не переставалъ мечтать о вселенской патріаршей каѳедрѣ. Эта мечта, говорятъ, извѣстна была его друзьямъ — протестантамъ, они-то и помогли ему взойти на

патріаршую каѳедру въ Константинополѣ. Именно: голландскій посланникъ пригласилъ къ себѣ патріарха Тимоѳея на обѣдъ, за которымъ. чрезъ архимандрита Іосифа, подалъ ему кубокъ съ ядомъ. Когда патріархъ, по возвращеніи въ домъ, началъ ощущать боль въ животѣ, съ вѣдома того же посланника, приглашенъ былъ врачъ, который подбавилъ еще яду, и — патріархъ умеръ. Въ награду врачъ получилъ 1000 дукатовъ, Іосифъ сдѣланъ архіепископомъ халкидонскимъ, а Кириллъ Лукарисъ сдѣлался константинопольскимъ патріархомъ. Скоро потомъ завязался споръ между Лукарисомъ и Іосифомъ, и послѣдній былъ низложенъ. Въ отмщеніе Іосифъ объявилъ тайну предъ народомъ въ храмѣ «Паммакаристосъ», за что патріархъ приказалъ умертвить его.[1] Но всѣ эти клеветы враговъ Лукариса противорѣчатъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ восточныхъ и, болѣе добросовѣстныхъ, западныхъ историковъ о возшествіи его на престолъ патріаршій... Нѣкоторые, даже обвинители Лукариса, говорятъ, что если что подобное происходило, то независимо отъ Кирилла. Пихлеръ говоритъ, что съ рѣшительностію можно допустить, «что это не отъ него происходило, что сомнительно

[1] Geschichte des Protest., стр. 118—120. L. Allatius p. 74, и др.

даже то, зналъ ли онъ объ этомъ.»[1] Мы же, на основанiи достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, скажемъ, что, при возшествiи Кирилла на патрiаршiй престолъ, въ Константинополѣ не было никакихъ злодѣянiй. По свидѣтельству восточныхъ историковъ, патрiархъ Тимоѳей не былъ отравленъ,— но «мирно почилъ о Господѣ.»[2] Объ убiйствѣ Іосифа мы нигдѣ не находимъ свидѣтельствъ, кромѣ Алляцiя, жестокаго врага Лукариса.[3] Кромѣ того, извѣстно также, что избранiе Кирилла происходило въ то время, когда онъ находился въ Египтѣ. Филиппъ кипрскiй, Киммель, Гэттингеръ свидѣтельствуютъ, что Кириллъ Лукарисъ возведенъ былъ на вселенскiй престолъ голосомъ сѵнода.[4] Мелетiй— историкъ говоритъ, что Лукарисъ «былъ избранъ единодушно соборомъ православныхъ архипастырей въ присутствiи знатнѣйшаго духовенства и почетнѣйшихъ мiрянъ (ἀρχόντων) константинопольской церкви.[5] Наконецъ, та любовь, которая встрѣчала и всегда сопровождала Кирилла Лукариса со стороны клира и народа константинопольской церкви,—сви-

[1] Geschichte des Protest. Pichler., 118—120. [2] Списокъ восточн. патрiарх. послѣ паденiя Константинополя. «Христ. чт.» 1869 г., май, стр. 634. [3] L. Allatius—1074. [4] Philip. Cypr. Chronicon Eccl. Graecae. 19. Monumenta fidei. XXXVII. [5] Μελετίου, Ἐκκλησ. ἱστορ., τ. III, σελ. 446.

дѣтельствуетъ о томъ, что выставляемыя врагами Лукариса злодѣянія, совершавшіяся будто бы, при его возшествіи на престолъ, — совершенная ложь; потому что, если бы дѣйствительно были эти злодѣянія, то онъ на первыхъ же порахъ оттолкнулъ бы отъ себя и клиръ и народъ.

Вопреки свидѣтельствамъ тѣхъ историковъ, которые говорятъ, что Кириллъ Лукарисъ долго домогался константинопольской каѳедры, и достигъ ея незаконно и постыдно,—невольно соглашаешься съ словами Киммеля, который говоритъ, что Кириллъ Лукарисъ «много перечувствовалъ, когда принималъ патріаршество константинопольское по смерти Тимоѳея.» Онъ вполнѣ сознавалъ, что это мѣсто было сколько почетнѣйшее, столько же полное вражды и ненависти и многихъ безпокойствъ; его глазамъ ясно представлялись: жадность турокъ, происки антипатріарховъ, съ ихъ епископами и священниками, коварство іезуитовъ, — и все это заранѣе обрекало его на великій подвигъ.[1] Вотъ почему, по замѣчанію Киммеля, онъ не съ охотою принялъ предложенное ему достоинство вселенскаго патріарха; но посвятившій себя съ самыхъ юныхъ лѣтъ на служеніе православной церкви,—онъ готовъ былъ

[1] Monumenta fidei Prolegom.

для блага ея принести себя въ жертву. 5 ноября 1621 года Кириллъ Лукарисъ былъ патріархомъ константинопольскимъ, по смерти приснопамятнаго Тимоѳея,[1] и 17 лѣтъ (1621—1638) носилъ титло вселенскаго патріарха; но въ продолженіе этихъ 17 лѣтъ пять разъ былъ возводимъ на патріаршій престолъ, и столько же низвергаемъ съ него. Мы будемъ разсматривать жизнь и дѣятельность его—какъ патріарха константинопольскаго по этимъ краткимъ пяти періодамъ.

Первый періодъ патріаршества Кирилла Лукариса въ Константинополѣ продолжался не болѣе полутора года. Въ это небольшое время онъ успѣлъ заявить себя—какъ вселенскій патріархъ по отношенію къ церкви русской, и какъ ревностный, православный пастырь для церкви константинопольской.

Православные христіане въ юго-западной Россіи, угнетаемые латинянами и уніятами, кромѣ знаменій и чудесъ благодати Божіей, совершившихся въ храмахъ и обителяхъ православныхъ, подкрѣпляемы были въ вѣрѣ и терпѣніи братствами.[2] Братства появились въ юго-западной Россіи

[1] Philip. Cypr. Chronicon., 19. Monumenta fidei—XXXVIII.
[2] „Истор. русск. церкви“ Филарета, пер. III, 84.

прежде уніи; но несравненно болѣе почувствовалась въ нихъ нужда со времени уніи, когда появились жестокія гоненія на православныхъ и когда потребовалась особенная ревность на защиту вѣры и на помощь пастырямъ церкви. Кириллу Лукарису хорошо было извѣстно положеніе православія въ это время въ юго-западномъ русскомъ краѣ. Какъ прежде онъ являлся здѣсь ревностнымъ поборникомъ православія, такъ теперь, сдѣлавшись вселенскимъ патріархомъ, онъ является ревнителемъ православія въ той же странѣ, и старается поддержать его чрезъ учрежденіе новаго братства въ городѣ Луцкѣ и чрезъ утвержденіе тамъ своей ставропигіи. Въ 1623 году Кириллъ Лукарисъ своею патріаршею грамотою утвердилъ луцкое братство. Грамота эта содержитъ въ себѣ мудрый уставъ его для утвержденія братства.[1] Въ ней сначала патріархъ говоритъ о томъ, что онъ по дару и власти, данной ему отъ Св. Духа и Господа Іисуса Христа, имѣетъ полное право давать правила для жизни не только для духовныхъ,—но для свѣтскихъ. Основаніемъ этихъ правилъ, продолжаетъ онъ, служитъ братская взаимная любовь Христова;

[1] Подлинную грамоту см. въ издан. „Памятн. времен. кіевск. коммисс.“, стр. 36.

а потому его уставъ не новый, а учрежденный и утвержденный Апостолами между вѣрующими, когда «у всѣхъ было сердце и душа едина», — и заповѣдуетъ луцкому братству соблюдать его. Далѣе излагаетъ самый уставъ. — Уставъ этотъ содержитъ 18 правилъ: 1) начальникъ братства — пресвитеръ, поставленный рукою патріаршею; онъ избираетъ 4 старшихъ братьевъ и распредѣляетъ между ними должности по ихъ достоинству и способностямъ. Съ ними начальникъ дѣлаетъ засѣданія, принимаетъ желающихъ поступить въ число братства, испытываетъ ихъ, даетъ присягу и принимаетъ вклады. 2) Братья должны жить пристойно, строго исполнять свои обязанности; уклоняющагося же отъ своихъ обязанностей съ братскою любовію должны исправлять нѣсколько разъ; въ случаѣ же его неисправности, доносить о немъ начальнику, который налагаетъ на виновнаго наказаніе; а если онъ пренебрежетъ наказаніемъ, то исключаетъ его изъ числа братства предъ всею церковію. 3) Для своихъ дѣлъ братья должны дѣлать сходки: малыя — въ каждую недѣлю послѣ утрени непосредственно; а большія — разъ въ мѣсяцъ, сдѣлавъ для этого предварительную повѣстку. 4) Каждый братъ долженъ дѣлать опредѣлен-

ные взносы. 5) Кружка братская должна храниться въ церковномъ казнохранилищѣ; ключи отъ казнохранилища должны храниться у старшаго брата; а ключи отъ братской кружки должны быть у двухъ слѣдующихъ за нимъ старшихъ братьевъ. Четвертый братъ долженъ вести реестръ приходо-расходный. Выдача денегъ происходитъ въ общемъ засѣданіи. Каждый братъ обязанъ представить по истеченіи года отчетъ въ своей дѣятельности. 6) Братскія деньги должны быть употребляемы на поправку храмовъ, милостыню бѣдныхъ, на содержаніе сиротъ, на устройство школъ и т. под. 7) Забота братства должна быть по преимуществу обращена на благо своихъ ближнихъ. 8) Въ собраніяхъ братства должно быть все чинно и любезно; за нескромныя слова — подвергать наказанію. 9) Неискусный въ словѣ можетъ заявлять свой голосъ чрезъ другаго. 10) Дѣла и совѣщанія братства должны быть тайною для постороннихъ. 11) Въ проступкахъ соучастникъ и виновный подвергаются отлученію вмѣстѣ. 12) Братство должно помогать только бѣднѣйшей своей братіи. 13) Умершаго брата братія обязана провожать до могилы съ возжженными свѣчами и сдѣлать церковное поминовеніе на сумму братскую. 14) Дважды въ

годъ — въ субботу мясопустную и субботу пятидесятную должны совершаться заупокойныя литургіи за усопшую братію, на которыхъ должны присутствовать всѣ братья и со всѣми семействами своими. 15) Каждый братъ обязанъ вписать имена своихъ усопшихъ братій въ поминальную книгу, для поминовенія въ церкви въ опредѣленное время. 16) Дважды въ годъ должны быть отправляемы заздравныя литургіи — 1 сентября и въ праздникъ заложенія братской церкви. 17) Братья должны заботиться о благолѣпіи храма, о хорошемъ проповѣдникѣ, о школѣ и воспитаніи юношей. 18) Начальникъ братства долженъ быть мужъ образованный и рачительный. Если же онъ не таковъ, то братія можетъ попросить его уступить мѣсто достойнѣйшему. — Этотъ уставъ, основанный на истинно христіанской любви и ревности ко благу Христовой церкви, патріархъ Кириллъ Лукарисъ объявилъ своею соборною грамотою, чтобы ни одно духовное и свѣтское лице не противилось ему, и скрѣпилъ своимъ подписомъ и патріаршею печатью. Уставъ этотъ съ любовію принятъ былъ луцкимъ братствомъ, и послужилъ основаніемъ для учрежденія другихъ братствъ.

Въ томъ же 1623 году мы встрѣчаемъ дру-

гую грамоту патріарха Кирилла Лукариса, данную на сооруженіе Крестовоздвиженской церкви въ городѣ Луцкѣ, съ правомъ ставропигіи. Въ этой грамотѣ онъ хвалитъ братію луцкой епископіи за заботливость и рачительность о милостынѣ для низшей братіи, и поощряетъ ее благословеніемъ Св. Духа на добрыя намѣренія во всѣ времена. Затѣмъ, на желаніе братіи — имѣть ставропигіальный храмъ св. креста Господня отвѣчаетъ одобреніемъ ихъ намѣренія и пожертвованія на это святое дѣло тамошнихъ обывателей. Дальше дѣлаетъ распряженіе относительно ставропигіальныхъ обрядовъ, послѣдованій службъ, и т. под. Утверждаетъ Крестовоздвиженскій храмъ своею старопигіею, и ограждаетъ эту ставропигію своею патріаршею властію, подъ угрозою отлученія отъ церкви всякаго, кто дерзнетъ безпокоить ее.[1]

Какъ скоро явилось въ городѣ Луцкѣ братство и ставропигія константинопольскаго патріарха,— Кириллъ Лукарисъ позаботился объ учрежденіи тамъ греко-славянской школы.[2] Этой школѣ какъ и братству, Кириллъ Лукарисъ даровалъ свой

---

[1] «Памятники времен. кіевск. коммиссіи», стр. 36. [2] Тамъ же, стр. 95.

мудрый уставъ,[1] послужившій образцемъ для другихъ братскихъ школъ.[2] Уставъ Кирилла Лукариса, данный луцкой школѣ, раздѣляется на 20 статей, въ которыхъ со всею подробностію опредѣлены должности учителей и обязанности учениковъ. Вотъ краткое содержаніе этихъ статей: 1) опредѣляются качества учителя. Онъ долженъ быть кротокъ, разсудителенъ, благочестивъ, непьяница, и долженъ служить во всемъ примѣромъ для учениковъ. Здѣсь же указываются первые пріемы учителя съ новопоступившимъ къ нему ученикомъ. 2) Учитель долженъ заботливо учить своихъ учениковъ полезнымъ наукамъ, и наказывать ихъ за непослушаніе не тирански, а наставнически. 3) Ученики должны сидѣть на опредѣленныхъ мѣстахъ. 4) Въ школѣ богатые и бѣдные ученики— равны. 5) Учитель долженъ любить одинаково всѣхъ учениковъ. 6) Ученики должны сходиться въ школу въ опредѣленное время. 7) Учитель долженъ знать—всѣ ли въ школѣ ученики, и по-

---

[1] Аскоченскій въ своемъ сочиненіи „Кіевъ съ древн. его училищ. и академіею“ говоритъ, что „уставъ луцкой школы, писанный въ 1624 г., можетъ дать полное и совершенное понятіе о тѣхъ обязанностяхъ, какія и *кіевское училище* возлагало на своихъ наставниковъ и питомцевъ“, — стр. 79. [2] „Тр. к. д. ак.“, февраль 1867 г., стр. 183. „Памяти. вр. кіевск. коммисс.“, 95. „Кіевъ съ древн. его училищ.“, 79.

чему — какихъ нѣтъ. 8) Ученіе должно начинаться послѣ молитвы. 9) Дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на три класса, смотря по наукамъ и успѣхамъ. 10) Поутру, послѣ молитвы, дѣти должны приготовлять къ классу свои уроки, заданные вчера. 11) Послѣ обѣда — должны готовиться къ вечернему классу; а вечеромъ расходятся по домамъ и даютъ отчетъ въ своихъ урокахъ отцамъ и родственникамъ. 12) Учитель долженъ давать письменныя упражненія ученикамъ. 13) Въ субботу должно быть недѣльное повтореніе. 14) Послѣ обѣда въ субботу учитель занимается благочестивыми размышленіями съ учениками. 15) Въ праздничные дни учитель бесѣдуетъ съ учениками о праздничномъ днѣ предъ обѣднею и послѣ обѣда, объясняетъ праздничное евангеліе, апостолъ и проч. 16) Очередные мальчики наблюдаютъ за порядкомъ въ школѣ, метутъ полъ, топятъ печку, и т. п. 17) Лѣнивыхъ и неисправимыхъ мальчиковъ должно увольнять изъ училища. 18) Учитель и строители школы должны внушать содержателямъ учениковъ — держать ихъ благоразумно и прилично. 19) Желающій взять сына изъ училища долженъ дѣлать это съ вѣдома училищнаго начальства. 20) Дурныхъ учениковъ, а тѣмъ болѣе дур-

ныхъ наставниковъ, рѣшительно воспрещается держать при училищѣ.—Въ заключеніе устава Кириллъ Лукарисъ кратко опредѣляетъ предметы преподаванія и способъ его.[1] Если же такъ заботился Кириллъ Лукарись о благосостояніи церкви русской, близкой къ нему по единству вѣры, но чуждой въ отношеніи политическомъ и іерархическомъ; то несравненно болѣе онъ старался улучшить состояніе своей церкви — константинопольской.

Главная цѣль, съ которою взошелъ Кириллъ Лукарисъ на константинопольскій патріаршій престолъ, была та, чтобы, сколько нибудь облегчить тяжелое положеніе своей церкви, зависѣвшее отъ турокъ, и освободить ее отъ опасныхъ враговъ іезуитовъ. Еще будучи мѣстоблюстителемъ вселенскаго престола, онъ старался разрушать коварные ихъ замыслы. Гораздо съ большею ревностію онъ возсталъ противъ нихъ теперь, когда, вмѣстѣ съ званіемъ вселенскаго патріарха, онъ принялъ на себя постоянную обязанность заботиться о мирѣ и благосостояніи константинопольской церкви. Отъ взора его не могло укрыться, что іезуиты были тогда сильнѣйшими врагами православія, равно

[1] Подлинный уставъ см. въ „Памятник. времен. кiев. ком.“, стр. 94—115.

опасными — какъ по своей многочисленности, такъ и по вліянію на умы православныхъ. Единодушная и живая дѣятельность ихъ сопровождалась быстрымъ успѣхомъ. Патріархъ Кириллъ Лукарисъ хотѣлъ прекратить это опасное зло. Для этой цѣли, немедленно по прибытіи въ Константинополь, онъ созвалъ соборъ изъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ, и вмѣстѣ съ ними опредѣлимъ предостеречь православныхъ отъ близкихъ сношеній съ западными христіанами вообще и въ частности съ іезуитами. По его указанію и подъ его руководствомъ, написана была грамота, въ которой патріархъ пастырски умолялъ свою паству— избѣгать сообщенія съ западными христіанами. Эта грамота разослана была повсюду въ видѣ окружнаго посланія. Мудрая предусмотрительность и рѣшительныя мѣры, предпринятыя патріархомъ для водворенія мира и порядка въ церкви, не остались безъ благихъ послѣдствій: православные стали чуждаться іезуитовъ, и тщательно оберегать отъ нихъ свои семейства.[1] Такимъ образомъ, первый ударъ нанесенъ былъ врагамъ православія; патріархъ пастырски радовался успѣху своихъ дѣйствій и бла-

[1] Εὐαγγελ. Σάλπιγξ, ἀρ. 5, περ. 3, σελ. 146 (издан. въ Аѳинахъ 1833 г.).

годарилъ Бога. Но не пали духомъ іезуиты: они постарались отмстить опасному врагу своему за нанесенное имъ оскорбленіе.

Во время этой борьбы Кирилла Лукариса съ іезуитами, при султанѣ Мустафѣ I, государствомъ управлялъ жестокій Гуссейнъ — человѣкъ въ высшей степени корыстолюбивый; изъ повара египетскаго сераскира онъ сперва сдѣлался правителемъ Египта,—а затѣмъ получилъ отъ янычаръ званіе великаго визиря при турецкомъ дворѣ. Этому сильному временщику нужны были деньги для поддержанія своей незаконной власти и пополненія своихъ расходовъ. Къ нему-то іезуиты рѣшились обратиться съ просьбою о низверженіи Кирилла Лукариса. Согласившись съ Григоріемъ, епископомъ амасійскимъ, который считался православнымъ епископомъ, но былъ тайнымъ органомъ ихъ въ Константинополѣ, и съ двумя низложенными за разныя преступленія архіереями—ахридскимъ Митрофаномъ и серскимъ Іосифомъ, они поднесли Гуссейну 20,000 талеровъ и оклеветали Кирилла — какъ друга европейцевъ и измѣнника (ὡς φίλον τῶν εὐρωπαίων καὶ προδοτικόν). Визирь, безъ всякаго разслѣдованія дѣла, велѣлъ низложить Кирилла Лукариса—какъ измѣнника,—а на его мѣсто назна-

чилъ патріархомъ представленнаго іезуитами, упомянутаго Григорія амасійскаго.[1] Низверженіе Лукариса не обошлось безъ борьбы и волненій въ церкви константинопольской. Къ чести православныхъ, въ народѣ и клирѣ никто даже не хотѣлъ слышать о новомъ патріархѣ. Самъ Кириллъ Лукарисъ не устрашился открыто возстать съ своею паствою противъ похитителя патріаршаго престола, не смотря на угрозы сребролюбиваго Гуссейна: лишь только Григорій обнаружилъ свои замыслы, патріархъ Лукарисъ, при многочисленномъ собраніи народа и клира, въ присутсвіи нѣсколькихъ епископовъ, торжественно произнесъ отлученіе на него; а сильная одушевленная его рѣчь, сказанная имъ при этомъ случаѣ, еще болѣе возстановила православныхъ противъ несправедливо поставленнаго патріарха и его сообщниковъ, возмутившихъ спокойствіе церкви. Но какъ бы то ни было, только посвященіе Григорія въ патріарха константинопольскаго состоялось. Какъ свидѣтельствуетъ Захарія Маѳасъ, три мѣсяца онъ управлялъ константинопольскою церковію.[2] Но оставался еще въ Констан-

---

[1] Μελετίε, Εκκλ. ἱςορια, τ. III, σελ. 416. Gesch. des Protest., 124. Heineccii—Abbildung der alten und neuen Griech. Kirche—200. ч. I, гл. 3. Κατάλογος τῶν πατριάρχων—Μαθας, σελ. 190. „Хр. чт.“ 1862 г., май, 635. [2] См. выше поцитован. мѣста.

тинополѣ и Кириллъ Лукарисъ. Онъ не переставалъ оправдывать себя предъ турецкимъ правительствомъ. Но такъ какъ всѣ оправданія не имѣли силы предъ несправедливымъ и жестокимъ Гуссейномъ, то Лукарисъ обратился къ защитѣ и посредничеству иностранныхъ посланниковъ—англійскаго и голландскаго. Оба они, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ,[1] имѣли большое значеніе при дворѣ турецкомъ, и оба находились въ дружескихъ отношеніяхъ къ Кириллу Лукарису; а потому взялись ходатайствовать предъ Портою за Лукариса: они представили Портѣ всю незаконность ея поступка и крайнюю несправедливость ея въ отношеніи къ Лукарису. На этотъ разъ ходатайство иностранныхъ посланниковъ имѣло только ту силу, что Григорій амасійскій, какъ незаконно достигшій патріаршаго престола, былъ удаленъ изъ столицы въ заточеніе на островъ Родосъ.[2] Но не былъ возстановленъ и Лукарисъ. Іезуиты, подобно Кириллу Лукарису, для достиженія своихъ цѣлей, обратились къ французскому посланнику, находившемуся въ Константинополѣ при турецкомъ дворѣ,—графу де-Сези, ревностнѣйшему католику.

[1] См. т. I, „Странника" за 1870 г., стр. 35. [2] Тамъ же въ указан. мѣстахъ.

Посланникъ радъ былъ поддержать своихъ друзей для славы римской церкви. Они составили новый планъ для окончательнаго, по ихъ мнѣнію, низверженія Кирилла, который въ то же время, по словамъ Маѳаса, не переставалъ своими поученіями утверждать православныхъ въ отеческой вѣрѣ и выставлять на видъ тайныя цѣли папистовъ.[1] Въ апрѣлѣ 1623 года, іезуиты вмѣстѣ съ графомъ де-Сези сдѣлали новый доносъ турецкому правительству на Кирилла Лукариса: будто бы онъ имѣлъ тайныя сношенія съ великимъ герцогомъ тосканскимъ, и замышлялъ предать ему одинъ изъ острововъ архипелага. При всей своей нелѣпости, клевета придумана была довольно удачно: турки давно опасались тосканскаго герцога, войска котораго неразъ производили опустошенія на берегахъ Геллеспонта, и потому повѣрили клеветѣ. При этомъ іезуиты еще принесли Гуссейну 20,000 талеровъ, и онъ немедленно велѣлъ отправить Лукариса на островъ Родосъ, какъ государственнаго преступника.[2] Такъ совершилось первое заточеніе патріарха Кирилла Лукариса.

---

[1] Κατάλογος τῶν πατριάρχων — 192... „Хр. чт.“ 1862 г., май, 636. [2] У вышепоказ. историковъ и еще: Le Spectateur de l'Orient., p. 45.

На мѣсто низложеннаго патріарха Григорія амасійскаго возведенъ въ патріарха Аѳимъ 11-й, епископъ адріанопольскій. Наскучивъ долгимъ пребываніемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ главномъ городѣ своемъ Адріанополѣ, Аѳимъ усердно искалъ себѣ открытаго и обширнаго поприща. Какъ человѣкъ богатый и честолюбивый, онъ сильно желалъ занять престолъ въ Константинополѣ, гдѣ жизнь представлялась ему весьма привлекательною, — а санъ патріарха могъ представлять много пищи для мелкаго тщеславія.[1] При этомъ іезуиты имѣли къ нему тайный доступъ, и сильно подстрекали его самолюбіе, обѣщая ему съ своей стороны несомнѣнную поддержку и покровительство французскаго посланника. Слабодушный старецъ не могъ устоять противъ стольких искушеній и, по внушенію своихъ сообщниковъ, рѣшился заплатить правительству значительную сумму, — за что немедленно и былъ объявленъ патріархомъ. Православные греки должны были на время подчиниться Аѳиму, дабы избавиться отъ жестокихъ притѣсненій Гуссейна, оставшись беззащитными послѣ Лукариса. Приверженцы папы внѣ себя были отъ радости; они немедленно отправили въ Римъ

[1] Тамъ же, въ указанн. выше мѣстѣ.

нарочнаго вѣстника, чтобы увѣдомить папу о торжествѣ французскаго посланника и iезуитовъ надъ бѣдствующимъ православiемъ. Папа Убранъ VIII такъ былъ обрадованъ этимъ извѣстiемъ, что написалъ собственноручно благодарственное письмо къ графу де-Сези. Въ этомъ письмѣ онъ оплакиваетъ бѣдствiя востока, который, будучи колыбелью христiанства, теперь ослабѣваетъ подъ постыднымъ игомъ враговъ христiанства. Грецiя, восклицаетъ онъ, нѣкогда наставница истины, питается теперь разрушительными заблужденiями, и служитъ только корыстолюбiю и жестокости турокъ... Въ заключенiе письма папа обращается къ де-Сези и говоритъ: «дѣла твои—великiе подвиги, совершенные тобою въ Константинополѣ, привели въ восторгъ римскую церковь. Мы съ удовольствiемъ узнали о бѣдствiяхъ, постигшихъ того сына тьмы и бойца адскаго (Кирилла Лукариса), и объ ударѣ, нанесенномъ ереси, когда ты постарался сдѣлать представителемъ константинопольской церкви почтеннаго отца Анѳима. Мы увѣрены, что до тѣхъ поръ, пока ты находишься на востокѣ, церковь римская будетъ имѣть тамъ усерднаго защитника».[1]

---

[1] Codinus, de Officiis magnae Eccl. Const. Curiae, p. 421; Geschichte des Protest. in der Orient. Kirche, 124.

Но при торжествѣ латинянъ плакала константинопольская церковь объ изгнанномъ и любимомъ своемъ патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ. Скорбь православныхъ грековъ была тѣмъ чувствительнѣе, что всѣ они хорошо знали и невинность патріарха и происки іезуитовъ. Они рѣшились не измѣнять ему въ вѣрности. Когда предложено было избрать на его мѣсто новаго патріарха — Аноима, народъ и клиръ отказывались исполнить это предложеніе. «У насъ есть», говорили они, «законный архипастырь; зачѣмъ намъ избирать другаго? Кириллъ Лукарисъ въ изгнаніи, — возвратите его намъ.» При такихъ волненіяхъ, патріархъ Аноимъ, не смотря на поддержку іезуитовъ и на свое тщеславное честолюбіе, призвавшее его на патріаршій престолъ, самъ сознавалъ, что не приходится ему оставаться на патріаршемъ престолѣ, что онъ служитъ причиною великихъ волненій и бѣдственнаго положенія церкви, а потому, насмотрѣвшись въ продолженіе 50 дней своего патріаршества на плачевное положеніе церковныхъ дѣлъ, — онъ добровольно рѣшился оставить патріаршую каѳедру.[1] Но лишь только узналъ объ этомъ французскій

[1] Κατάλογος τῶν πατριάρχ... „Христ. чт." 1862 года, май, 663.

посланникъ, — немедленно пригласилъ къ себѣ Анѳима, и началъ сильно упрекать его въ робости и малодушіи, стараясь подѣйствовать на него то ласками, то угрозами. Анѳимъ ободрился; но обстоятельства вдругъ перемѣнились: покровитель Анѳима, другъ іезуитовъ и врагъ Кирилла Лукариса, великій визирь Гуссейнъ былъ отставленъ отъ должности. Къ этому присоединилось еще то, что о заточеніи Кирилла узналъ англійскій король Іаковъ I-й. Преданный до страсти богословскимъ ученымъ занятіямъ, Іаковъ I-й обращался къ Кириллу Лукарису за разными древними рукописями, находившимися на востокѣ, уважалъ Кирилла за его обширныя познанія, и высоко цѣнилъ его характеръ и нерасположеніе къ латинянамъ, — ко всему этому король былъ крайне взволнованъ бѣдственнымъ положеніемъ Кирилла, и сейчасъ же далъ предписаніе своему посланнику Томасу Ру (Roue), находившемуся при турецкомъ дворѣ, чтобъ онъ, отъ его имени, ходатайствовалъ о возвращеніи Кирилла Лукариса. Томасъ явился къ пашѣ и заявилъ ему желаніе англійскаго короля, обѣщая при этомъ, въ случаѣ неисполненія его желанія, прервать всѣ сношенія англійскаго двора съ турецкимъ. Паша испугался и далъ приказаніе — возвратить

Кирилла Лукариса. Видя такую перемѣну обстоятельствъ, Анѳимъ, объятый страхомъ, ночью отправился къ Кириллу испросить себѣ прощеніе. Святитель братски простилъ его. Анѳимъ удалился послѣ того на аѳонскую гору, гдѣ провелъ остатокъ дней своихъ въ молитвенномъ уединеніи въ монастырѣ св. Аѳанасія,—а Кириллъ Лукарисъ вторично былъ объявленъ константинопольскимъ патріархомъ — въ сентябрѣ 1624 года.[1] Нельзя не замѣтить о той радости, съ какою встрѣченъ былъ возвращавшійся изъ заточенія любимый патріархъ православными жителями Константинополя. Народъ, вышедшій къ патріарху на встрѣчу, день и ночь толпился въ Галатѣ — предмѣстіи столицы, гдѣ остановился на время ревнитель православія, низложенный іезуитами. Всѣ желали видѣть его и получить отъ него благословеніе. Самъ Анѳимъ прибылъ сюда раскаяться предъ нимъ въ своемъ поступкѣ, и испросить у него прощеніе.[2]

Второй періодъ патріаршества Кирилла Лукариса въ Константинополѣ продолжался болѣе 8 лѣтъ лѣтъ (1624 — 1632), и наполненъ многосложною

---

[1] Heineccii—201. Pichler—Gesch. des Protest.—125. „Христ. чт.“ 1862 г., май, стр. 663. [2] У Гейнекція и Пихлера въ указ. м. Codinus de Officiis—421 и др.

и полезною его дѣятельностію для церкви константинопольской и отчасти русской.

Преслѣдуя свою завѣтную цѣль — сколько нибудь улучшить состояніе константинопольской церкви, — Кириллъ Лукарисъ въ то же время сознавалъ, что сама церковь не имѣетъ силъ и средствъ улучшить свое состояніе: всеобщая бѣдность, разрушеніе церквей, запустѣніе монастырей, повсемѣстные залоги и долги — составляли ея достояніе; а потому она нуждалась въ сторонней помощи. Къ ней-то и обратился Кириллъ Лукарисъ.

Русская церковь, какъ дщерь церкви константинопольской, всегда находилась въ почтительномъ къ ней отношеніи. Когда же постигали бѣдствія церковь восточную, — она всегда сочувственно относилась къ ея положенію, и чѣмъ могла, — помогала ей. При Кириллѣ Лукарисѣ не только не прекратились сношенія Россіи съ восточною церковію, — но еще болѣе увеличились, нежели при другихъ патріархахъ. Авторъ книги «Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ» замѣчаетъ, «что никто изъ патріарховъ вселенскихъ, болѣе Кирилла, не писалъ грамотъ въ Россію, съ различными духовными особами, ее посѣщавшими, или просительныхъ, или поручавшихъ благосклон-

ности царской самихъ просителей, ибо онъ пользовался каждымъ случаемъ труднаго тогда сообщенія съ Россіею.»[1] Большая часть грамотъ Лукариса, присланныхъ въ Россію,—одинаковы. Почти всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ прошенія о милостынѣ — или вообще для цевкви восточной, или въ особенности для какого-нибудь монастыря и церкви, или же наконецъ для какого-нибудь частнаго лица, подпавшаго несчастнымъ обстоятельствамъ; поэтому, нѣтъ нужды приводить ихъ здѣсь.[2]

Сношенія Лукариса съ Россіею были не безуспѣшны: каждый разъ его послы отправлялись изъ Россіи съ богатою милостынею. Царь Михаилъ Θеодоровичь и патріархъ россійскій Филаретъ дарили пословъ Лукариса золотыми и серебряными вещами — кубками, камками и объярями, соболями, куницами, бархатомъ и деньгами.[3] Какъ видно изъ жалованныхъ грамотъ царя,—эта была постоянная тогдашняя милостыня, даваемая, впрочемъ, не въ одинаковомъ количествѣ, а смотря по тѣмъ или другимъ нуждамъ восточной церкви. Но

---

[1] Ч. 2, стр. 20—21. [2] Сношен. востока съ Россією, въ указ. м.,—35—138. [3] Сношенія востока съ Россіею, ч. 2, стр. 42, 44, 48, 49, 76 и мн. др.

недаромъ изъ Россіи отсылалась на востокъ богатая милостыня, — за это русская церковь получала оттуда драгоцѣнную святыню въ разныхъ ея видахъ. При патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ мы постоянно видимъ, что восточные послы или отъ имени его, или по его распоряженію, отъ имени своихъ церквей и монастырей, приносили въ Россію св. мощи, дорогія иконы, кресты, богослужебныя книги и другія достопримѣчательности востока. Въ 1625 году хиландарская братія на Аѳонѣ, въ благодарность за богатую милостыню, прислала царю икону Спаса съ частицею мощей св. Іоанна Златоустаго въ серебряномъ ковчегѣ.[1] Селунскій епископъ Макарій принесъ въ даръ царю московскому икону Спасителя — греческаго письма, мощи св. Іоанна Златоустаго и царя Константина и муро великомученика Димитрія селунскаго.[2] Въ 1627 году Кириллъ Лукарисъ, ходатайствуя о Преображенскомъ монастырѣ — въ городѣ Лариссѣ предъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, велѣлъ послать царю, вмѣсто благословенія, части отъ руки Іоанна Крестителя.[3] Въ 1632 году архимандритъ Амфилохій, посланный патріархомъ Кирилломъ съ граматами,

---

[1] Тамъ же, стр. 41. [2] Сношенія востока съ Россіею, ч. 2, 42. [3] Тамъ же—45.

принесъ царю святое муро и мощи священному-ченика Кипріана; а архимандритъ патріаршаго монастыря — въ греческой Алеплейской области — образъ Богородицы съ затворами, рѣзанными на серебрѣ и патріарху Филарету — рѣзной крестъ съ двѣнадцатью праздниками. За все это Амфилохій получилъ отъ государя камку, сорокъ соболей и сорокъ рублей денегъ, — отъ патріарха столько же мѣхами, но низшаго достоинства, и деньгами двадцать пять рублей; а Даніилъ получилъ отъ царя камку, сорокъ соболей и двѣнадцать рублей деньгами.[1] Такимъ образомъ въ сношеніяхъ Кирилла Лукариса съ Россіею заключалась существенная польза и для угнетенной и бѣдствующей церкви константинопольской и для церкви русской.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одной важной заслугѣ Кирилла Лукариса по отношенію къ свято-русской церкви и въ частности къ Кіево-печерской лаврѣ. Какъ извѣстно, въ давнее время, Кіевопечерская лавра была ставропигіею константинопольскаго патріарха. Поэтому праву константинопольскій патріахъ утверждалъ и благословлялъ настоятелей лавры, избранныхъ лаврскою братіею. Въ 1626 году, по смерти архимандрита Захаріи,

[1] Тамъ же—140.

Кіево-печерская лавра осталась безъ настоятеля. Въ это время былъ іеремонахомъ въ лаврѣ знаменитый Петръ Могила, поступившій въ эту обитель не болѣе, какъ за два года предъ смертію Захаріи, и имѣвшій отъ роду не болѣе 30 лѣтъ. Петръ Могила въ эти два года успѣлъ заявить себя предъ лаврскою братіею — какъ человѣкъ ученый и строго-нравственной жизни. По этому самому, когда братія приступила къ избранію новаго настоятеля, то нашлись голоса въ пользу Петра Могилы; но эти голоса были меньшинства братіи — людей болѣе или менѣе ученыхъ; остальная братія не соглашалась избрать Могилу настоятелемъ — какъ человѣка молодаго и неопытнаго. Голоса раздѣлились такимъ образомъ на двѣ партіи, и дѣло объ избраніи новаго настоятеля послала братія на судъ константинопольскаго патріарха; а константинопольскимъ патріархомъ въ это время былъ Кириллъ Лукарисъ. Этотъ знаменитый патріархъ зналъ Петра Могилу съ юныхъ лѣтъ, видалъ его, когда былъ ректоромъ въ острожскомъ училищѣ и послѣ того, когда, въ другой разъ, былъ въ юго-западномъ русскомъ краѣ; зналъ великія дарованія и ученость этого человѣка. А потому теперь, сознавая то, какую пользу можетъ принесть этотъ че-

ловѣкъ южной Россіи, страдавшей отъ папизма и недостатка образованія, съ радостію сталъ на сторону лаврской ученой братіи и утвердилъ настоятелемъ Кіево-печерской лавры молодаго Петра Могилу съ цѣлію выдвинуть этого замѣчательнаго человѣка на обширное поприще церковной дѣятельности.[1] И исторія оправдала избраніе Лукариса. Черезъ два года (1628 года) послѣ того, по свидѣтельству Іова Борецкаго, патріархъ Кириллъ Лукарисъ за неутомимую дѣятельность на пользу русской церкви даровалъ Петру Могилѣ титулъ экзарха константинопольскаго патріаршаго престола. А чрезъ семь лѣтъ послѣ избранія его въ настоятеля Кіево-печерской лавры сама же южнорусская церковь избрала Петра Могилу митрополитомъ кіевскимъ (1633 года). Патріархъ Кириллъ Лукарисъ съ радостію изъявилъ свое согласіе и благословеніе на это избраніе, и прислалъ новому митрополиту священныя ризы. Въ дипломѣ, данномъ Петру Могилѣ отъ польско-литовскаго короля, которымъ утверждались права, дарованныя православнымъ митрополитамъ, говорится, что Петръ Могила не только избранъ на митрополію, но и рукоположенъ въ митрополита патріархомъ

---

[1] Описаніе кіево-печерской лавры, стр. 116.

константинопольскимъ Кирилломъ,[1] но это не вѣрно; потому что Лукарисъ въ санѣ патріарха не былъ въ Россіи, а Могила для своего посвященія въ митрополита не путешествовалъ въ Константинополь. Но какъ бы то ни было, только южная русская церковь обязана Кириллу Лукарису тѣмъ, что имѣла у себя такое великое свѣтило — каковъ былъ митрополитъ Петръ Могила.

Вмѣстѣ съ Петромъ Могилою, патріархъ Кириллъ Лукарисъ содѣйствовалъ распространенію образованія на южной Руси; поощрялъ къ тому Петра Могилу своими благословеніями. Желая учредить разсадникъ поборниковъ православія въ Кіевѣ, Петръ Могила позаботился приготовить хорошихъ наставниковъ для своего училища. Для сего онъ отправилъ на свой счетъ способныхъ иноковъ въ разныя заграничныя академіи, — и нѣкоторыхъ взялъ изъ львовскаго православнаго братства. На все это предварительно испросилъ благословеніе и совѣтъ у вселенскаго патріарха Лукариса, вмѣстѣ и у управлявшаго тогда митрополіею кіевскою Исаіи Копыстенскаго.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ патріархъ Кириллъ Лукарисъ въ предѣлахъ своей церкви во

[1] Исторія унія, т. 2, стр. 102.

время второго періода своего патріаршества въ Константинополѣ.

Все время патріаршества Кирилла Лукариса въ Константинополѣ можно назвать исторіею его борьбы съ іезуитами. Но въ этотъ періодъ онъ занятъ былъ особенно упорною, продолжительною и небезуспѣшною борьбою съ іезуитами,— и, насколько позволяли силы и средства, старался возвысить образованіе своихъ пасомыхъ.

Непріятно было для поклонниковъ папы возвращеніе изъ заточенія Кирилла Лукариса и возведеніе его вторично на патріаршій престолъ; но, волею или неволею, они должны были на время смириться, выжидать новаго удобнаго случая — возстать съ новою силою противъ ревнителя православія. Между тѣмъ, патріархъ Кириллъ Лукарисъ ревностно занялся благоустройствомъ церкви. Съ истинно отеческою любовію онъ умолялъ своихъ пасомыхъ остерегаться отъ претковеній въ вѣрѣ и — не имѣть общенія съ еретиками. Сильное слово его почти не умолкало; Кириллъ не переставалъ своими наставленіями утверждать православныхъ въ отеческомъ благочестіи и разоблачать тайные замыслы іезуитовъ.[1] Но такой образъ дѣй-

[1] Κατάλογος των πατριάρχ.— Μάθας, „Христ. чтен." 1862 года, май, 636.

ствованія православнаго патріарха крайне не нравился іезуитамъ,—и они стали помышлять о низверженіи ненавистнаго имъ патріарха. Но, не имѣя еще сильной опоры при турецкомъ дворѣ, кромѣ извѣстнаго намъ французскаго посланника,—они боялись преждевременно открыть свои коварные замыслы противъ Кирилла, и рѣшились дѣйствовать—какъ можно осторожнѣе. Папскій дворъ и римская пропаганда усердно помогали своимъ приверженцамъ: въ іюнѣ 1625 года изъ Рима прибылъ въ Константинополь греческій архимандритъ, измѣнившій православной вѣрѣ, съ тайнымъ порученіемъ отъ пропаганды; въ поощреніе къ дѣятельности іезуитамъ прислано было чрезъ него благословеніе папы и огромная сумма денегъ для ихъ нуждъ и для подкупленія Порты къ низложенію Лукариса,—а французскому посланнику объявлено было чрезъ того же отступника православія, что папа готовъ прислать 20,000 талеровъ въ казну дивана и сдѣлать при этомъ подарокъ французскому двору въ 10,000 талеровъ, если Кириллъ будетъ опять удаленъ.[1] Но нельзя было этого вдругъ сдѣлать, когда главный сотрудникъ іезуитовъ корыстолюбивый Гуссейнъ былъ лишенъ

[1] Gesch. des Protest. in der Orient. Kirche, стр. 125.

должности, и когда за Кирилла сильно стояли при дворѣ посланники голландскій, англійскій и др. Но вотъ несчастныя политическія обстоятельства Турціи представили іезуитамъ удобный случай исполнить свои намѣренія.

Когда свергали съ престола безхарактернаго Мустафу,—турецкимъ султаномъ сдѣлался Мурадъ IV, одиннадцатилѣтній юноша. Дѣло правленія имперіею находилось въ рукахъ матери его и вельможъ; безпорядки страшные происходили въ государствѣ,——а потому не оставили въ покоѣ турецкую имперію и сосѣди—персы, казаки и др. [1] Отважные казаки приплыли на судахъ къ Босфору, опустошили берега, выжгли нѣсколько селеній въ окрестностяхъ самой столицы, и турки были объяты страхомъ при видѣ непріятеля столь грознаго и неожиданнаго. Пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, іезуиты спѣшили оклеветать Кирилла Лукариса въ этой бѣдѣ.[2] Чрезъ французскаго посланника, своего приверженца, они внушили правительству, что полчища казаковъ, угрожавшихъ столицѣ, исповѣдуютъ греческую вѣру, что патріархъ—глава православнаго народа, неразъ посѣ-

---

[1] Gesch. des Protest.—112. [2] Тамъ же и Le Spect. de l'Orient livr. L, p. 48—49.

щалъ ихъ земли (вѣроятно, этимъ клеветники указывали на пребываніе Кирилла Лукариса въ юго-западной Россіи, въ Молдавіи и Валахіи), и имѣлъ тайныя сношенія съ ихъ предводителями; что если они осмѣлились теперь явиться въ виду самаго Константинополя,—то это сдѣлали съ тою цѣлію, чтобы возмутить грековъ и побудить ихъ къ возстанію,—о чемъ будто бы помышлялъ Лукарисъ. Клевета очень правдоподобная!.. Не трудно предположить, что она произвела сильное впечатлѣніе на раздражительныхъ турокъ. Великій визирь готовъ былъ уже повѣрить клеветѣ іезуитовъ и излить свой гнѣвъ на невиннаго патріарха; но къ счастію его — казаки отступили, а въ Константинополѣ никто и не думалъ объ измѣнѣ и возмущеніи. Вслѣдъ затѣмъ Кириллъ Лукарисъ для спокойствія церкви поспѣшилъ оправдать себя предъ правительствомъ, и вполнѣ достигъ этого при помощи своихъ защитниковъ — посланниковъ англійскаго и голландскаго. Клевета открылась,—іезуиты были постыжены.[1]

Оставшись на патріаршемъ престолѣ, Кириллъ Лукарисъ остался въ то же время твердъ и непреклоненъ въ своихъ благихъ намѣреніяхъ и дѣй-

[1] Le Spect. de l'Orient., въ указ. м.

ствіяхъ на пользу церкви: никакія силы не могли охладить его къ защитѣ православія. Ударъ за ударомъ, клевета за клеветой поражали его,—но онъ, никогда не измѣнявшій себѣ, какъ будто не обращалъ на то никакого вниманія, и только въ минуты явной опасности рѣшался искать защиты у преданныхъ ему иноземныхъ властителей. Православный народъ и клиръ константинопольской церкви, видя мудрыя распоряженія и дѣятельность своего архипастыря,—все больше и больше убѣждались въ томъ, что одинъ онъ, по своей опытности и твердости, могъ противиться врагамъ православія и облегчить хоть нѣсколько бѣдствія своихъ пасомыхъ. А по мѣрѣ того, какъ утверждалась въ народѣ эта увѣренность, все больше и больше возрастала въ немъ нелицемѣрная любовь и приверженность къ достойному патріарху. Слова патріарха считались священными; іезуиты потеряли всякое значеніе въ глазахъ православныхъ грековъ; на нихъ стали смотрѣть—какъ на заразу,[1] и отталкивали ихъ отъ себя, когда они являлись къ грекамъ съ своими услугами.

Невыносимо было положеніе іезуитовъ: не смотря на всѣ старанія, имъ не удалось въ дру-

[1] Geschichte des Protest. in Orient. Kirche, 135.

гой разъ низложить Кирилла Лукариса съ престола; мало того,—его сила и любовь къ нему въ народѣ болѣе и болѣе возрастала,—а вліяніе ихъ падало окончательно. Что же оставалось дѣлать имъ?... Они нашлись. Не желая остаться побѣжденными, ученики Лойолы рѣшились употребить другой способъ дѣйствованія: они задумали расположить къ себѣ Кирилла Лукариса, надѣясь чрезъ то оттолкнуть отъ него посланниковъ протестантскихъ державъ, главныхъ его помощниковъ, и склонить къ союзу съ Римомъ. Для этой цѣли іезуиты прикинулись друзьями и доброжелателями Лукариса; забыли о неприязни къ нимъ Кирилла и о своихъ безчестныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ нему, и—приступили къ дѣлу, конечно, послѣ предварительныхъ совѣтовъ съ Римомъ.

Въ концѣ 1625 года, или началѣ 1626 года, прибылъ въ Константинополь навплійскій грекъ Конахій Росси (Conachius-Rossi) ренегатъ, получившій образованіе въ Римѣ въ греческой коллегіи, подъ руководствомъ іезуитовъ,—съ письмомъ отъ кардинала Брандини (Brandini) къ патріарху Кириллу Лукарису и съ подробнымъ наставленіемъ о томъ, какъ расположить патріарха въ пользу

римской церкви.[1] «Римская церковь», писалъ кардиналъ, «всегда желала мира и тѣснаго общенія съ восточною церковію... Не только въ прежнее время, но и недавно еще, во дни патріарха Іереміи, Римъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ, для достиженія столь вожделѣннаго союза. Съ этою цѣлію въ Римѣ основанъ коллегіумъ для молодыхъ грековъ, который заботливо поддерживается и доселѣ,—чтобы этотъ благородный и умный народъ снова достигъ цвѣтущаго состоянія на поприщѣ наукъ и благочестія, какъ было нѣкогда, во дни его минувшей славы.» Въ дальнѣйшихъ строкахъ этого письма кардиналъ изложилъ причины, вслѣдствіе которыхъ, будто бы, Римъ питалъ до сихъ поръ непримиримую вражду къ Кириллу Лукарису. Причины эти заключаются въ томъ, что разнесся слухъ въ Римѣ, будто патріархъ константинопольскій тайно раздѣлялъ заблужденія лютеранъ и кальвинистовъ; будто бы онъ отправлялъ въ Англію молодыхъ греческихъ священниковъ — съ тѣмъ, чтобъ они, заразившись тамъ протестантскимъ ученіемъ, легко могли распространять оное по востоку; будто бы онъ находился въ самыхъ

[1] Chronicon Philip Cypr., p. 450—451. Geschichte des Protest., 125

дружескихъ сношеніяхъ съ протестантскими посланниками въ Константинополѣ. «Впрочемъ»,— прибавляетъ Брандини отъ лица папы,— «его святѣйшество льститъ себя надеждою, что всѣ эти извѣстія ложны. О, если бы патріархъ благоволилъ прислать въ Римъ свое исповѣданіе вѣры, еслибы онъ призналъ соборъ Флорентійскій и предалъ осужденію заблужденія протестантовъ,—то ясно показалъ бы этимъ, что онъ былъ оклеветанъ. Въ такомъ случаѣ римскій дворъ смѣло поручится ему за покровительство императора (австрійскаго) и христіаннѣйшаго короля (французскаго); въ такомъ случаѣ онъ готовъ будетъ прислать ему сколько денегъ на непредвидѣнныя нужды, и радъ будетъ признать всѣ восточныя церкви зависимыми отъ константинопольскаго патріарха.»[1] Съ такимъ увлекательнымъ искусствомъ и лестными обѣщаніями написано было письмо кардинала къ Лукарису. Кажется, въ этомъ письмѣ заключалось все, что могло бы дѣйствовать на душу человѣка гордаго и властолюбиваго. Римскій дворъ признавалъ константинопольскаго патріарха первымъ лицемъ послѣ папы, обѣщалъ ему сильную помощь и всег-

[1] Geschichte des Protest., стр. 125—127; подлинное письмо у Аймона in der narratione historica turborum, jesuitarum, p. 211.

дашнее покровительство, представлялъ ему въ полное распоряженіе всѣ страны христіанскаго востока, и даже льстилъ ему надеждою на возстановленіе Греціи. Сколько почестей и выгодъ!... Но всѣ эти замыслы, не смотря на свою заманчивость, силу и коварство, рушились мгновенно предъ несокрушимою твердостію и неподдѣльною честностію Кирилла Лукариса. Съ совершеннымъ спокойствіемъ и пастырскою предусмотрительностію онъ прочелъ письмо и выслушалъ предложенія, сдѣланныя изъ Рима. Сначала Лукарисъ думалъ было отвѣчать папѣ письмомъ, съ цѣлію — доказать ему, что въ Римѣ ложные слухи носятся о томъ, что онъ заразился протестантскимъ ученіемъ; но дабы чрезъ то не подать повода къ дальнѣйшимъ сношеніямъ съ навязчивымъ Римомъ, — онъ отвергъ предложенія кардинала и не далъ ему никакого отвѣта, показавъ этимъ самымъ, что онъ не требуетъ защиты отъ злѣйшихъ враговъ православія. [1] Итакъ, іезуитамъ не удалось видѣть патріарха на своей сторонѣ. Но они этого и ожидали; а потому, вмѣстѣ съ стараніемъ — привлечь Лукариса на свою сторону, на случай неудачи, написты предпринимали уже другія мѣры — къ низверженію.

[1] Geschichte des Protest., 127.

Вмѣстѣ съ грекомъ Росси, который принесъ патріарху письмо отъ кардинала Брандини, прибыли изъ Рима два іезуита,—оба съ тайнымъ порученіемъ отъ пропаганды.[1] Одинъ по имени Бериллъ (Berillus) долженъ былъ стараться внушить турецкому правительству, что Кириллъ Лукарисъ находится въ сношеніи съ казаками, ведетъ съ ними переписку и замышляетъ заговоръ противъ султана; другой привезъ будто бы какія-то предложенія отъ испанскаго правительства,—на самомъ же дѣлѣ имѣлъ лишь намѣреніе вовлечь патріарха въ тайный союзъ съ испанскимъ дворомъ, и потомъ обвинить его предъ султаномъ въ оскорбленіи его величества. Но оба эти покушенія не имѣли успѣха, потому что патріархъ былъ слишкомъ остороженъ, и не только не довѣрялъ іезуитамъ, но даже противодѣйствовалъ ихъ замысламъ, и чрезъ англійскаго и голландскаго пословъ давалъ знать о ихъ безчестныхъ поступкахъ турецкому правительству. Раздраженные этою неудачею, іезуиты употребили новыя усилія для низверженія непобѣдимаго патріарха: они постарались вооружить противъ него епископовъ, недовольныхъ его пастырскою строгостію и склонявшихся къ папиз-

[1] Chronicon Phil Cypr., p 450—451.

му.[1] Іезуиты при этомъ сыпали золото щедрою рукою, какъ самымъ подговореннымъ епископамъ, такъ и правительству, дабы оно не противилось низложенію Кирилла. Дѣло завелось страшное и опасное: недовольные епископы собрались въ Константинополь съ цѣлію низложить патріарха: народъ и клиръ возсталъ противъ нарушителей порядка. Произошли сильныя волненія; Лукарису угрожала смерть,—и онъ счелъ весьма полезнымъ удалиться на время изъ Константинополя, поручивъ защищать себя преданнымъ ему посланникамъ. Его отсутствіе противники приняли за благопріятный случай занять его мѣсто другимъ лицемъ — своимъ приверженцемъ. Поднесши турецкому дивану 20,000 талеровъ, они получили на то позволеніе, и представили возможность занять патріаршій престолъ Исааку, епископу халкидонскому.[2] Православные не хотѣли признать Исаака патріархомъ; при помощи англійскаго и голландскаго посланниковъ, они собрали такую же сумму денегъ и принесли ее къ великому визирю, прося возвратить Кирилла и устранить опасность со стороны возмутителей. Правительство сначала колеба-

[1] Μελετιυ, Εκκλέσ. ἱςορια., τ. III. σελ. 447; Aymon. Monum authent. p 214. [2] Geschichte des Protest —Pichler, 127.

лось,— потомъ, когда посланники начали настоятельно требовать возвращенія Кирилла,— оно рѣшилось выслать изъ Константинополя безпокойныхъ епископовъ, въ томъ числѣ и Исаака. Послѣдній прогнанъ былъ въ Валахію.

По прекращеніи мятежа, Кириллъ Лукарисъ возвратился въ Константинополь и сдѣлался еще сильнѣе прежняго.[1] Обезопашенный со стороны турецкаго правильства, онъ началъ съ новою ревностію поучать пасомыхъ и принимать мѣры противъ злоупотребленій духовенства. Нѣсколько епископовъ, частію виновныхъ въ святокупствѣ, частію замѣченныхъ въ потворствѣ іезуитамъ, лишены были каѳедръ.[2] Это подало новый поводъ іезуитамъ злоумышлять противъ Кирилла Лукариса.

Въ Римѣ издавна было обыкновеніе поставлять епископовъ не для какой-нибудь опредѣленной церкви, а безъ всякой нужды, для одной торжественности, почему и давали имъ нерѣдко титулъ епископовъ тѣхъ странъ, которыя вовсе не признавали надъ собою верховной власти римскаго первосвященника. Этимъ-то обыкновеніемъ римскимъ,

[1] Le Spect. de l'Orient, livr. L , p. 52. [2] Hottingeri analecta historico—theolog., p. 558.

котораго никогда не знала православная церковь, рѣшились воспользоваться противъ Кирилла Лукариса.[1] По мысли іезуитовъ, съ благословенія папы, назначено было послать на востокъ латинскихъ епископовъ. Всѣ они получали названія Смирны, Наксоса и др. городовъ и острововъ архипелага. Но главнымъ между ними былъ одинъ епископъ, котораго называли апостольскимъ суфраганомъ (apostolicus suffraganus), и который долженъ былъ имѣть свое мѣстопребываніе въ самомъ Константинополѣ. Суфрагану даны были огромныя средства и полномочіе изъ Рима; онъ долженъ былъ находиться подъ ближайшимъ покровительствомъ французскаго посланника и, пользуясь его защитою, ревностно обращать православныхъ въ латинство и особенно стараться о низложеніи Кирилла, по словамъ папы, сына тьмы, а по словамъ всѣхъ латинянъ друга протестантовъ. Тяжкія искушенія предстояли Кириллу и его паствѣ, тѣмъ болѣе, что теперь были на сторонѣ латинянъ православные епископы, лишенные каѳедръ Лукарисомъ, и др. греки, недовольные его строгостію. Но Промыслъ хранилъ и патріарха и паству.

[1] Heineccii Abbilldung der Griesh Kirche. Th. I, S. 202.

Въ декабрѣ 1626 года апостольскій суфраганъ прибылъ на островъ Наксосъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, и встрѣченъ былъ здѣсь двумя іезуитами, нарочно присланными отъ французскаго посланника, чтобы поздравить его съ пріѣздомъ. [1] Но суфраганъ скоро показалъ, что онъ вовсе не заслуживалъ оказываемыхъ ему почестей. Поведеніе его было столько надменно, притязанія его были столь велики, что онъ не замедлилъ вооружить противъ себя даже своихъ приверженцевъ. По прибытіи на островъ Сціо, онъ далъ необузданную волю своему корыстолюбію и самовластію. Даже ревностные паписты трепетали предъ нимъ, а латинскіе миссіонеры на востокѣ отказывались исполнять его требованія, и питали къ нему явное нерасположеніе. О православныхъ нечего и говорить; они даже. по указанію Кирилла Лукариса, рѣшились просить турецкое правительство, чтобы оно избавило ихъ отъ нашествія латинянъ. Просьбы подкрѣплены были подаркомъ. Въ то же время посланники англійскій и голландскій поспѣшили внушить турецкому правительству, что оно поступитъ весьма неосторожно, если станетъ терпѣть въ государствѣ столь опасныхъ возмутителей. Поэтому,

[1] Pichler. Geschichte des Protest., 127.

не смотря на всю досаду французскаго посланника, дано было приказаніе немедленно схватить западныхъ пришельцевъ. Суфраганъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, но нѣкоторые изъ его сообщниковъ были взяты подъ стражу.[1] Такъ неудачно кончилось и это покушеніе учениковъ Лойолы на благосостояніе и миръ церкви константинопольской и на ея патріарха Кирилла Лукариса. Суфрагану даже не пришлось достигнуть мѣста своего назначенія— Константинополя.[2] Слѣдующій поводъ въ борьбѣ съ патріархомъ латиняне нашли въ устройствѣ Кирилломъ Лукарисомъ типографіи въ Константинополѣ.

Ревностный пастырь, ведя непрерывную борьбу съ іезуитами, заботился въ то же время и о томъ, чтобы сколько нибудь возвысить образованіе своего народа и пробудить любовь къ просвѣщенію въ своемъ духовенствѣ. Но для этого недоставало книгъ, даже необходимѣйшихъ — православныхъ руководствъ для изученія правилъ вѣры. Іезуиты давно подмѣтили этотъ недостатокъ, и щедрою рукою, безъ всякой платы, раздавали православнымъ свои еретическія книги.[3] Патріархъ понималъ, ка-

---

[1] Μελετίου, Ἐκκλ. ἱστορ., τ. III, σελ. 417. [2] Gesch. des Protest., 127. [3] Εὐαγγελ. Σάλπιγξ., τ. I, σελ. 146.

кое великое зло происходитъ отъ этого, и первый рѣшился завести свою типографію, чтобы въ ней печатать, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, нужныя книги, и распространить ихъ между своими пасомыми. Въ іюнѣ 1627 года, по приглашенію Кирилла Лукариса, прибылъ изъ Лондона въ Константинополь ученый грекъ Николай Метакса (получившій образованіе вмѣстѣ съ Лукарисомъ), родомъ изъ Корциры, и привезъ съ собою вполнѣ устроенную типографію. Но безъ позволенія правительства нельзя было открыть типографію. Поэтому, не теряя времени, Кириллъ Лукарисъ обратился съ просьбою о посредничествѣ къ англійскому посланнику сэру Томасу-Ру, который сначала не рѣшался вмѣшиваться въ это дѣло, слишкомъ щекотливое и трудное; но потомъ, склонившись на убѣжденія Кирилла Лукариса и патріарха александрійскаго Герасима, который въ это время былъ въ Константинополѣ, исходотайствовалъ у великаго визиря разрѣшеніе. Вслѣдъ за разрѣшеніемъ, типографія была открыта, и усердный Метакса ревностно занялся книгопечатаніемъ.[1] Въ самое короткое время, по указанію Кирилла Лукариса, напечатаны были полемическія сочиненія

[1] Geschichte des Protest., Pichler—128.

Геннадія Схоларія, Максима Маргунія и Мелетія Пиги, направленныя противъ латинянъ; издано было нѣсколько поученій самого Кирилла, говоренныхъ имъ съ церковной каѳедры, и отдѣльныхъ трактатовъ о греческой вѣрѣ противъ іудеевъ и противъ магометанъ.[1] Всѣ эти книги или безплатно, или за дешевую цѣну раздавались народу, который съ восторгомъ читалъ ихъ и слушалъ наставленія своихъ благочестивыхъ архипастырей. Такимъ образомъ, дѣло печатанія книгъ пошло хорошо, успѣшно и благотворно для невольно коснѣвшихъ въ невѣжествѣ грековъ. Но въ этомъ же самомъ благотворномъ и полезномъ учрежденіи патріарха Лукариса іезуиты нашли обильный источникъ къ борьбѣ съ ревностнымъ патріархомъ и со всею его церковію.

Желая воспрепятствовать занятіямъ Метаксы въ типографіи, іезуиты прежде всего хотѣли склонить на свою сторону этого ученаго и полезнаго грека: они дружески пригласили его въ свой монастырь, увѣщавали его остаться съ ними, предлагали ему деньги; но все это нисколько не подѣйствовало на Метаксу,— и они прибѣгли къ клеветамъ на него: начали провозглашать его ерети-

[1] Тамъ же.

комъ-лютераниномъ; обвиняли его въ тайныхъ сношеніяхъ съ протестантами и въ замыслѣ противъ правительства.[1] Метакса оставался пока непоколебимымъ, и продолжалъ свое дѣло. Ярость іезуитовъ возрастала все больше и больше; наконецъ они рѣшились посягнуть на жизнь его — рѣшились или задушить его въ постелѣ въ его домѣ, или же убить его на дорогѣ, —[2] такъ что невинный типографщикъ долженъ былъ искать себѣ убѣжища въ домѣ англійскаго посланника: Томасъ Ру отвелъ ему въ своемъ домѣ комнату. Но самое покровительство англійскаго посланника служило новымъ поводомъ іезуитамъ для ихъ клеветъ не на Метаксу только, но и на патріарха: они донесли великому визирю, что Кириллъ Лукарисъ, находясь въ Англіи, напечаталъ сочиненіе противъ ученія Магомета, и что онъ намѣренъ издать его снова въ типографіи Метаксы, чтобы раздать грекамъ и произвесть между ними общее возстаніе противъ турецкаго правительства. Они достали книжку патріарха, въ которой онъ защищалъ божество Іисуса Христа противъ іудеевъ и магометанъ; испортили въ ней нѣкоторыя мѣста, направленныя противъ

[1] Gesch. des Protest., Pichler — 129. [2] Geschichte des Protest., Pichler — 130.

турокъ, и подослали одинъ экземпляръ испорченной книги великому визирю чрезъ одно лице, пользовавшееся благоволеніемъ визиря; кромѣ того, они же донесли визирю, что Кириллъ Лукарисъ и Метакса издаютъ и другія книги, направленныя противъ корана, что они тѣмъ самымъ возбуждаютъ грековъ къ революціи, и наконецъ, что многія, напечатанныя въ этой типографіи, книги уже отосланы къ казакамъ съ тою цѣлію, чтобы и тѣхъ возбудить противъ султана, и проч.[1] Малодушный визирь повѣрилъ клеветѣ, и безъ всякихъ разслѣдованій отдалъ приказаніе разорить типографію, истребить все, что въ ней находится, захватить бумаги и книги: а патріарха и Метаксу повелѣно было немедленно взять подъ стражу. По распоряженію визиря, немедленно сдѣлано было нападеніе на типографію: 150 янычаръ, въ самый полдень обступили домъ Метаксы. Воевода янычаръ перевязалъ всѣхъ рабочихъ въ типографіи, забралъ казну, взялъ всѣ снаряды, книги, бумагу, всѣ серебряные сосуды, золото, одежды и все движимое имущество, цѣною на 4,000 талеровъ.[2] Самъ типографщикъ успѣлъ скрыться въ домѣ англій-

[1] Geschichte des Protest., — Pichler, 130. [2] Geschichte des Protest., 130—131.

скаго посланника; а патріархъ нашелъ себѣ убѣжище въ домѣ голландскаго посланника. Іезуиты достигли своей цѣли — типографія была разрушена; но ихъ торжество было непродолжительно. Посланники англійскій, голландскій и шведскій соединились между собою противъ іезуитовъ для защиты патріарха, и потребовали строгаго раслѣдованія дѣла о типографіи. Великій визирь поручилъ двумъ грекамъ-ренегатамъ разсмотрѣть книги, печатанныя въ типографіи; особенно разсмотрѣны были тѣ мѣста въ книгахъ, на которыя указывали іезуиты, какъ на преступныя противъ правительства. Во всемъ этомъ отнюдь не нашлось ничего такого, что дѣлало бы автора или типографа достойными смерти. Относительно книги, въ которой разсуждалось о магометанской религіи, дѣло рѣшено было такъ, что если султанъ позволилъ христіанамъ заниматься своею религіею, то они, издавая свое ученіе въ печати, также мало виновны, какъ если бы они ограничивали это дѣло только своею проповѣдію.[1]

Но кромѣ клеветъ по дѣлу о типографіи, на патріарха взнесены были другія клеветы: почти къ этому же времени прибылъ изъ Рима другой

---

[1] Geschichte des Protest., 131.

посланникъ и принесъ отъ кардинала Брандини опредѣленіе католической консисторіи о обвиненіи патріарха въ преступленіяхъ противъ турецкаго правленія. Исполненіе опредѣленія поручено было французскому посланнику; и — патріарху предстояла новая опасность. Въ этой угрожающей опасности Кириллъ Лукарисъ призналъ единственнымъ средствомъ спасти себя и свою церковь — искать ходатайства у своихъ защитниковъ — иностранныхъ посланниковъ. Посланники англійскій, голландскій, шведскій и даже венеціанскій поставили дѣло такъ, чтобы не только были вполнѣ разоблачены клеветы враговъ патріарха, но чтобы правительство удовлетворило патріарха и его бѣдствующую церковь изгнаніемъ іезуитовъ изъ предѣловъ греческой церкви. По разслѣдованіи дѣла оказалось, что іезуиты были виновны не предъ греческою только церковію и ея патріархомъ — какъ клеветники, но и предъ турецкимъ правительствомъ: въ ихъ книгахъ нашлось гораздо больше такого, что по турецкимъ законамъ подвергало ихъ наказанію, чѣмъ сколько нашли прежде въ сочиненіяхъ патріарха. До окончательнаго рѣшенія дѣла, сначала въ Константинополѣ обысканы были всѣ дома іезуитовъ, отобраны книги, запечатаны цер-

кви, — а сами іезуиты въ оковахъ посажены были въ тюрьму. Не смотря на всѣ старанія французскаго посланника, ихъ жизнь теперь, можно сказать, находилась въ рукахъ патріарха Лукариса: чрезъ посланниковъ онъ могъ бы требовать себѣ, за всѣ ихъ оскорбленія, ихъ смерти; но великодушный патріархъ этого не сдѣлалъ. Онъ потребовалъ только всеобщаго изгнанія изъ предѣловъ его церкви. Вслѣдствіе этого требованія послѣдовало всеобщее позорное изгнаніе іезуитовъ изъ Константинополя, Галаты, Хіоса, Смирны, Алеппо и др. мѣстъ турецкой имперіи. Пораженіе ихъ было всеобщее; только въ видѣ исключенія, разрѣшено было французскому посланнику удержать при себѣ двухъ іезуитскихъ патеровъ въ званіи капеллановъ.[1]

Само собою понятно, до какой степени возрастала теперь ненависть іезуитовъ къ Кириллу Лукарису; они стали употреблять всевозможныя средства къ тому, чтобы отмстить непобѣдимому врагу своему. Франція не могла уже болѣе отказывать имъ пособія; ея послу въ Константинополѣ окончательно сказано было, что Турція поддержи-

[1] Gesch. des Protest., 133-135: Heineccii, Abbildung der alt. und neuen Kirch. Griech., th. 1, стр. 203—204, и др.

ваетъ сношенія съ Франціею независимо отъ дѣлъ религіозныхъ, что она никогда ненамѣрена покровительствовать измѣнникамъ и бунтовщикамъ,[1] а потому іезуиты обратились теперь къ Австріи. Въ 1615 году, однимъ изъ условій мира, заключеннаго между этою державою и Турціею, постановлено было, что христіане латинскаго исповѣданія могутъ безпрепятственно возстановлять свои храмы во владѣніяхъ султана, а латинскіе священники могутъ совершать богослуженіе по своимъ обрядамъ. Іезуиты начали примѣнять это условіе исключительно къ своему обществу. Натяжка была очевидная,—и имъ не удалось возвратиться въ Турцію. Но, оставаясь въ Европѣ, они старались повредить ревностному поборнику православія жесточе, нежели въ самомъ Константинополѣ; именно, съ досады назвали его кальвинистомъ; распустили слухъ почти по всей Европѣ, что православный восточный патріархъ заразился кальвинскою ересью.[2] По всему западу разнеслась молва объ этомъ. Іезуиты злонамѣренно распространяли ее, думая очернить Кирилла Лукариса. Протестанты радовались этой клеветѣ, и поддерживали выдумку для своихъ ре-

[1] Geschichte des Protest., 134. [2] Μελετίя, Εκκλέσ. ἱςορ., τ. III, σελ. 447.

лигіозныхъ цѣлей. А вслѣдъ за этимъ, въ силу распространившейся молвы, въ 1629 году появилось въ Женевѣ подъ именемъ Кирилла Лукариса *исповѣданіе вѣры*, содержащее въ себѣ кальвинское ученіе. Все это происходило на западѣ Европы; въ Константинополѣ же царствовали, по изгнаніи іезуитовъ, глубокій миръ и тишина. На востокѣ, гдѣ любовь въ Кириллу Лукарису и уваженіе къ его мудрости были, можно сказать, безпредѣльны, съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣ клеветы враговъ. Одна мысль, что Кириллъ Лукарисъ ревностно противился замысламъ іезуитовъ, и наконецъ успѣлъ оградить отъ нихъ свою паству,— сильно располагала умы въ его пользу и сердца православныхъ. Слава о немъ, какъ ревностнѣйшемъ поборникѣ православной вѣры, была столь велика, что къ нему обращались даже изъ Индіи съ просьбою о защитѣ противъ латинянъ. Кромѣ всего этого, усердіе его къ церкви особенно выразилось въ сочувствіи и помощи его бѣдствующей церкви іерусалимской. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова Досиѳея: «Кириллъ (Лукарисъ), говорилъ онъ, имѣлъ чрезвычайную любовь къ св. Гробу, посему и въ борьбѣ Ѳеофана съ латинянами оказалъ сему патріарху великую помощь различ-

ными способами (ὦθης μέγας ἀρωγὸς, τρόποις διαφόροις).[1] По проискамъ еретиковъ, особенно латинянъ, іерусалимскій патріаршій престолъ пришелъ въ крайнюю нужду. И не было надежды избавиться отъ нужды человѣческою силою. Но константинопольскій патріархъ Кириллъ (Лукарисъ) помогъ въ крайности іерусалимскому престолу двумя способами: во-первыхъ тѣмъ, что, своими поученіями въ Константинополѣ онъ возбудилъ константинопольскихъ христіанъ къ пожертвованію въ пользу гроба Господня и іерусалимскихъ христіанъ; во-вторыхъ тѣмъ, что, призвавши въ патріархію начальствующихъ и подчиненныхъ, открылъ подписку въ пользу іерусалимской церкви и собралъ много милостыни.[2] Между тѣмъ, внѣшняя безопасность Кирилла въ Константинополѣ ослабѣвала. Защитникъ его, англійскій посланникъ сэръ Томасъ Ру, былъ отозванъ въ Англію; преемникъ его Вичъ (Wich) уже не могъ быть покровителемъ Лукариса. Въ Англіи произошли значительныя перемѣны: Карлъ I долженъ былъ вступить въ борьбу съ парламентомъ, и не имѣлъ времени думать о греческомъ патріархѣ. Супруга Карла Генріетта имѣла надъ нимъ неограниченную власть; а сама, въ свою очередь,

---

[1] Δοσιθέυ, σελ. 1174. [2] Тамъ же.

была послушнымъ орудіемъ іезуитовъ. Благожелатель Кирилла Лукариса Абботъ—архіепископъ кэнтерберійскій, потерялъ мѣсто и значеніе при дворѣ. Новый примасъ Англіи епископъ Лаудъ (Laud) былъ очень расположенъ къ римской церкви, такъ что папа не усумнился дать ему кардинальскую шапку.[1] Оставались еще посланники голландскій и шведскій, преданные патріарху; но отношенія Кирилла и къ нимъ измѣнились. Когда разнесся слухъ о его кальвинизмѣ и особенно съ тѣхъ поръ, когда появилось упоминаемое нами исповѣданіе вѣры въ самомъ Константинополѣ, онъ замѣтно охладѣлъ къ своимъ друзьямъ, и всякія его отношенія къ протестантскому правительству прекратились. Ревностный поборникъ православія остался одинъ, безъ всякой сторонней помощи и вѣрной поддержки на случай новыхъ покушеній со стороны латинянъ. Случай этотъ скоро представился.

Кириллъ Контарисъ, епископъ беррійскій, дерзнулъ посягнуть на санъ патріарха подъ именемъ Кирилла II. Это былъ человѣкъ замѣчательный въ свое время. Онъ происходилъ изъ македонскаго города Берріи, но еще въ ранней молодости прибылъ въ Константинополь и слушалъ уроки

[1] Smith. Collect. de Cyr. Lucar., p. 64, 65.

въ іезуитской коллегіи—въ Галатѣ. Главнымъ его наставникомъ былъ одинъ іезуитскій патеръ—Діонисій Гвиль, который въ одномъ изъ своихъ писемъ превозноситъ его величайшими похвалами. [1] Нѣтъ нужды говорить, что іезуиты употребили всѣ старанія, чтобы напечатлѣть въ своемъ питомцѣ любовь къ римской церкви и сдѣлать его своимъ жаркимъ приверженцемъ. Это особенно открылось при слѣдующемъ случаѣ: патріархъ Тимоѳей, предшественникъ Кирилла Лукариса, предложилъ молодому Контарису занять епископскую каѳедру въ отечественномъ городѣ его Берріи. Контарисъ не хотѣлъ прервать своихъ любимыхъ занятій въ іезуитской коллегіи, считалъ себя даже недостойнымъ епископскаго сана; но онъ открылъ эту тайну своему наставнику, и хитрый іезуитъ истощилъ все краснорѣчіе, чтобы заставить молодаго грека принять епископскій санъ, какъ желалъ того патріархъ. Потому-то впослѣдствіи, когда іезуиты были изгнаны изъ Константинополя, они утѣшались мыслію, что Кириллъ Контарисъ отмститъ за нихъ Кириллу Лукарису. [2] Такъ и случилось. Епископъ беррійскій совершенно усвоилъ себѣ характеръ и

[1] L. Allatii de perp. cons., p. 1075; Gesch. des Protest., 162; Каталогъ констант. патріарх., въ „Хр. чт." 1862 г., іюнь, 639.
[2] L. Allatii,—p. 1075; Le Spect. de l'Orient. LII, 110.

правила своихъ наставниковъ. Сначала онъ скрывалъ свои замыслы и долго притворялся благорасположенiемъ къ патрiарху, пока наконецъ не успѣлъ войти къ нему въ совершенное довѣрiе... Когда открылась митрополичья каѳедра въ Солунѣ, Кириллъ Лукарисъ поручилъ Кириллу беррiйскому управлять до времени солунскою паствою. Честолюбивый епископъ былъ очень доволенъ новымъ назначенiемъ, и думалъ уже навсегда остаться въ Солунѣ; но не прошло и года, какъ, по волѣ патрiарха, онъ долженъ былъ уступить это мѣсто другому. Самолюбiе и гордость его были оскорблены до чрезвычайности, хотя онъ успѣлъ на этотъ разъ сдержать свои чувства. Наконецъ Кириллъ Лукарисъ, не подозрѣвая ничего худаго противъ себя въ Контарисѣ, поручилъ ему отправиться въ Россiю за милостынею въ пользу константинопольской церкви. Беррiйскiй епископъ со всѣмъ тщанiемъ исполнилъ свое порученiе,[1] но только—какъ довѣренность патрiарха, такъ и собранную милостыню онъ употребилъ во зло. На собранныя деньги, по возвращенiи въ Константинополь, онъ рѣшился купить себѣ санъ патрiарха и, при содѣйствiи

[1] Сношенiя Востока съ Россiею по дѣл. церк., ч. 2, 130—132.

французскаго посланника, легко успѣлъ въ этомъ. [1] Кириллъ Лукарисъ былъ обвиненъ правительствомъ въ кражѣ, и насильственно низведенъ съ престола, послѣ 8-милѣтняго вторичнаго управленія константинопольскою церковію. Патріархомъ сдѣлался Кириллъ Контарисъ—приверженецъ іезуитовъ.[2]

Но похититель патріаршаго престола не могъ долго держаться на немъ. Кириллъ Лукарисъ былъ такъ силенъ, что его нельзя было сокрушить однимъ ударомъ. Константинопольская паства глубоко скорбѣла о своемъ архипастырѣ, и употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы возвратить Лукарису патріаршій престолъ. Желаніе паствы скоро увѣнчалось успѣхомъ, Кириллъ беррійскій обманулъ турецкое правительство: онъ не могъ заплатить обѣщанной ему огромной суммы; собранныхъ въ Москвѣ денегъ оказалось мало, а на поддержку своей паствы, какъ похититель патріаршаго престола, онъ не могъ разсчитывать. Помощь французскаго посланника на этотъ разъ оказалась слабою; іезуиты, послѣ изгнанія изъ Константинополя, еще не успѣли здѣсь усилиться, и не въ силахъ были выручить своего питомца и друга. Все это

---

[1] Narratio de vita Cyr. Luc. Smith., 120—121. [2] Каталогъ констант. патр., „Хр. чт.“ 1862 г., май, 639.

послужило счастливымъ поводомъ къ тому, что Кирилла Контариса, чрезъ 6 дней его патріаршества, турецкое правительство повелѣло низложить и сослать на островъ Тенедосъ.[1] На патріаршій престолъ въ третій разъ, по желанію паствы, приглашенъ Кириллъ Лукарисъ, еще не успѣвшій отправиться въ заточеніе послѣ втораго низложенія.

Третій періодъ патріаршества Кирилла Лукариса продолжался полтора года.[2] Въ это непродолжительное время онъ заботился о благосостояніи сколько своей церкви, столько же іерусалимской. Но первымъ дѣломъ его, по возшествіи въ третій разъ на константинопольскій патріаршій престолъ, было—объявленіе прощенія своему противнику—Кириллу беррійскому. Находясь въ заточеніи, послѣдній собственноручно писалъ къ патріарху, называя себя самоосужденнымъ и достойнымъ всякаго наказанія. Кроткій и незлобивый святитель—Лукарисъ сжалился надъ своимъ недоброжелателемъ. Кириллъ беррійскій получилъ чрезъ него дозволеніе возвратиться изъ ссылки и занять престолъ въ прежней своей епархіи.[3] Затѣмъ Кириллъ Лукарисъ

---

[1] Μελετίου, Ἐκκλ. ἱστορ., τ. III, σελ. 447; Philip. Cyprii Chronicon, p. 425; Каталогъ конст. патр., „Хр. чт." 1862 г., май, 639. [2] Тамъ же. [3] Hottingeri analecta hist. theol. append. VIII, 182, p. 559.

обратилъ вниманіе на нужды своей церкви. Тяжелые налоги и теперь, какъ и прежде, обременяли церковь; потому что каждый разъ, какъ по отношенію ко всей вообще церкви, такъ въ частности къ отдѣльнымъ церквамъ и монастырямъ, спокойствіе приходилось покупать дорогою цѣною. Самое возстановленіе Кирилла въ этотъ разъ стоило, по свидѣтельству Мелетія, огромныхъ суммъ для бѣдствующей церкви.[1] Вслѣдствіе всего этого, патріархъ Кириллъ Лукарисъ и теперь, какъ и прежде, отправлялъ въ Россію своихъ посланниковъ за милостынею, и въ благодарность за нее снабжалъ Россію восточною святынею,[2] и посылалъ съ востока ученыхъ мужей для образованія русскихъ юношей. Такъ, изъ одной собственноручной грамоты патріарха Кирилла Лукариса, писанной московскому царю Михаилу Өедоровичу и патріарху Филарету, видно, что онъ, выражая особенное уваженіе свое къ инокамъ, присланнымъ къ ему московскимъ государемъ и патріархомъ, извѣщалъ того и другаго о полученіи отъ нихъ всѣхъ посылокъ — книгъ, денегъ и проч. Въ той же грамотѣ Лукарисъ говоритъ, что «онъ хотѣлъ было прислать къ нимъ учителя

---

[1] Μελετίου Ἐκκλ. ἱστορ., τ. III, σελ. 447—448. [2] См. Сношенія Вост. съ Росс. по д. церк., ч. 2, 142—147.

Киріака отъ св. Аѳонскія горы; но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ», и что онъ для той же цѣли будетъ разыскивать другаго учителя. Въ другой же грамотѣ патріархъ Лукарисъ благодарилъ патріарха Филарета за присылку семнадцати сороковъ соболей.[1] Другая забота Кирилла Лукариса состояла въ охраненіи своей паствы отъ происковъ іезуитовъ, которые послѣ изгнанія, мало по малу, тайно и незамѣтно, стали проникать въ Константинополь и, подъ защитою французскаго посланника, снова начали волновать православный народъ; при этомъ его еще тревожила молва о его неправославіи, — и онъ истощалъ всѣ силы свои, употребляя всѣ мѣры къ тому, чтобы успокоить свою паству, оградить себя отъ клеветы человѣческой и предостеречься отъ новыхъ покушеній іезуитовъ. Но сильнѣе всего патріархъ Лукарисъ озлобилъ латинянъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла іерусалимской церкви. Среди заботъ о своей паствѣ, онъ нашелъ возможность помочь матери церквей — іерусалимской церкви, тѣснимой латинянами. Пользуясь несогласіемъ, возникшимъ тогда, касательно покровительства святыхъ мѣстъ, между французскимъ посланникомъ и австрійскимъ упол-

[1] Тамъ же, стр. 145, 146.

полномоченнымъ при дворѣ султана, онъ испросилъ у Порты указъ, въ силу котораго св. мѣста должны были перейти во власть грековъ. Вслѣдствіе этого, греки отняли у францисканцевъ церковь гроба Господня и завладѣли Виѳлеемскою пещерою и Геѳсиманскимъ садомъ.[1] Французскій посланникъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, когда узналъ объ этомъ торжествѣ православныхъ. Онъ не могъ стерпѣть пораженія латинянъ, и рѣшился еще разъ низложить Кирилла Лукариса. Щедро посыпались клеветы на невиннаго патріарха и золото великому визирю; нашелся и епископъ, желавшій занять патріаршій престолъ въ Константинополѣ. Это былъ ѳессалоникійскій епископъ Аѳанасій, родомъ критянинъ, по прозванію Пателларій. Онъ былъ орудіемъ латинянъ, и былъ извѣстенъ великому визирю — Зафирѣ;[2] а потому легко могъ достигнуть патріаршаго престола. Писатель XVII вѣка Димитрій Мосхополитъ, въ перечнѣ греческихъ ученыхъ, называетъ Пателларія философомъ, филологомъ, поэтомъ, прекрасно владѣвшимъ греческимъ и латинскимъ языками и отличнымъ проповѣдникомъ. Но муд-

---

[1] Δοσιθέυ, περί τῶν ἐν Ἱεροσολ. πατριάρχ., σελ. 1175; Le Spect. de l'Orient., livr. LII, p. 112. [2] Каталогъ конст. патр.— Маѳа, въ „Хр. чт.“ 1862 г. май, 640.

рый въ словѣ, Пателларій оказался на дѣлѣ тщеславнымъ человѣкомъ и изъ честолюбія готовымъ попирать божественные каноны церкви.[1] При помощи латинянъ, онъ предложилъ правительству 60 тысячъ долларовъ, и за эту огромную сумму получилъ право объявить себя патріархомъ. Кириллъ Лукарисъ былъ удаленъ на островъ Тенедосъ. Къ счастію, слабое патріаршество Пателларія было непродолжительно. Чрезъ 40 дней по вступленіи на каѳедру, онъ былъ насильно удаленъ съ нея въ великій пятокъ, и опять отправился въ Ѳессалонику, избѣжавъ заточенія, благодаря сильнымъ своимъ покровителямъ.[2] Гонимый патріархъ Кириллъ Лукарисъ снова возвратился къ бѣдствующей своей паствѣ. На этотъ разъ радость народа была неописанна: свѣтлое торжество Пасхи слилось съ торжествомъ возвращеннаго любимаго имъ архипастыря.[3]

Четвертый періодъ патріаршества Кирилла Лукариса продолжался только одинъ годъ и два мѣсяца.[4] Дѣятельность его по отношенію къ своей паствѣ была все таже, какъ и въ предыдущіе періоды его патріаршества: онъ не переставалъ

---

[1] Тамъ же. [2] Тамъ же—въ „Хр. чт." за 1862 г., май, 640. [3] Smith., de vita Cyr. Luc. p. 122; Εὐαγγελ. Σάλπιγξ, τ. I, σελ. 149. [4] „Хр. чт." 1862 г., май, 641.

обращаться къ Россіи за милостынею,[1] и своими пастырскими наставленіями — предостерегать своихъ пасомыхъ отъ враговъ православія. Но въ это же время для Лукариса готовились новыя гоненія; а константинопольскую церковь ожидали новыя бѣдствія. Тѣ же латиняне, по истеченіи года, снова подвергли Лукариса заточенію и возвели на патріаршій престолъ, во второй разъ, Аѳанасія Пателларія.

Послѣ перваго низложенія съ патріаршаго престола, Аѳанасій Пателларій не хотѣлъ разставаться съ титломъ константинопольскаго патріарха; но увлеченный честолюбіемъ, изъ Ѳессалоники онъ бѣжалъ сперва въ Анкону, и отселѣ написалъ просьбу папѣ объ утвержденіи за собою, по прибытіи въ Римъ, титула константинопольскаго патріарха.[2] Папа отвѣчалъ Пателларію, что согласенъ дать ему 73-е мѣсто въ ряду кардиналовъ, если онъ подпишетъ римскій сѵмволъ. Пателларій не согласился на это, и чрезъ Молдовлахію возвратился въ Константинополь,[3] гдѣ, при помощи своихъ приверженцевъ успѣлъ низвергнуть съ патріаршаго престола Лукариса. Невинный страдалецъ

[1] Снош. Вост. съ Росс. по д. церк., ч. 2, стр. 147 — 162.
[2] „Хр. чт." 1862 г., май, 640. [3] Тамъ же, 641.

былъ сосланъ на островъ Хіосъ.[1] Аѳанасій Пателларій получилъ санъ вселенскаго патріарха но только для того, чтобы передать его другому противнику Кирилла Лукариса — Кириллу Контарису: въ одномъ поученіи, произнесенномъ имъ на день св. Апостоловъ, онъ объяснялъ слова Спасителя: *ты еси Петръ*, и проч., неправильно, относя ихъ косвенно къ преимуществамъ римской каѳедры, какъ каѳедры первопрестольнаго Апостола. Но тогда же явился другой Аѳанасій, мужъ неустрашимый, и обличалъ патріарха въ приверженности къ латинству, и даже напечаталъ свое обличеніе. [2] Это самое произвело сильное возмущеніе православныхъ противъ патріарха Пателларія; они думали заявленіемъ своего недовольства низвести его съ престола и возвратить достоуважаемаго Лукариса; но на этотъ разъ ихъ надежда осталась напрасною. Кириллъ беррійскій — Контарисъ, еще болѣе приверженный къ латинству, воспользовался недовольствомъ православныхъ; съ кучею денегъ онъ явился къ пашѣ Ибрагиму, и — получилъ во второй разъ патріаршій престолъ.[3] Тяжелое иго должна была нести теперь константинопольская

---

[1] Μελετίου ἱστορ., τ. III, σελ. 440. [2] Каталогъ константин. патр., „Хр. чт.“ 1862 г., май, 641. [3] Тамъ же.

церковь. Новый представитель ея не отличался ни строгимъ православіемъ, ни хорошимъ поведеніемъ. Онъ былъ жестокъ для подчиненныхъ, предавался праздности и грубому пороку — пьянству, чрезъ свое корыстолюбіе грабилъ свою паству, и видимо склонялся на сторону латинянъ. Вслѣдствіе всего этого, іезуиты начали опять усиливаться въ Константинополѣ.[1] Ко всему этому, Кириллъ Контарисъ обнаруживалъ явную непріязнь къ Кириллу Лукарису, и вмѣстѣ съ латинянами старался о совершенномъ уничтоженіи его. При такихъ обстоятельствахъ Лукарисъ не могъ оставаться безопаснымъ даже въ заточеніи. Островъ Хіосъ не представлялъ ему достаточной защиты противъ ихъ коварныхъ замысловъ. Есть свидѣтельство, что іезуиты старались подкупить морскихъ разбойниковъ — схватить изгнанника на островѣ Хіосѣ и выдать іезуитамъ, которые предполагали обречь его на вѣчное заточеніе въ какой нибудь французской крѣпости, или гдѣ нибудь въ папской области.[2] Но какъ ни хитры были іезуиты, имъ не удалось схватить Кирилла Лукариса. Бекши-паша, губернаторъ хіосскій, бдительно стерегъ его, и ко-

---

[1] L. Allatii, de perpet. cons., p. 1075. [2] Philip. Cyprii— p. 453; Le Spect. de l'Orient. livr. LII. 113.

гда пронесся слухъ объ умыслахъ іезуитовъ, онъ повелѣлъ препроводить его подъ стражею на островъ Родосъ — въ болѣе укрѣпленное и безопасное мѣсто. Но, гонимый врагами, Кириллъ Лукарисъ въ самомъ изгнаніи не былъ забытъ своею бѣдствующею паствою. Она еще разъ спѣшила выразить ему глубокую свою признательность. Кириллъ беррійскій своимъ любостяжаніемъ истощилъ терпѣніе и скудныя средства константинопольской церкви. Православные — клиръ и народъ — единодушно возстали противъ него и умоляли правительство избавить ихъ отъ своекорыстнаго и жестокаго патріарха. Хотя и съ трудомъ, оно выслушало просьбы и сжалилось надъ участію злополучныхъ грековъ. Кириллъ беррійскій былъ низложенъ и посланъ въ заточеніе,[1] но вслѣдъ за симъ возникъ вопросъ — кому занять его мѣсто? Православные искренно желали возстановить Кирилла Лукариса, сердца ихъ пламенѣли любовію къ нему; но не было никакихъ средствъ, не было даже надежды, возвратить ему свободу. Для этого нужно было, по крайней мѣрѣ, 70,000 піастровъ, а константинопольская церковь и безъ того обременена была страшными долгами. Положеніе православныхъ было крайне

[1] Μελετίε, — τ. III, σελ. 448.

затруднительное. Но, послѣ тяжкихъ колебаній, они рѣшились, наконецъ, предложить патріаршій престолъ одному изъ учениковъ Кирилла Лукариса — Неофиту, митрополиту ираклійскому. — Первою своею обязанностію Неофитъ поставилъ возвратить изъ ссылки любимаго своего бывшаго наставника и патріарха. Съ этою цѣлію онъ самъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ имуществомъ; клиръ и народъ также собрали посильныя приношенія, — и Кириллъ Лукарисъ былъ вызванъ изъ ссылки въ іюнѣ 1636 года.[1] Трудно представить, сколь велика была радость народа при встрѣчѣ архипастыря, уже преклоннаго лѣтами, но еще бодраго духомъ. Всѣмъ извѣстны были труды его на пользу церкви; многимъ была извѣстна многотрудная жизнь, и всѣ почти знали, что было причиною его бѣдствій. Патріархъ Неофитъ спѣшилъ первый показать примѣръ сыновней любви и уваженія къ мудрому святителю: онъ хотѣлъ сложить съ себя званіе патріарха и вручить пастырскій жезлъ тому, кто съ достоинствомъ держалъ его доселѣ. Кириллъ Лукарисъ сперва противился этому; но когда Неофитъ рѣшительно объявилъ намѣреніе оставить Константинополь и удалиться куда-нибудь въ мо-

[1] Monum. authent. par. Aymon, p. 10—11; Smith. — p. 124-125.

настырь, — онъ долженъ былъ покориться опредѣленію собора и — вступить въ послѣдній разъ на вселенскій престолъ, въ началѣ 1637 года.[1] Вотъ что пишетъ московскому государю Михаилу Θеодоровичу Кириллъ Лукарисъ о противникѣ своемъ Кириллѣ беррійскомъ и о послѣднемъ возшествіи своемъ на патріаршій престолъ: «Чаю, учинилось вѣдомо великому твоему царствію, что нѣкій митрополитъ веррійскій Кириллъ, незаконно домогаясь патріаршества', когда многолѣтній царь султанъ Муратъ ѣхалъ на войну, съ нѣкоторыми изъ своихъ людей, на дорогѣ подалъ ему челобитную и посулилъ пятнадцать тысячъ рублей, чтобы его поставить въ патріархи; султанъ повелѣлъ быть ему, а меня сослялъ въ Родосскій островъ, и учинилъ сіе тайно, — никто не вѣдалъ, ни архіереи, ни іереи, ни весь міръ. Кириллъ беззаконно сѣлъ на патріаршество, такъ что весь міръ удивился. Усиливаясь выплатить то, что посулилъ и еще другія пятнадцать тысячъ рублей, и не имѣя тѣхъ денегъ, мучилъ онъ митрополитовъ и священниковъ и всѣхъ церковниковъ и, собравъ вдвое противъ тѣхъ денегъ, что посулилъ, отдалъ бусур-

---

[1] Μελετίυ, τ. III, σελ. 448; Chron. Eccl. Graecae—44.

манамъ, чтобы его любили; началъ онъ обольщать османовъ и православныхъ христіанъ, чтобы его не называли беззаконникомъ и не проклинали, а меня оглашали всячески, надѣясь, что ему будутъ помощники, и объявятъ его патріархомъ законнымъ. Злу не было конца, что архіереи и іереи и всѣ православные христіане не могли долѣе терпѣть, и били челомъ, плачущи, объ его злодѣйствахъ; тогда царь его отставилъ и хотѣлъ казнить, но по челобитью православныхъ христіанъ не казнилъ, а лишь сослалъ, и меня пожаловалъ, по челобитью мірскому и митрополитовъ и священниковъ, велѣлъ мнѣ быть въ Цареградѣ. Покамѣсть я ѣхалъ, посадили на патріаршество инаго, а какъ я пріѣхалъ, ко мнѣ всѣ прибѣгли и учинили мнѣ подобающую честь, но на патріаршее мѣсто я не хотѣлъ идти, пока заплатятъ, что посулили царю дать архіереи. Потомъ же, благодатію Божіею и милостію царствія твоего, буду сидѣть попрежнему на патріаршествѣ; хотѣлось бы мнѣ подъ старость успокоиться, но міръ меня не оставляетъ.»[1]

Полтора года продолжался послѣдній періодъ патріаршества Кирилла Лукариса. Въ продолженіе

[1] Снош. Восток. съ Росс. по д. церк., ч. 2, стр. 191—192.

этого времени злоба враговъ его достигла крайнихъ предѣловъ; они рѣшились погубить его, во что бы то ни стало. Не замедлилъ и самый случай представиться къ тому. Султанъ Амуратъ IV предпринялъ походъ противъ персовъ, и самъ отправился съ войскомъ осаждать Багдатъ.[1] Въ Константинополѣ главнымъ начальникомъ остался великій визирь Байрамъ-паша, издавна пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ султана. Въ это время пришло извѣстіе, что казаки успѣли завладѣть Азовомъ, турецкою крѣпостію на берегу Азовскаго моря, и что ладьи ихъ явились уже на Черномъ морѣ, готовыя подплыть къ Константинополю. Страхъ объялъ турокъ тѣмъ болѣе, что султанъ былъ въ отсутствіи. Враги Кирилла Лукариса не замедлили воспользоваться столь удобнымъ случаемъ; они внушили визирю, чтъ Азовъ взятъ казаками по внушенію патріарха; къ этому прибавили еще то, что, будто, патріархъ намѣремъ возмутить грековъ, и ожидаетъ только прибытія опасныхъ хищниковъ —своихъ единовѣрцевъ. Паша, напуганный такимъ извѣстіемъ, спѣшилъ увѣдомить султана о мнимомъ замыслѣ святителя и о

[1] Hottinger analect. hist. theol., p. 564; Μελετίου — τ. III, σελ. 449, и др.

страшной опасности, угрожавшей, будто бы, Константинополю. Чрезъ нѣсколько дней султанъ прислалъ повелѣніе—предать смерти патріарха. Немедленно взяли невиннаго патріарха Кирилла Лукариса и отвезли его въ укрѣпленный замокъ—Лемокопію (Λαμοκοπίαν), близь Константинополя. Турки не рѣшились замучить любимаго народомъ патріарха въ самомъ Константинополѣ, среди православнаго народа; для удобнаго исполненія царскаго приговора, къ великой радости латинянъ, они посадили его на корабль, показывая видъ, что хотятъ отправить его въ ссылку. Но лишь только судно отплыло отъ берега на небольшое разстояніе,—патріархъ узналъ—къ чему его приговорили: ему велѣно было готовиться къ смерти... День склонялся къ вечеру; лучи заходившаго за горизонтъ солнца сверкали по поверхности моря, которое было тихо и, какъ будто, готовилось принять въ свои объятія невиннаго страдальца. Святитель приклонилъ колѣна, долго и усердно молился, и затѣмъ отдался въ руки янычаръ... Съ наступленіемъ ночи его уже не было въ живыхъ: онъ былъ удавленъ, и поруганное тѣло его брошено въ море. Это происходило 1638 года, 28 іюня. На другой день одежды убитаго патріарха прода-

вались на торжищѣ. Чрезъ нѣсколько времени рыболовы нашли тѣло патріарха, и передали его благочестивымъ грекамъ, которые съ честью погребли его. Но разъяренные враги и въ могилѣ не давали ему покоя: они отрыли тѣло патріарха и и въ другой разъ бросили его въ море. Православные греки плакали о такомъ поруганіи любимаго патріарха. Не зная—куда дѣли враги его тѣло въ другой разъ, они приходили къ недостойному переемнику Лукариса Кириллу беррійскому и говорили ему: Πιλᾶτε, δὸς ἡμῖν τὸν νεκρον, ἵνα αὐτὸν θάψωμεν (Пилатъ! отдай намъ умершаго для погребенія),—но оно скоро было найдено, по свидѣтельству однихъ историковъ, по указанію чудодѣйственной тѣни, стоявшей надъ тѣмъ мѣстомъ моря, гдѣ находилось тѣло; а по свидѣтельству другихъ,—оно вынесено было волнами на берегъ, и здѣсь найдено было благочестивыми греками, и тайно погребено было въ монастырѣ св. Андрея. Чрезъ нѣсколько лѣтъ патріархъ Парѳеній II торжественно отправилъ погребеніе по приснопамятномъ патріархѣ, и перенесъ прахъ его на островъ Халки, гдѣ онъ покоится и до сего времени въ Богородицкомъ монастырѣ.[1]

[1] Pichler. Gesch. des Protest., стр. 175; Μαθας. πατριάρχ., σελ. 194; Kimmel. Monumenta fidei prolegom. — XLIX; Heineccii

Мы представили жизнь и дѣятельность патріарха Кирилла Лукариса по тѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, которыя намъ были доступны. Нельзя пе сознаться при этомъ, что предстаавили жизнь знаменитаго патріарха весьма неполно, и болѣе съ внѣшней стороны, чѣмъ съ внутренней, могущей гораздо болѣе характеризовать великаго іерарха.[1] Но и эти краткія свѣдѣнія достаточно говорятъ намъ о его мудромъ умѣ и преданности православно-восточной церкви; достаточно говорятъ, что онъ во всѣхъ мѣстахъ своего служенія и при всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни ревностно заботился о благосостояніи православной церкви, вездѣ являлся защитникомъ православія,—что его заботы о православіи видѣли церкви русская, валахская, александрійская, іерусалимская и константинопольская—что его ревность по православію подвергала его гоненіямъ жестокихъ враговъ православія, и наконецъ заставила

Abbildung Griech. Kirche I Th. 209 — 210; Hottinger — p. 574; Μελετίυ—τ. III; σελ. 449.

[1] При всемъ желаніи сказать нѣсколько подробнѣе о жизни и дѣятельности Кирилла Лукариса,—мы рѣшительно не въ состояніи были сдѣлать этого. Свѣдѣнія современниковъ и позднѣйшихъ писателей восточныхъ и западныхъ, извѣстныхъ намъ, весьма скудны,—а послѣднихъ и недобросовѣстны. Весьма мало, напримѣръ, указаній на труды его по управленію константинопольскою церковію. Какъ будто вся дѣятельность его въ Константинополѣ ограничивалась борьбою съ іезуитами и его страданьями отъ нихъ!?.

его пожертвовать своею жизнію. И этого-то мученика за православіе пристрастные историки, личные враги патріарха и враги православной церкви, называли и называютъ измѣнникомъ своей вѣры, предателемъ восточной церкви. На сколько несправедливы всѣ эти обвиненія, мы покажемъ въ послѣдней части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ОБВИНЕНІЙ, ВОЗВОДИМЫХЪ НА ПАТРІАРХА Кирилла Лукариса НЕПРАВОСЛАВНЫМИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Несправедливость обвиненій, возводимыхъ на Кирилла Лукариса до появленія приписываемаго ему исповѣданія вѣры.

Обвинители Кирилла Лукариса говорятъ, что сочувствіе его къ кальвинизму развивалось въ немъ постепенно, росло и зрѣло вмѣстѣ съ его лѣтами и жизнію, и уже къ тому времени, когда явилось кальвинское исповѣданіе вѣры подъ его именемъ,—онъ сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ кальвинизма.[1] Начало зараженія Кирил-

---

[1] Такъ представляютъ его почти всѣ его обвинители, западные историки: Гейнекцій, Гэттингеръ, Смитъ, Аймонъ, Киммель, Пихлеръ и мн. др.

ла Лукариса протестантизмомъ вообще они полагаютъ съ того времени, когда онъ вышелъ изъ непосредственнаго воспитанія его патріархомъ Мелетіемъ Пигою, т. е., въ томъ промежуткѣ времени, когда Лукарисъ получалъ образованіе въ Венеціи и Падуѣ. Но мы не находимъ никакихъ доказательствъ, приводимыхъ ими въ пользу своего свидѣтельства. Противники Кирилла Лукариса просто говорятъ, что онъ получилъ расположеніе къ протестантству въ это время; но о томъ, въ чемъ оно выразилось,—они молчатъ. Поэтому самому, не имѣя что опровергать изъ приводимыхъ противниками Лукариса показаній, мы постараемся показать, что общее—бездоказательное ихъ свидѣтельство не вѣрно. Кириллъ Лукарисъ не заразился, и не могъ заразиться, протестантизмомъ въ то время, когда онъ получалъ образованіе въ Венеціи. Сюда какъ мы видѣли, онъ отправился 12-тилѣтнимъ юношею, и пробылъ здѣсь четыре года. Его молодые лѣта и недолгое пребываніе въ Венеціи отчасти уже ручаются за то, что онъ здѣсь не могъ получить направленія, чуждаго православію: тогда еще невполнѣ развились его сознаніе, воля и характеръ. Нашу мысль усиливаетъ еще то, что въ Венеціи онъ учился элемен-

тарнымъ наукамъ, и едва ли могъ основательно знать въ это время подробное различіе вѣроисповѣданій, и тѣмъ болѣе, едва ли могъ судить объ этомъ различіи и быть расположеннымъ къ другому исповѣданію, кромѣ своего, которое ему извѣстно было съ малолѣтства, если не сознательно и разумно, то по наслѣдству и привычкѣ. Сами обвинители Кирилла Лукариса, съ одной стороны, говорятъ, что въ Венеціи, подъ руководствомъ греческихъ учителей, онъ изучалъ грамматику, а не сравнительное богословіе; съ другой — они же говорятъ, что Кириллъ, не только окончивши курсъ своего ученія въ Венеціи, но даже окончивши оное въ высшемъ училищѣ—въ падуанскомъ университетѣ, не имѣлъ никакого богословскаго образованія [1] Если же такъ, то какъ онъ могъ получить въ Венеціи расположеніе къ протестантизму, не имѣя о немъ никакого понятія. Непримиримое противорѣчіе!... Далѣе, сами же обвинители Лукариса говорятъ, что онъ учился въ Венеціи въ греческомъ коллегіумѣ и подъ руководствомъ греческихъ учителей. Откуда же онъ могъ позаимствовать внутреннія убѣжденія въ истинности протестантизма, отъ кого могъ услышать убѣжде-

[1] Geschichte des Protest., in der Orient. Kirch. Pichler, стр. 50.

нія въ пользу этого вѣроисповѣданія?... Далѣе, Лукарисъ посланъ былъ въ Венецію по усмотрѣнію Мелетія, и принятъ былъ въ греческій православный коллегіумъ по ходатайству этого православнаго и ученаго мужа. А это самое уже много намъ можетъ говорить о направленіи этого училища и о томъ, что̀ оно могло дать любимому воспитаннику патріарха Мелетія. Наконецъ, мы знаемъ, что Кириллъ Лукарисъ въ Венеціи имѣлъ своимъ учителемъ и неотлучнымъ руководителемъ Максима Маргунія, родомъ грека, ревностнаго защитника православной греко-восточной вѣры, прославившагося вмѣстѣ съ патріархомъ Іереміею II, въ перепискѣ съ тюбингенскими богословами.

Равно, и во второй періодъ образованія Кирилла Лукариса обвинители не представляютъ ни одного доказательства въ пользу своихъ обвиненій. Мы не видимъ въ это время ни одного повода, по которому можно было бы подозрѣвать Кирилла Лукариса въ расположенности его къ неправославію. Въ Падую онъ отправился по указанію Мелетія, которому хорошо было извѣстно образовательное значеніе и направленіе тамошняго университета; и конечно, Мелетій зналъ, что его вос-

питанникъ не можетъ заимствовать тамъ ничего дурнаго и вреднаго для православія. Да и сами обвинители Лукариса характеризуютъ падуанскій университетъ, какъ самый благоустроенный и благонадежный въ тогдашнее время. За нравственностію воспитанниковъ слѣдили строго; насилія вѣрованіямъ и религіознымъ убѣжденіямъ здѣсь не только не было, но даже таковое преслѣдовалось у іезуитовъ. Кгому же еще то, что главный правитель венеціанской республики Пасхалій-Циконія и начальникъ Падуи—Гриманъ особенное вниманіе обращали на университетъ, и заботились о томъ, чтобы въ немъ образованіе и воспитаніе сообщалось добросовѣстно всѣмъ иностранцамъ. Послѣ этого, неудивительно, если Лукарисъ вышелъ изъ падуанскаго университета съ неиспорченнымъ сердцемъ, что между прочимъ, подтверждаютъ несочувственные отвѣты Кирилла Лукариса о нѣкоторыхъ своихъ наставникахъ—католикахъ и протестантахъ, бывшихъ въ падуанскомъ университетѣ. Одного изъ нихъ (Никколоменія) онъ осуждалъ за проповѣданіе съ церковной каѳедры римскаго ученія объ оправданіи и предопредѣленіи; другаго (Кремонина)—за неправильное сужденіе о промыслѣ, происхожденіи міра, безсмертіи души и др. Да и самъ

патріархъ Мелетій не произвелъ бы Лукариса во священника и потомъ въ архимандрита,[1] если бы замѣтилъ что нибудь дурное въ своемъ питомцѣ. Наконецъ пребываніе Лукариса въ острожскомъ училищѣ, имѣвшемъ главную цѣль—охраненіе православія въ юго-западной Россіи, и его присутсвіе на брестскомъ соборѣ—свидѣтельствуютъ о немъ не только какъ о мужѣ православномъ, но и ревностномъ поборникѣ православія. Мы это уже видѣли. Объ этомъ времени молчатъ и обвинители его не находя ни малѣйшаго повода взнести на него клевету. Дальнѣйшія обвиненія ихъ падаютъ на путешествіе Кирилла по западной Европѣ, предпринятое имъ послѣ брестскаго собора. Разсмотримъ эти обвиненія.

Противники Кирилла Лукариса говорятъ, что онъ, послѣ брестскаго собора, почувствовавъ необходимость въ болѣе основательномъ богословскомъ образованіи, въ силу прежней симпатіи къ протестантизму, полученной имъ въ первый періодъ своего образованія, особенно въ Падуѣ, рѣшился отправиться въ средоточіе протестантскаго богословія: былъ въ Виттенбергѣ, гдѣ лютеранское вѣроученіе развито было до крайности; оттуда пере-

[1] Monumenta fidei Eccl. Graecae, proleg., стр. XXVI.

селился въ Римъ кальвинизма—Женеву, гдѣ навсегда заразился кальвинизмомъ. Дальнѣйшее его путешествіе по западу Европы еще болѣе будто бы развило и укрѣпило въ немъ сочувствіе къ кальвинизму, такъ что онъ вернулся къ своему воспитателю уже тайнымъ кальвинистомъ. Въ доказательство своихъ мыслей обвинители указываютъ на одинъ поступокъ, совершенныхъ имъ въ Саксоніи, гдѣ будто онъ продалъ свою вѣру за деньги, и – на его разговоръ, держанный имъ въ Трансильваніи съ Маркомъ Функсіемъ, когда онъ возвращался изъ Литвы къ Мелетію, лежавшему уже на смертномъ одрѣ. Этотъ разговоръ будто бы состоялъ въ неправославномъ разсужденіи о призываніи и ходатайствѣ святыхъ. Но Кириллъ Лукарисъ отправился на западъ Европы не вслѣдствіе прежней своей симпатіи къ протестантизму, который онъ не имѣлъ, а вслѣдствіе тѣхъ побужденій, какія онъ получилъ на брестскомъ соборѣ: ему хотѣлось основательнѣе познакомиться съ спорными пунктами религіи, дабы чрезъ то сдѣлаться болѣе способнымъ къ защищенію греческой вѣры противъ папистовъ и протестантовъ. Такъ смотрятъ на это дѣло нѣкоторые и изъ обвинителей Лукариса. Пихлеръ, напримѣръ, говоритъ, что

Кириллъ отправился въ средоточіе протестантской ортодоксіи для того, чтобы чрезъ это сдѣлаться болѣе подвижнымъ оружіемъ къ защищенію греческой вѣры.[1] Заразиться же протестантизмомъ во время своего путешествія онъ не могъ потому, что онъ путешествовалъ недолго; притомъ же, переходное его состояніе не позволяло ему пріобрѣсти внутреннее, твердое и основательное познаніе протестантскаго вѣроученія вообще и въ частности кальвинскаго, безъ чего онъ не могъ полюбить и заразиться послѣднимъ. Здѣсь нельзя не упомянуть о томъ противорѣчіи, какое мы встрѣчаемъ у самихъ обвинителей: одни изъ нихъ положительно говорятъ, что Лукарисъ окончательно заразился протестантизмомъ во время своего путешествія по Европѣ, и сдѣлался кальвинистомъ во время своего пребыванія въ Женевѣ; другіе не придаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго значенія его пребыванію въ Европѣ. Пихлеръ, напримѣръ, въ своей біографіи Кирилла Лукариса, дѣлая взглядъ на его пребываніе въ Виттенбергѣ и Женевѣ, проводитъ ту мысль, что съ этого времени Лукариса нельзя считать положительнымъ кальвинистомъ; его пребываніе въ этихъ городахъ

---

[1] Geschichte des Protest., стр. 12.

имѣло только то значеніе, что его прежняя симпатія къ протестантизму болѣе укрѣпилась, и раціонализмъ, принесенный имъ изъ Падуи, увеличился.[1] Такимъ образомъ, обвинители Лукариса, соглашаясь въ томъ, что пребываніе его въ Европѣ имѣло вліяніе на его расположеніе къ протестантизму и кальвинизму, неодинаковое значеніе придаютъ этому вліянію, слѣдовательно, не имѣютъ прочнаго основанія для своихъ обвиненій, взводимыхъ на Лукариса. Они судятъ о Кириллѣ Лукарисѣ въ это время какъ о протестантѣ и кальвинистѣ потому только, что онъ былъ въ центрахъ протестантизма и кальвинизма; но заключенія ихъ далеко не выходятъ изъ ихъ положеній. Они не знаютъ даже того, сколько времени Лукарисъ пробылъ въ этихъ городахъ, какія обстоятельства сопровождали его, и какія перемѣны случились съ нимъ. Незнаютъ даже опредѣленно—по какимъ государствамъ онъ путешествовалъ.

Что же касается тѣхъ двухъ фактовъ, набрасывающихъ тѣнь неправославія на Лукариса, о которыхъ мы выше упомянули и на которые ссылаются обвинители его, какъ на доказательство

[1] Geschichte des Protest., стр. 65.

его неправославія,[1] то они передаются невѣрно. Въ Саксоніи Лукарисъ не подписывалъ никакого чужаго вѣроисповѣданія, и не бралъ за это никакихъ денегъ. Объ этомъ мнимомъ поступкѣ Лукариса свидѣтельствуетъ личный врагъ Лукариса Л. Алляцій,[2] за нимъ и другіе историки. Но это свидѣтельство не заслуживаетъ никакого довѣрія: во-первыхъ, нельзя допустить, чтобы Кириллъ, какъ замѣчаетъ Киммель,[3] — мужъ столь благочестивый и честный, обладавшій твердымъ постоянствомъ духа не только въ дѣлѣ религіи, но даже и въ другихъ дѣлахъ, — продалъ свою вѣру за деньги; во-вторыхъ, нельзя вѣрить свидѣтельству Алляція потому, что онъ не представляетъ основательныхъ доказательствъ, которымъ можно было бы вѣрить. Эта клевета Алляція основывается или на личной враждѣ и ненависти его къ Лукарису, или же на томъ подаркѣ, который сдѣланъ былъ Кириллу въ Виттенбергѣ.[4] Что же касается разговора Кирилла Лукариса въ Тран-

[1] Т. е., о томъ, будто бы Лукарисъ въ Саксоніи продалъ свою вѣру за деньги, подписавши неправославное вѣроисповѣданіе; а въ Трансильваніи въ разговорѣ съ М. Функсіемъ отвергалъ почитаніе и ходатайство святыхъ предъ Богомъ. [2] L. Allatii, perpetua Consensione, lib. III, cap. XI, стр. 1073. [3] Monumenta fidei proleg., стр. XXV. [4] Fehler, Geschichte des Protest., стр. 63.

сильваніи съ Маркомъ Функсіемъ, —то слѣдствія этого разговора были совершенно другія, а не тѣ, которыя представляетъ Пихлеръ отъ лица самого Кирилла. Киммель напротивъ свидѣтельствуетъ, что Лукарисъ, не смотря на всѣ убѣжденія Функсія, остался твердо вѣрующимъ въ догматъ призыванія святыхъ и ходатайства ихъ предъ Богомъ.[1]

Обратимся теперь къ положительнымъ доказательствамъ православія Лукариса.

Если бы Кириллъ Лукарисъ воспиталъ въ себѣ расположеніе къ протестантизму вообще и въ частности къ кальвинизму: то, при всей своей скрытности (допустимъ это), такъ или иначе онъ выразилъ бы это расположеніе. Но мы этого не видимъ По возвращеніи изъ Европы къ своему воспитателю—патріарху Мелетію, онъ оказался способнымъ и надежнымъ въ глазахъ патріарховъ (александр. и констант.)—быть отправленнымъ въ Литву во второй разъ по дѣлу уніи. Патріархъ Мелетій въ своихъ письмахъ, писанныхъ въ Литву и Польшу, называетъ Кирилла мужемъ достойнѣйшимъ вниманія, который съ надеждою уполномоченъ со стороны Востока въ дѣлахъ церковныхъ въ югозападной Россіи. Если бы Кириллъ

[1] Monumenta fidei proleg., стр. XXV.

Лукарисъ былъ зараженъ духомъ неправославія, то всего естественнѣе онъ выразилъ бы это теперь; потому что, съ одной стороны, онъ является теперь лицемъ уполномоченнымъ и самостоятельнымъ, и къ тому же въ такой странѣ, гдѣ православіе было потрясено, и гдѣ православные страдали; а между тѣмъ мы ничего подобнаго не видимъ. Мало этого: Лукарису поручено было тогда патріархомъ Мелетіемъ имѣть дѣло и съ протестантами, хлопотавшими объ уніи. Вотъ чрезъ это Кириллу Лукарису представлялся удобный случай сдѣлать что нибудь въ пользу евангеликовъ, еслибы только онъ былъ расположенъ къ нимъ. Онъ нашелъ безполезнымъ даже входить въ разговоры съ протестантами, и счелъ лишнимъ передавать имъ отвѣтъ Мелетія. «Нѣкоторые», писалъ Лукарисъ, «склоняли меня поступить иначе, но я на то не согласился, дабы не подать ни малѣйшаго повода къ замѣшательству. Потому что хорошо знаю я, и знаютъ мои патріархи, что ученіе и обряды евангеликовъ не только вредъ и замѣшательство производятъ въ восточной и западной Церквахъ, какъ это обнаружилось въ Германіи, Франціи, Англіи и др. государствахъ; но и приносятъ въ христіанскія государства развращеніе нравовъ» Въ томъ

же письмѣ Кириллъ Лукарисъ говоритъ ниже, что протестанты въ единеніе съ восточною Церковію не могутъ быть приняты, потому что «они согласны съ нами только въ томъ, въ чемъ согласны жиды и магометане, т. е. что Богъ есть одинъ Творецъ и Правитель міра, справедливый, добрый, наказующій злыхъ и награждающій добрыхъ и въ прочемъ подобномъ; но въ главныхъ догматахъ христіанской вѣры съ нами несогласны, напримѣръ: въ ученіи о древности церковной іерархіи, о преданіи апостольскомъ, о почитаніи святыхъ, о числѣ каноническихъ книгъ св. Писанія, объ оправданіи, о св. литургіи, о почитаніи мощей, о пресвятой Богородицѣ,—во всемъ этомъ они съ нами разнятся, и по своему разумѣнію выводятъ изъ св. Писанія объ этомъ свои толки. Сколько таковыя ихъ дѣйствія не безопасны—показываетъ самый опытъ. Когда же они такъ далеки отъ насъ въ вѣрованіи, то. само собою разумѣется, въ единство съ нами приняты быть не могутъ». Такимъ образомъ, Лукарисъ былъ положительнымъ врагомъ кальвинизма, и обвиненія его въ сочувствіи кальвинизму составились уже послѣ того, какъ явилось кальвинское исповѣданіе подъ именемъ Лукариса. Дальнѣйшія обвине-

нія Кирилла Лукариса падаютъ на періодъ его патріаршества въ Александріи. Въ этотъ періодъ обвинители приписываютъ ему много писемъ, представляющихъ его не только какъ зараженнаго кальвинизмомъ, но и желающимъ ввести оный въ своей церкви. Письма эти явились спустя почти сто лѣтъ послѣ его смерти (въ началѣ XVIII вѣка). О подлинности ихъ можно судить только по сравненію ихъ между собою и по приложенію ихъ къ практической жизни Кирилла Лукариса.

Не одинъ Кириллъ Лукарисъ вступалъ въ сношенія и переписку съ неправославнымъ Западомъ; такъ поступали: Геннадій Схоларій, Мелетій, Іеремія II, Митрофанъ Критопулъ и др. Этого съ одной стороны требовала полемика между восточною и западною церквами; съ другой—это необходимо было для поддержки на Востокѣ образованія, приводимаго въ крайній упадокъ владычествомъ турокъ. И Кириллъ Лукарисъ, сдѣлавшись патріархомъ, поддерживалъ сношенія съ Западомъ для той же цѣли. Кромѣ того, въ его время особенно необходимо было поддерживать сношенія съ Западомъ для того, чтобы, основательнѣй познакомившись съ западнымъ вѣроученіемъ,

чрезъ отправленіе въ западные университеты грековъ, пріобрѣсти для своей церкви сильныхъ защитниковъ православія противъ іезуитовъ и протестантовъ, которые проникли въ предѣлы восточной Церкви и становились для ней опасными.

Теперь мы обратимся къ самымъ письмамъ, приписываемымъ Кириллу Лукарису, насколько это нужно для освобожденія его отъ обвиненій. Несправедливость этихъ обвиненій ясно видна изъ противорѣчія между собою писемъ. Обвинители Лукариса видятъ это противорѣчіе, но стараются загладить это ясное обличеніе ихъ лжи тѣмъ, что говорятъ: не нужно сравнивать письма Кирилла между собою и по одному судить о другомъ, потому что нѣкорыя изъ нихъ отдѣлены одно отъ другаго двадцатью и болѣе годами. А въ продолженіе этого времени могли измѣниться его взгляды, вѣрованія и убѣжденія. Но это замѣчаніе, само по себѣ имѣющее долю правды, мы не можемъ принять, зная направленіе и силу воли Кирилла Лукариса, оставшіяся вѣрными самимъ себѣ до самой его мученической кончины. Притомъ же, мы беремъ во вниманіе только тѣ письма, которыя писаны имъ во время александрійскаго патріаршества его, и притомъ раздѣленныя не

двадцатилѣтнимъ періодомъ времени, а вдвое и втрое меньше. Противорѣчіе между этими письмами заключается въ томъ, что въ однихъ письмахъ Кириллъ Лукарисъ является ревностнымъ защитникомъ православія, и въ частности греческой церкви съ ея несчастнымъ положеніемъ, въ другихъ не только выражаетъ сочувствіе кальвинизму, но и строитъ планы—какъ бы ввести его въ своей церкви. Такъ напримѣръ, Лукарисъ въ своемъ письмѣ къ извѣстному намъ Утенбогартену, писанномъ будто бы отъ 30 мая 1612 г., свидѣтельствуетъ о самой твердой своей преданности православной восточной вѣрѣ. Но совершенно противоположнаго характера обвинители представляютъ письма подъ именемъ Кирилла Лукариса, писанныя имъ будто бы къ голландскому государственному совѣтнику Давиду Вельгельму. Общее направленіе этихъ писемъ то, что въ нихъ Кириллъ Лукарисъ представляется уже преданнымъ кальвинизму; все желаніе его, по этимъ письмамъ, теперь состояло только въ томъ,—какъ бы основательнѣй изучить это вѣроисповѣданіе; а потому, почти съ каждымъ письмомъ, онъ проситъ у Вельгельма новыхъ книгъ, увѣдомляетъ его, что онъ больше и больше знакомится съ этимъ *православ-*

нымъ ученіемъ; трактуетъ съ нимъ о кальвинскихъ догматахъ съ полною вѣрою въ нихъ. Называетъ греческую церковь суевѣрною и упорною; а потому погрязшею въ невѣжество; совѣтуется съ Вельгельмомъ о реформѣ ея, о введеніи кальвинизма. Получаетъ для этого планъ отъ Вельгельма, и самъ начерчиваетъ ему свои предположенія для этой цѣли, и т. п.[1] Письма эти, по свидѣтельству обвинителей, писаны Лукарисомъ отъ 1618—1620 года. Противорѣчіе ихъ, при сравненіи съ письмами къ Утенбогартену, откроется намъ во всемъ своемъ величіи: въ первомъ письмѣ онъ представляется ревностно преданнымъ греко-восточной церкви, и даже въ ея несчастіи находитъ для ней счастіе; въ послѣднихъ является уже ревностнымъ кальвинистомъ, и называетъ ту же церковь гордою и суевѣрною. Это противорѣчіе намъ ясно говоритъ объ обманѣ; и такъ какъ вся жизнь и дѣятельность Кирилла—православнаго характера, то мы всѣ неправославныя письма, писанныя къ Вельгельму, принимаемъ за подлогъ. Но намъ могутъ возразить, что между

---

[1] Смотр. въ книгѣ: Lettres anecdotes de Cyrille Lucar...; смотр. также Geschichte des Protest. — Pichler, стр. 100 — 110; Kimmel proleg. XXXIV—XXXV.

первымъ письмомъ и послѣдними прошло шесть лѣтъ; а этого времени довольно для того, чтобы измѣниться направленію Кирилла. Противъ этого мы скажемъ, во-первыхъ, что такой перемѣны въ великой личности, закаленной въ православіи, какимъ намъ представляется Кириллъ Лукарисъ, мы не допускаемъ; не допускаемъ тѣмъ болѣе, что эта перемѣна представляется совершившеся не въ то время, когда Кириллъ находился на Западѣ,—а когда онъ былъ на Востокѣ, въ нѣдрахъ православія и ознаменовалъ себя мудрымъ правленіемъ Церкви. Вовторыхъ, въ послѣднихъ письмахъ онъ представляется не заражающимся кальвинизмомъ, а уже *зараженнымъ*. Когда же случилось это съ Лукарисомъ? Прежнее время его жизни и дѣятельности намъ хорошо извѣстно,—и мы не видимъ этого зараженія. Въ-третьихъ, въ тотъ же самый періодъ времени, когда, по представленію обвинителей, писаны были письма къ Вельгельму, мы имѣемъ совершенно противоположнаго характера подлинныя письма Кирилла Лукариса: посланіе его, писанное въ 1616 году и оставленное въ Терговиштѣ,—свидѣтельствуетъ о его преданности православной восточной Церкви и ревности по православію. Въ другомъ письмѣ,

писанномъ имъ въ томъ же 1816 году къ кэнтерберійскому епископу, примасу англійскому, Кириллъ, сравнивая положеніе церквей александрійской и константинопольской, радуется о благосостояніи и спокойствіи первой, и скорбить о бѣдствіяхъ послѣдней, и тѣмъ самымъ выражаетъ преданность этимъ церквамъ, а слѣдовательно и православію.

Наконецъ вся жизнь и дѣятельность Кирилла (съ которыми мы уже знакомы) въ періодъ его патріаршества въ Александріи, обнимавшій собою 19 лѣтъ, свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о строгомъ ревнителѣ православія. Что же касается до реформы, о которой упоминается въ приписываемыхъ ему письмахъ, и которую, будто бы, онъ хотѣлъ произвесть въ церкви, и — тѣхъ плановъ, какіе предполагались по письмамъ для введенія кальвинизма въ восточной церкви: то мы рѣшительно не видимъ, чтобы онъ дѣйствительно приступалъ къ этой реформѣ церкви, старался ввести кальвинизмъ. Перейдемъ теперь къ разбору обвиненій, взводимыхъ на Лукариса неправославными, во время патріаршества его въ Константинополѣ.

Причина этихъ обвиненій заключалась въ неодинаковомъ его отношеніи къ протестантамъ и

латинянамъ, въ преслѣдованіи іезуитовъ и дружескихъ отношеніяхъ съ протестантами. Вотъ что замѣчаетъ объ этомъ Мелетій историкъ: когда всѣ усилія іезуитовъ къ склоненію Кирилла Лукариса на свою сторону и къ уничтоженію его власти въ Константинополѣ оставались напрасными,—они выдумали на Кирилла слишкомъ легкое и вредное,—взнесли на него ужасную клевету—съ досады назвали его кальвинистомъ.[1] Но эти обвиненія имѣютъ свою силу только до тѣхъ поръ, пока намъ неизвѣстна мудрая цѣль неровныхъ отношеній Лукариса къ иноисповѣднымъ ему христіанамъ. Выяснимъ эту цѣль,—и обвиненія падутъ сами собою.

Кириллъ Лукарисъ вступилъ въ сношенія съ протестантами единственно съ тою цѣлію, чтобы, пользуясь ихъ благосклонностью и довѣріемъ, искусно направлять ихъ дѣятельность къ обузданію жестокостей и самовластія турецкаго правительства, и—особенно къ низложенію и усмиренію іезуитовъ, какъ самыхъ опасныхъ враговъ константинопольской церкви. И сами протестанты оказывали уваженіе патріарху, издавна имъ извѣстному по своей учености и величію духа, и—вслѣдствіе

[1] Μελετίȣ ἱςορία Ἐκκλ., σελ. 447. Т. III.

всего этого, искали знакомства съ нимъ и предлагали ему свое содѣйствіе къ преслѣдованію ненавистныхъ имъ іезуитовъ. Правда, впослѣдствіи оказалось, что протестанты вели знакомство съ патріархомъ между прочимъ и съ тою цѣлію, чтобы склонить его, а затѣмъ и его церковь, къ церковному единенію съ собою; но со стороны Кирилла никогда не видно было сочувствія этому; да и сами протестанты обнаружили свое дѣйствіе уже тогда, когда, на основаніи его знакомства съ ними, появилось кальвинское исповѣданіе вѣры подъ его именемъ, и когда между папистами и протестантами завязался споръ о томъ — чье вѣроисповѣданіе согласнѣе съ ученіемъ восточной церкви,— латинское или протестантское. Протестанты, желая доказать согласіе своего ученія съ восточнымъ, притягивали на свою сторону православнаго патріарха; а латиняне, за знакомство послѣдняго съ протестантами, называли его еретикомъ. И союзъ Кирилла Лукариса съ протестантами былъ болѣе политическій, чѣмъ религіозный. Какъ нѣкогда въ Литвѣ и Польшѣ, когда возникла унія, и воздвигнуты были гоненія на православныхъ, послѣдніе искали себѣ защиты въ (гражданскомъ) союзѣ съ протестантами: такъ и теперь въ Константинополѣ,

когда особенно усилились происки іезуитовъ, патріархъ Кириллъ Лукарисъ рѣшился обуздать ихъ при помощи протестантовъ. Съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, онъ, единственно по нуждамъ церкви, дозволилъ себѣ вступить въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ представителями на востокѣ. Посланники англійскій, голландскій и шведскій, частію по расположенію своихъ правительствъ, частію по предпочтенію къ нимъ со стороны самого патріарха, всегда почти старались оказывать ему полное сочувствіе и благовременную помощь въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Кириллъ Лукарисъ съ своей стороны не предполагалъ въ нихъ первоначально злаго умысла противъ себя,—и тѣмъ легче сблизился съ ними, чѣмъ усерднѣе стремились къ тому они сами, и чѣмъ большую пользу можно было предвидѣть и извлечь изъ этого невиннаго сближенія. Патріархъ часто обращался къ нимъ съ просьбами, прямо высказывалъ имъ свои нужды, описывалъ имъ происки іезуитовъ, явно возбуждалъ въ нихъ сочувствіе къ себѣ, неразъ пользовался ихъ защитою и никогда ни предъ кѣмъ не скрывалъ своихъ отношеній къ нимъ, въ высшей степени благонамѣренныхъ. Такъ

смотрѣли на эти отношенія сами православные современники Кирилла и личные свидѣтели дѣлъ его. Они не осуждали его за такой образъ дѣйствій; но еще, напротивъ, удивлялись его мудрости, превозносили его подвиги, и, презирая всѣ клеветы, взносимыя на него, постоянно питали къ нему сильнѣйшему любовь и привязанность.

Укажемъ, наконецъ, на то, что патріархъ Кириллъ Лукарисъ ревностно занимался благоустройствомъ своей церкви и назиданіемъ своей паствы. Съ истинно отеческою любовію онъ умолялъ своихъ пасомыхъ блюсти себя отъ преткновеній въ вѣрѣ и не имѣть общенія съ еретиками. [1] Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его на церковной каѳедрѣ слышались постоянно святыя истины вѣры, правила христіанской жизни и обличеніе неправомыслящихъ. Самыя грамоты его свидѣтельствуютъ о твердости его православія.[2] Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна

[1] Ἐυαγγέλ. Σάλπιγξ, αρ. 5, περ. 3, σελ. 146. [2] Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится болѣе 50 подлинныхъ писемъ Кирилла Лукариса, писанныхъ по-гречески, къ царю Мих. Ѳедоровичу и къ патріархамъ Филарету и Іосафу — съ 25 апрѣля 1626 г. по іюнь 1638 г. Эти письма по своему православнѣйшему характеру совершенно отвергаютъ письма неправославнаго характера, приписываемыя ему иностранными учеными. Мы не имѣли возможности пересмотрѣть упо-

грамота Кирилла Лукариса, данная имъ іеремонаху Іосифу при отсылкѣ его въ Бѣлую Русь, прибывшему въ Москву въ 1622 году, 8 марта. Изъ этой грамоты открывается, что патріархъ Лукарисъ смотрѣлъ на протестантство, какъ на богохульное и опасное вѣроученіе.[1] Грамота эта писана была патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ предъ самымъ вступленіемъ его на константинопольскую каѳедру (отъ 3 іюня 1620 г.) Другая грамота, писанная Кирилломъ Лукарисомъ, отъ 1626 года 5 апрѣля, къ царю московскому Михаилу Ѳеодоровичу, ясно свидѣтельствуетъ, въ частности, о глубокомъ почитаніи имъ святыхъ иконъ. Есть и еще много грамотъ Кирилла Лукариса, писанныхъ имъ въ Россію и свидѣтельствующихъ о его почитаніи святыхъ иконъ, угодниковъ Божіихъ,[2] о почитаніи св. мура и св. мощей,[3] о почитаніи и заботѣ о православномъ богослуженіи и обрядахъ церковныхъ.[4] Все это, взятое вмѣстѣ, убѣждаетъ насъ, что патріархъ Кириллъ Лукарисъ, находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ протестантами, оставался ревностнымъ поборникомъ православія.

мянуты письма; пользуемся только тѣми, которыя изданы Муравьевымъ въ „Сношеніяхъ Востока съ Россіею по дѣламъ церковнымъ“, во 2 т.

[1] Снош. Восток. съ Росс. по д. церк., т. 2, стр. 6—7. [2] Снош. Восток. съ Росс., стр. 140. [3] Тамъ же. [4] Тамъ же. стр. 141.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Несправедливость обвиненій, возводимыхъ на Кирилла Лукариса по поводу появленія подъ его именемъ исповѣданія вѣры.

Что же касается до исповѣданія вѣры, явившагося подъ именемъ Кирилла,— то оно, какъ сейчасъ увидимъ, не принадлежитъ ему.

Исповѣданіе вѣры, явившееся подъ именемъ Кирилла Лукариса, состоитъ изъ 18-ти членовъ и 4-хъ вопросовъ съ отвѣтами на нихъ. Оно все написано въ духѣ кальвинистовъ.[1] Излагать здѣсь подробно содержаніе каждаго члена его порознь — мы находимъ излишнимъ.

Исповѣданіе это, по свидѣтельству западныхъ писателей, написано Кирилломъ, вскорѣ по вступленіи его на константинопольскую каѳедру, на латинскомъ языкѣ, и раздаваемо было имъ въ рукописяхъ всѣмъ, какъ православнымъ митрополитамъ, епископамъ и народу, такъ латинянамъ и реформатамъ. Оно было напечатано въ первый разъ въ Женевѣ на латинскомъ языкѣ.[2] Такъ говорятъ западные писатели; изъ свидѣтельства же восточныхъ писателей достовѣрно извѣстно только то, что оно

[1] См. Monumenta fidei, 26 — 44. Vgl. Pichler's, a. a. O. S. 183—99. [2] Тамъ же.

напечатано кальвинистами въ Женевѣ и принесено въ Грецію въ 1632 году.[1]

Кто былъ подлиннымъ авторомъ этого исповѣданія, къ сожалѣнію, окончательно рѣшить трудно. Всѣ почти западные писатели усиливаются доказать, что Кириллъ издавна былъ напитанъ кальвинистическими мнѣніями и самъ написалъ исповѣданіе восточной церкви. Въ доказательство своихъ словъ они ссылаются на письма, которыя будто бы онъ писалъ къ разнымъ лицамъ реформатскаго исповѣданія, и на то, что не отрицался отъ сего исповѣданія и не писалъ опроверженія на него, когда оно явилось подъ его именемъ. Согласно съ западными, это исповѣданіе приписываютъ Кириллу Лукарису и нѣкоторые восточные писатели,— каковы Иларій, Арсеній, коего одно письмо дошло до насъ,[2] и даже соборъ константинопольскій, осудившій его. Но большая часть восточныхъ писателей называютъ его благочестивымъ, и исповѣданіе вѣры, приписываемое ему, считаютъ — или чистою клеветою, или же дѣломъ сомнительнымъ. Соборъ ясскій,[3] осудившій исповѣданіе (1642), Па-

---

[1] Ἱστορία Ἐκκλ. — Μελετίου τ. III. σελ. 447. [2] Philip. Cyprii Chronicon — Epistola Arsenii: Geschicht. des Protest., Pichler. [3] Chronicon Philippi Cypr p. 447.

нагіотъ,[1] извѣстный издатель исповѣданія вѣры митрополита кіевскаго Петра Могилы, Нектарій патріархъ іерусалимскій (1671) — съ сомнѣніемъ говорятъ о подлинности исповѣданія, приписываемаго Кириллу Лукарису. Но соборъ іерусалимскій, подробно занимавшійся вопросомъ о приписываемомъ Кириллу исповѣданіи, Мелетій, аѳинскій историкъ,[2] Икономосъ,[3] новѣйшій греческій писатель, — участіе Кирилла въ кальвинизмѣ и исповѣданіе, носящее его имя, положительно считаютъ клеветою. Въ подлинности упомянутаго исповѣданія сомнѣваются нѣкоторые и изъ самыхъ западныхъ писателей.[4]

Свидѣтельства же тѣхъ западныхъ писателей, которые признаютъ кальвинское исповѣданіе вѣры произведеніемъ Лукариса и его самого кальвинистомъ, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Въ нихъ есть противорѣчія и несообразности: 1) по свидѣтельству реформатовъ, Кириллъ по убѣжденію принялъ кальвинское ученіе, проповѣдалъ его всѣмъ, какъ греческое, публично, въ церкви, и домахъ, и самъ раздавалъ свое исповѣданіе.[5] По свидѣтель-

---

[1] Des preuves authentiqu , L. VIII c. 4; Monum. authent., p. 490. [2] T. III, σελ. 430, 447. [3] Ἐπίκρισις ἐις τὴν νεοελληνικῆς, 1839 г. [4] Chron. Philip., p. 481; Allatii, L. III, p. 1021. [5] Monum. p. 8, 979.

ству же латинянъ, онъ принялъ кальвинское ученіе, будучи подкупленъ, скрывался отъ грековъ, такъ-что однимъ онъ являлся предъ реформатами, другимъ совершенно предъ греками и греческою церковію, а о раздачѣ имъ исповѣданія они нигдѣ не говорятъ.[1] 2) По однимъ, Кириллъ, скоро по выходѣ изъ школъ, предпринялъ путешествіе по Европѣ, и тамъ усвоилъ себѣ реформатскія мнѣнія;[2] а по другимъ онъ, будучи экзархомъ александрійскаго патріарха (1601), написалъ католическое исповѣданіе; но скоро отказался отъ него.[3] 3) Если онъ написалъ кальвинское исповѣданіе вѣры и для руководства грекамъ, то странно и непонятно: для чего оно написано на латинскомъ языкѣ, котораго не могли понимать греки?

Для насъ, впрочемъ, важнѣе всего свидѣтельства восточныхъ писателей, которые лучше могли знать дѣло и говорить прямѣе; въ особенности же важно свидѣтельство собора іерусалимскаго, который занимался вопросомъ о Кириллѣ Лукарисѣ исключительно. По мнѣнію этого собора, соборъ константинопольскій осудилъ Лукариса не за то, что онъ былъ кальвинистъ, и написалъ кальвинское

---

[1] Allatii,—1070: Monum. p. 38 et. 365. [2] Monum., p. 8 и 14. [3] Flerii Hist Eccl., t. 59, p. 175. Здѣсь разумѣется разсмотрѣнное нами письмо Лукариса, оставленное въ Львовѣ.

исповѣданіе вѣры; а за то, что онъ не писалъ противъ него и не отрицался отъ него *письменно*. [1]

Что же касается писемъ, приписываемыхъ и изданныхъ подъ его именемъ на которыя ссылаются западные писатели въ доказательство кальвинизма Лукариса, и въ которыхъ упоминается о самомъ исповѣданіи: то несостоятельность этихъ писемъ видна изъ того, что 1) о нихъ не упоминаютъ писатели того времени, кромѣ Арсенія, а соборъ іерусалимскій прямо утверждаетъ, что не осталось никакого сочиненія собственной руки Кирилла, которое бы содержало хотя что-нибудь изъ того, что приписываютъ ему еретики.[2] 2) Нѣкоторые обличаютъ не ученаго патріарха, а какого-то невѣжду, незнающаго ученія и преданія восточной церкви, чего нельзя никакъ сказать о Кириллѣ Лукарисѣ. [3] 3) Между письмомъ Кирилла и письмомъ Хрисоскула, секретаря его, приводимымъ реформатомъ Аймономъ въ подтвержденіе кальвинства перваго и подлинности исповѣданія его, есть несообразности. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ,[4] означенномъ 1632 годомъ, Кириллъ говоритъ, что онъ доселѣ ничего не писалъ для свѣта, кромѣ исповѣданія;

---

[1] Sinodus Hierosol., c. V, in monument. fidei Eccles. Graecae. [2] Monuments authentiq., p. 282. [3] Lettre VII dans Monum. auth., p 87. [4] Lettre II, p. 30.

а въ письмѣ,[1] означенномъ 1629 г., Хрисоскулъ говоритъ: что Кириллъ написалъ катихизисъ и книгу противъ іудеевъ и магометанъ, которыя были печатаемы въ 1627 году. О какомъ опять катихизисѣ говоритъ здѣсь Хрисоскулъ,—трудно рѣшить. Или: въ одномъ письмѣ описывается свиданіе Кирилла съ Ноантелемъ, посланникомъ французскимъ, въ которомъ Кириллъ призналъ исповѣданіе, показанное Ноантелемъ, за свое; но объ этомъ никто не говоритъ и изъ западныхъ, а самъ Ноантель, напротивъ, словами Паѳенія патріарха и семи митрополитовъ свидѣтельствуетъ, что участіе Кирилла въ догматахъ кальвинскихъ—клевета враговъ его, что онъ имѣлъ мысли противныя тѣмъ, которыя содержатся въ исповѣданіи.[2] А потому, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ разсказъ придуманъ протестантами.

Что касается до того, что Кириллъ Лукарисъ не писалъ ничего въ опроверженіе клеветы на себя и на церковь восточную,—то это могло бы наводить сомнѣніе на чистоту ученія и невинность его только въ томъ случаѣ, если бы не было положительныхъ доказательствъ, опровергавшихъ это обвиненіе. Но, по свидѣтельству собора іерусалим-

[1] Monum. authent., p. 201 и т. [2] Monum. auth., p. 39.

скаго, Кириллъ отрицался отъ исповѣданія устно предъ всею церковію, и не писалъ потому, что не было очевидныхъ доказательствъ на то, чтобы это исповѣданіе было его, и чтобы тамъ содержалось исповѣданіе восточной церкви;[1] а это тѣмъ болѣе могло быть, что оно разносимо было по Востоку тайною рукою.[2] Съ другой стороны, мы знаемъ что Кириллъ писалъ въ оправданіе себя, по свидѣтельству Бланкарда,[3] въ послѣднее свое заточеніе, апологію исповѣданія своего противъ клеветъ латинянъ. Но эта апологія не вышла въ свѣтѣ по смутнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, и мы не знаемъ— не было ли это письменное отреченіе и не на него ли намекаетъ Парѳеній, когда говоритъ, что Кириллъ засвидѣтельствовалъ вѣру свою въ греческіе догматы и исповѣданіями.[4]

Если расположенность или нерасположенность паствы къ своему пастырю могутъ представлять значительное ручательство чистоты и нечистоты вѣры и жизни его, то и съ этой стороны мы, во многихъ опытахъ любви и преданности греческаго клира и народа къ Кириллу Лукарису, имѣемъ

[1] Synodus Hierosol. c. l. et. V. Monum. fidei Kimmel. [2] Тамъ же. [3] Ἐπίκρισις ἐις τὴν νεοελλ. Ἐκκλ., σελ. 199. [4] Perpetuité de la foi d'eglise Cathol., L. III, p. 166; Monum. auth., p. 38. 365.

сильное свидѣтельство въ его пользу: они избрали и возвели его съ александрійскаго на константинопольскій престолъ, съ большими пожертвованіями и лишеніями, пять разъ возводили на престолъ, съ котораго онъ былъ низвергаемъ происками и клеветами іезуитовъ и приверженцевъ ихъ—нѣкоторыхъ грековъ. А сколько слезъ и почестей воздано ему паствою по смерти![1] Какъ послѣ этого объяснить эту любовь въ грекахъ къ Кириллу, если бы онъ принялъ, проповѣдывалъ и издалъ въ свѣтъ отъ своего имени и отъ имени восточной церкви западное вѣроученіе?..

Наконецъ, положительныя доказательства какъ православія Кирилла, такъ и того, что исповѣданіе еретическое не можетъ принадлежать сему патріарху, представляетъ намъ соборъ іерусалимскій, въ бесѣдахъ Кирилла, которыя онъ произносилъ публично въ церкви и въ своихъ церковно-юридическихъ положеніяхъ.

Итакъ, исповѣданіе писано не Кирилломъ Лукарисомъ; а всего вѣроятнѣе самими же кальвинистами, особенно если возьмемъ во вниманіе ихъ прежнее безуспѣшное обращеніе къ восточ-

---

[1] Chronic. Philip. Cypr., p. 457; Начертан. церк. ист., ч. 2, стр. 456.

нымъ іерархамъ и крайность въ спорахъ съ латинянами, въ которыхъ они должны были или молчать, или прибѣгать къ лжи и обману. Возможность дѣла и вѣроятность такого мнѣнія весьма согласна и съ тѣми обстоятельствами, въ которыя поставленъ былъ Кириллъ. Онъ жилъ, какъ мы видѣли, въ самое смутное время для константинопольской Церкви и іерархіи, которыя тогда волнуемы были двумя противоположными партіями — латинскою и реформатскою, равно искавшими согласія Лукариса на принятіе ихъ ученія. Кириллъ давно зналъ іезуитовъ и латинянъ, и содѣйствовалъ къ изгнанію ихъ изъ Константинополя.[1] Такое враждебное отношеніе Кирилла къ латинянамъ, а съ другой стороны снисходительное, или по крайней мѣрѣ невраждебное отношеніе къ реформатамъ естественно болѣе раздражало первыхъ, и не могло не нравиться послѣднимъ. Этого уже довольно было, чтобы латиняне объявили Кирилла реформатомъ, и объясняли всѣ его дѣйствія измѣною греческой вѣрѣ, а реформаты подтвердили клевету изданіемъ въ свѣтъ кальвинскаго исповѣданія вѣры подъ его именемъ. Возстанъ Кириллъ преж-

---

[1] Ἐκκλ. ἱστορία, Μελετίου, τ. III, σελ. 446—450. L. Allatii—1070; Monum. auth., p. 203.

де на реформатовъ, его объявили бы латиняниномъ. Примѣры такого неосновательнаго обвиненія есть у западныхъ. Реформаты считали латинянами всѣхъ, которые возставали противъ нихъ.[1]

Теперь намъ остается авторитетомъ Церкви подтвердить то, что патріархъ Кириллъ Лукарисъ не былъ авторомъ приписываемаго ему исповѣданія; а вмѣстѣ съ этимъ необходимо слѣдуетъ разсмотрѣть и то, что̀ произвело это исповѣданіе въ церквахъ западныхъ и восточной, и какъ отнеслась къ нему восточная Церковь.

Исповѣданіе это—само по себѣ зло—произвело много зла для восточной церкви, и вызвало пастырей ея на защиту своей церкви и борьбу съ реформатами. Какъ явившееся отъ имени всей восточной церкви, оно возлагало на восточную Церковь ужасную клевету, которая, не будучи снята Кирилломъ, распространялась повсюду, куда приносимо было самое исповѣданіе. Послѣднее достигло и нашей русской Церкви,—и хотя русскіе успокоены были письмомъ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго, однакожъ дѣло не обошлось безъ волненій. Западные же, особенно протестанты, съ охотой вѣрили клеветѣ, и уже ссылались на

[1] Monum. authent, Historia concertationis de transubst., p. 312.

мнимое исповѣданіе въ своихъ сочиненіяхъ, напр. Ѳома Мартонъ, епископъ данельменскій. Латиняне, по давнему нерасположенію къ восточной церкви и ненависти къ Кириллу, также вѣрили клеветѣ и обличали восточную церковь, доколѣ исповѣданіе не было осуждено. Іезуиты въ Греціи, пользуясь этою клеветою, находили случаи къ новымъ клеветамъ на іерархію и возмущали противъ нея народъ, стараясь привлечь преданныхъ восточной церкви къ римской.[1] Въ тоже время это исповѣданіе служило реформатамъ лучшимъ средствомъ для распространенія ихъ ереси между восточными православными христіанами. Разнося его по Константинополю и Греціи, они выдавали его за православное отъ имени патріарха, и соблазняли неопытныхъ. Вслѣдствіе этого, ученіе реформатское мало по малу начало проникать почти во всѣ слои общества восточной церкви.[2]

Такое усиленіе зла естественно должно было обратить на себя вниманіе восточныхъ пастырей. И вотъ, еще при жизни Лукариса—въ 1633 году, какъ только появилось на востокѣ мнимое ис-

---

[1] Μελετίυ, ἱστορ. Ἐκκλ., σελ. 450. [2] Μελετίυ, ἱστορ. Ἐκκλ. τ. III, σελ. 418. Ἐπίκρισις εις τὴν νεοελλ. Ἐκκλ. ὑπὸ τοῦ Οἰκονόμων, 1839 г., σελ. 450.

повѣданіе Кирилла, Матѳей Каріафилъ, иконійскій епископъ, опреверглъ его въ своемъ сочиненіи.[1] Но этого было мало: Кириллъ Лукарисъ, самъ проповѣдывавшій противъ этого исповѣданія, въ 1638 году былъ удаленъ, не успѣвъ письменно отвергнуть его,—и клевета осталась неснятою—ни съ него, ни съ восточной церкви; а потому, имени патріарха надлежало противопоставить авторитетъ собора, чтобы остановить дерзкихъ реформатовъ. Восточные патріархи —Ѳеофилъ іерусалимскій, и Митрофанъ александрійскій, узнавши о клеветѣ на восточную церковь и появленіи въ Греціи кальвинской ереси, прибыли вмѣстѣ съ митрополитами, епископами и прочимъ клиромъ въ Константинополь, и составили здѣсь соборъ въ 1638 году подъ предсѣдательствомъ Кирилла беррійскаго, какъ старшаго по мѣсту патріарха, и, разсмотрѣвши исповѣданіе, произнесли анаѳему на неправославные пункты, содержащіеся въ немъ, на Кирилла Лукариса и на всѣхъ, принимающихъ исповѣданіе это за православное;[2] на Кирилла, впрочемъ, по свидѣтельству собора іерусалимскаго,[3] не потому, чтобы восточные признавали его за писате-

[1] Flerii — tom. 55., p. 270. [2] Allatii — 1662.: Gesch. des Protest., 215. [3] Monum. fidei—Synodus Hieros. C. V. Mon. auth., p. 308—364.

ля исповѣданія или кальвиниста, а потому, что онъ не писалъ на него опроверженія. Въ то же время Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, написалъ исповѣданіе православной вѣры восточной столько же противъ реформатовъ, сколько противъ латинянъ и уніатовъ.[1] На помѣстныхъ соборахъ: въ Яссахъ и Константинополѣ (въ 1642 году), снова разсмотрѣно и осуждено было еретическое исповѣданіе, но Лукарисъ освобожденъ былъ отъ новой анаѳемы.

Между тѣмъ, и послѣ этихъ мѣръ, реформаты не оставляли восточной церкви въ покоѣ, и разносили означенное исповѣданіе по Франціи, выдавая его за восточное.[2]

Оставалось отъ лица всей восточной православной церкви и предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ отвергнуть мнимое исповѣданіе Кирилла Лукариса, и изложить православные греческіе догматы, чтобы такимъ образомъ отнять всякій поводъ къ клеветѣ, отдѣлить восточную церковь отъ латинской и реформатовъ, и дать чадамъ ея вѣрное средство *различать духовъ, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1). Это предоставлено было сдѣлать

---

[1] Μελετίου ἱστορ. Ἐκκλ., τ. ΙΙΙ, σελ. 450, S. 14. [2] Lettre Nectarii dans monum. auth. p., 493; Consil. de Hierosol., p. 265.

Досиѳею, ученому и ревностному пастырю іерусалимскому, который и исполнилъ это дѣло. Путешествуя для собранія милостыни по Болгаріи и Молдовлахіи, Досиѳей узналъ подробно о клеветахъ, взносимыхъ на восточную церковь устно и въ сочиненіяхъ, и собравши нужныя свѣдѣнія о Кириллѣ Лукарисѣ, по возвращеніи своемъ въ Іерусалимъ, и—по предварительномъ совѣщаніи съ другими святителями, приступилъ къ собору, въ 1672 году. На этомъ соборѣ въ третій разъ снята была клевета съ восточной церкви, взнесенная подложнымъ исповѣданіемъ, и окончательно оправданъ патріархъ Кириллъ Лукарисъ.

Отцы собора отвергаютъ клевету, взведенную реформатами на Кирилла Лукариса и восточную церковь, въ шести главахъ дѣяній собора. Для насъ важны первыя двѣ главы, въ которыхъ касается дѣло лично Кирилла Лукариса.

Соборъ іерусалимскій, порѣшивши дѣло о томъ, что кальвинское исповѣданіе не принадлежитъ патріарху Кириллу Лукарису и восточной церкви, обращается къ соборамъ константинопольскому и ясскому, приводитъ ихъ опредѣленія, утверждаетъ ихъ въ томъ отношеніи, что подложное исповѣданіе не есть исповѣданіе восточной церкви, и рѣ-

шаетъ вопросъ о томъ, почему одинъ соборъ (константинопольскій) произнесъ анаѳему лично на Кирилла Лукариса, а другой (ясскій) не лично. Если соборы—ясскій и константинопольскій (при Парѳеніѣ), въ сѵнодальномъ посланіи своемъ не произнесли анаѳемы на Кирилла, то это было сдѣлано не по снисходительности къ Кириллу (богоносные отцы не имѣютъ пристрастія къ лицу, и не предпочитаютъ людей, или что другое Богу), а потому, что онъ никогда не былъ восточною церковію признаваемъ за кальвинствующаго, или мыслящаго иначе, нежели какъ мыслитъ восточная церковь. Первый же соборъ, бывшій при Кириллѣ беррійскомъ, осудилъ лично Кирилла Лукариса не потому, что призналъ его за еретика, а потому, что онъ не написалъ опроверженія противъ приписываемаго ему исповѣданія.[1]

Этимъ соборомъ православная церковь закончила свое дѣло объ исповѣданіи, приписываемомъ врагами православія ей и Кириллу Лукарису, и—лично о Кириллѣ Лукарисѣ. Послѣ опредѣленія этого собора никто изъ православныхъ сыновъ церкви восточной не сомнѣвался въ православіи патріарха Кирилла Лукариса, и не осмѣлился

[1] Monumenta fidei Eccl. Graecae; Synodus Hierosolima.

назвать его кальвинистомъ. Что же касается до неправославныхъ, то они, не обращая вниманія на свидѣтельства восточныхъ православныхъ историковъ, не повинуясь восточной церкви и не
яясь ея опредѣленій, до настоящаго времени
цутъ на невиннаго патріарха, не смотря на
еосновательность своихъ клеветъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Ірининая во вниманіе современныя Кириллу
ису обстоятельства церкви восточной, его
и дѣятельность, и зная несостоятельность
ній, взносимыхъ на него врагами право-
, — мы по справедливости скажемъ, что
е только былъ православный и ревностный
пастырь, но и достойный занять мѣсто въ исторіи восточной церкви между великими патріархами—Фотіемъ, Михаиломъ Келулларіемъ, Геннадіемъ Схоларіемъ, Іереміею I, Іереміею II. Мелетіемъ Пигою и другими.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
9	13 сверху	крайнихъ	крайнихъ
11	4 „	какбы	какъ бы
25	7 „	дѣлами	дѣлами
32	18 „	въ мѣстѣ	вмѣстѣ
49	19 „	партіарха	патріарха
70	5 „	слѣлалъ	сдѣлалъ
73	12 „	своего	своею
74	10 „	сущесвованія	существованія
80	1 „	они	они
81	2 „	Лукариту	Лукарису
87	7 „	не могь	не могъ
88	3 снизу	перечесляетъ	перечисляетъ
—	2 „	православной	православной
90	6 „	хранитъ	хранитъ
95	2 сверху	Кукарисъ	Лукарисъ
97	1 „	нидерландскому	нидерландскому
113	7 „	съ него	съ него.
118	12 „	распрояженіе	распоряженіе
122	8 „	опредѣлимъ	опредѣлилъ
—	16 „	посланія.	посланія.
124	12 „	присутсвіи	присутствіи
133	6 „	цевкви	церкви
134	1 „	огсылалась	отсылалась
—	10 „	Аѳонѣ	Аѳонѣ
139	7 „	іазуитами	іезуитами
149	9 снизу	халкиндонскому	халкидонскому
150	8 сверху	Обезопашенный	Обезопасенный
151	8 снизу	слованъ	словамъ
160	8 „	ненавысть	ненависть
165	6 сверху	етаранія	старанія
178	15 „	сослялъ	сослалъ
—	19 „	Усилиаясь	Усиливаясь
180	7 снизу	намѣремъ	намѣренъ
183	4 сверху	представили	представили
185	4 „	въ томъ	въ тотъ
192	3 снизу	и на которые	и на которые

2007056172